

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РАВНИКУ

<u>Кренко</u>	Jenna Helland
<u>Великое воссоединение</u>	Adam Lee
<u>Тени Прахва</u>	Jenna Helland
<u>Во славу ДушиМира</u>	Jenna Helland
<u>Груульская находчивость</u>	Adam Lee
<u>Убойные игрища</u>	Trick Jarrett
<u>Семь колоколов</u>	Jenna Helland
<u>Воровской лаз</u>	Tom LaPille
<u>Декрет о прозрачности</u>	Brady Dommermuth
<u>Прощание с Пактом Гильдий</u>	Adam Lee
<u>Навязчивость воспоминаний</u>	Adam Lee
<u>Ради большего блага</u>	Adam Lee
<u>Гильдия сделок</u>	Adam Lee
<u>Эксперимент №1</u>	Kelly Digges
<u>Фыблтып</u>	Matt Tabak
<u>Погребение</u>	Adam Lee
<u>Билагру придет за тобой</u>	Ari Levitch
<u>Жесткая продажа</u>	Kelly Digges
<u>За черным солнцем</u>	Adam Lee
<u>Таисия Карлова</u>	Adam Lee
<u>Рурик Тар</u>	Jennifer Clarke Wilkes
<u>Невероятная история Баррина</u>	Adam Lee
<u>Ожидания</u>	Nik Davidson
<u>Жизнь в круге</u>	Sam Stoddard
<u>Преследование</u>	Ari Levitch
<u>Сотня ступеней</u>	Adam Lee
<u>Последний день</u>	Colin Kawakami
<u>След на бумаге</u>	Nik Davidson
<u>Битва за Девятый район</u>	Adam Lee
<u>Университет Равники</u>	Jennifer Clarke Wilkes
<u>Горгона и Пакт Гильдий</u>	Doug Beyer
<u>Проект Светлячок</u>	Doug Beyer
<u>Семейные ценности</u>	Alison Luhrs
<u>Гордыня кроулов</u>	Alison Luhrs

Перевод:
Андрей Ф. Галилейский
Оля Тиссен

Кренко

Jenna Helland

У Кренко был крепкий желудок с детства, когда ему приходилось есть из сточных канав, но мистер Таз все же вызывал у него отвращение. Это была уже третья их встреча по обсуждению совместных дел, но странный вид Таза все время оставался неизменным. Он выглядел, как человек, но его лицо слишком свободно обволакивало череп, и казалось, что его кожа никак не была закреплена к скелету. Когда Кренко думал об этом слишком долго, он представлял, как вся эпидерма Таза сползает с него и стекает вниз, в лужу из плоти у его ног.

- Как Ваш ягненок, мистер Кренко? - спросил Таз. Они были в дымном трактире, рядом с Плавильным Районом – это был выбор Таза. Не на территории кровавой ведьмы, но совсем не далеко от нее. Это было хорошо, потому что Кренко презирал Рекдосовских головорезов. Ему совсем не нравилась их полнейшая непредсказуемость.

- Мм, вкуснятина, - Кренко показательно откусил кусок баранины и обдумал свои варианты. Таз не был личем или некро-чем-то, в противном случае, исключительный гоблинский нюх Кренко это бы распознал. На самом деле, Таз пах весьма дорого, миндалем и чистыми кроликами. Кренко проанализировал то, как колыхалась кожа под глазами Таза и морщилась вокруг костяшек его пальцев. О, это был, очевидно, плотский костюм - и к тому же не очень подходящий по размеру.

- Я полагаю, Вас заинтересовало задание? - продолжал Таз. Его шея была прямой, без кадыка - как женская. Но его голос был низким и хриплым.

- Оно стремное, - утвердительно ответил Кренко.

- Да, но Вы зарекомендовали себя, как профессионал в дерзких маневрах.

- Благодаря Вам, мистер Таз, - сказал Кренко. Он с удовольствием вспоминал последнее дело со взорванной Азориусовской статуей и пылающими сапролингами. Да, Кренко нравился этот человек со скользким лицом, который подкидывал ему классные дела. Для молодого гоблина, только начинающего свой путь, наставник с хорошими связями был даром, которого Кренко никак не мог ожидать. Кроме того, Кренко глубоко уважал все, что могло объявить себя уродом, и не на крысиный хвост не заботиться о том, на что был вынужден смотреть остальной мир.

- Борос, хм, - сказал Кренко, колеблясь. Он хотел взять это дело, но это будет не просто. Ему нужно будет прошвырнуться по Литейной Улице. Аззик и Пондл были надежными, но едва могли досчитать до десяти. Каждый день на его склад приходило все больше гоблинов. Они следовали за Кренко повсюду, будто он был ведром меда, что было бы полезно, если он найдет им достойное занятие. Может с деньгами за эту новую работу Таза...

- Ладно, - наконец, сказал Кренко. Он не сомневался в своей способности повернуть эту кражу, но снова восхитился тому, что Таз доверил такое задание простому гоблину. Большинство считало гоблинов паразитами в худшем случае, и вьючными животными в лучшем. - Я все сделаю.

- Не сомневаюсь, - мягко сказал человек. Он подтолкнул гоблина через стол бархатный мешочек. Сквозь его щели пробивались лучики света. - Это особый инструмент Вам в помощь.

Кренко заглянул внутрь и улыбнулся, увидев светящийся кинжал, обернутый бархатом. - О, Вы очень хорошо меня знаете.

- Гениальность умеет распознать другую гениальность, - мягко сказал мистер Таз.

- И Вы уверены, что Вы хотите, что бы я Вам принес именно это? - спросил Кренко. - Может, я мог бы спереть для Вас что-нибудь более ценное?

- Нет, мистер Кренко. Предмет, который я прошу, вполне способен меня осчастливить. - Таз улыбнулся своими несоразмерными губами и растворился в толпе трактира.

* * * * *

Засунув заколдованный кинжал Таза в ботинок, Кренко начал свое наблюдение за ДомомСолнца, внушительным штабом гильдии Борос. Проведя несколько часов на крыше с подзорной трубой, Кренко уже изнывал от жары и скуки, узнав совсем мало нового: Борос все еще любили прямые линии и тяжелый труд. А Кренко все еще не мог поверить, что гоблины вербовались в эту гильдию добровольно, и все же, они были там: копали траншеи, мыли бараки, грузили трупы на Голгариевских труповозов. Кренко задумался, каждый ли день оборачивался таким количеством мертвых солдат, или что-то случилось там, за пределами линз его подзорной трубы.

Следующим утром, Кренко расхаживал по столовой ДомаСолнца с таким видом, будто он был ее хозяином. Просторный зал за раз вмещал в себя тысячу голодных солдат. Они сидели перед мисками с горячей едой за длинными столами, которые, казалось, простирались на многие мили. В зале было шумно и жарко, но огромное количество бесплатной еды отвечало на один из давних вопросов Кренко. В этом свете, гоблины в гильдии Борос стали для него вполне понятным явлением.

Кренко влез на край лавки, положил себе утиных яиц, и приступил к ним, слушая мерный шум голосов вокруг него. Солдаты за его спиной говорили о драке на Сквашенном Спуске - Кренко пришел к выводу, что она была из-за девушки, и повернул уши в другую сторону. Затем, через несколько мест от него, молодой парень с темными волосами сказал что-то, что привлекло его внимание:

- Дело сводится к дуэли, - сообщил он женщине, сидящей напротив него. Ее голова была перевязана.

- И кто это предложил? Аврелия? - спросила она. Она говорила тихо, словно не хотела, чтобы ее слышали. Но парень говорил громче, чем было необходимо.

- Нет, носастый Азориус нашел надпись мелким шрифтом, - сказал он.

- В это слабо верится, - с сомнением в голосе сказала женщина. - Аврелия примет вызов?

- А почему нет? - парень почти орал. - Да она Винренн в секунду порвет.

Вдруг, скамья, на которой сидел Кренко, накренилась, и несколько солдат вскочили на ноги.

- Прикрой свой рот, рядовой! - крикнул кто-то, и между столами началась потасовка. Кренко поднял свою тарелку и направился в другой конец зала. Подобная горячность и нарушение дисциплины была очень не типична для Борос. Кренко сделал глубокий вдох, наслаждаясь тем, как закипало напряжение в столовой. Да, это дело обещало быть настолько же веселым, насколько и прибыльным.

* * * * *

На следующий день Кренко отправился на поиски неприятностей. И он находил их повсюду. В ДомеСолнца пылали страсти, и рядовые были больше заняты ссорами, чем повседневной рутинной. Кренко присоединился к рабочей бригаде гоблинов на одном из огромных балконов, торчащих из массивного и величественно здания штаба Борос.

- Куда мне нужно пойти, если я захочу взглянуть на Пушка? - прошептал он стоящему рядом с ним гоблину с крючковатым носом. Тот полировал стену уже около часа, и за это время не произошло ничего полезного. На форме гоблина было несколько заплат, но, видимо, их было не достаточно, чтобы отвлечь его от ручной работы.

- Шшшш! Она говорит, что теперь ее нужно называть Гилдмастер Винренн, - он говорил очень медленно, как будто Кренко был умственно отсталым ребенком.

- Как бы ее там ни звали, где мне ее найти? - спросил Кренко.

- Ты откуда, из какого-то Груульского захоластья? Наверху, но тебе лучше держаться оттуда подальше.

- А в чем дело? - спросил Кренко. - Я только что приехал из Булыжного Вала.

Гоблин выглядел весьма самодовольно. - Мда, я так и думал, что ты Груул. Ну, тут у нас переполох. Аврелия будет нашей новой главой, потому что она говорит, что падшая ангел не имеет права управлять гильдией. Винренн будет изгнана. Пока она не будет создавать проблем, ей оставят жизнь. Ну, все, больше никаких разговоров, или я донесу на тебя. Понял?

Самомнение гоблина наполнило Кренко отвращением. Все это место висело на волоске. Все, что нужно было сделать, это легонько его подтолкнуть.

Хаос - лучшее укрытие, и Кренко начал поджигать все кругом и выбивать ногами двери. Первый этаж: подстрекающий слух для желающих в него поверить; Второй этаж: удар в нос вчерашнему напыщенному гоблину; Третий этаж: искровые бомбы; Четвертый этаж: настоящие бомбы. К тому времени, как он достиг верхнего этажа, залы были наполнены топотом тяжелых сапог и выкриков о тревоге. Снаружи, на открытых площадках раздавался звон мечей. И никто не заметил кривоzubого гоблина, проникшего в покои Винренн, также известной под прозвищем Пушок, гилдмастера, которой очевидно не доставало контроля за своими подчиненными.

Кренко оказался в пустой комнате под открытым небом. Яркий солнечный свет струился на прозрачную сферу заключения, парящую над высеченным на мозаичном полу, кроваво красным кулаком, окаймленным огненным ореолом. Белокрылая ангел находилась в магическом трансе внутри сферы. Ее крылья окутывали ее, словно птенца. По всей видимости, она спала.

Бегло осмотрев комнату, Кренко вытащил свой светящийся нож из ботинка и ткнул им в сферу. Ничего не произошло, поэтому он пырнул еще раз. И еще. Ничего. Тьфу, зачем Тазу давать ему светящийся нож, если он ничем не отличался от обычного ножа?

Сначала ему казалось, что сфера была сделана из света и тумана, но когда Кренко провел ладонями по ее поверхности, он почувствовал что-то твердое у ее вершины. Он взял нож и треснул его рукояткой о невидимую твердь. Раздался хлопок, и разряды голубых молний пронеслись по комнате. С еще одним крепким ударом, сфера рассеялась, бесцеремонно выронив ангела на пол.

Услышав приближающийся топот со стороны коридора, Кренко быстро выдернул два пера из ангельских крыльев в тот момент, как она начала двигаться.

- На помощь! - заорал Кренко, подбегая к дверям. - Она пыталась сбежать! Она освободилась. Она напала на меня!

Широкоплечие стражники вломились в комнату, и Кренко пришлось увильнуть от их могучих ног, чтобы пробраться к двери. Когда он выскочил из комнаты, закованный в броню минотавр грубо втащил ангела на ноги, не обращая внимания на ее протесты.

В тот миг, когда Кренко достиг центральных ворот, мощный взрыв сотряс весь ДомСолнца. Это не был один из его взрывов, с радостью подумал Кренко. Действительно, хаос был лучшим из всех его инструментов.

На закате Кренко встретился с Тазом на Миллениуме, воздушной платформе, с наиболее вожделенными видами во всей Равнике. Мало было быть простым смертным, чтобы получить билет в это место. Некоторые Равникийцы ожидали своей очереди всю свою жизнь. Большинству из них так и не выпала такая возможность. Таз ожидал его в назначенном месте, взирая на захватывающий вид пугающих лабиринтов из зданий и улиц.

- Иногда я забываю смотреть на небо, - сказал Таз, когда Кренко передал ему деревянную шкатулку. Внутри лежало белое ангельское перо. Казалось, оно светило алым светом в лучах заходящего солнца. - Порой я не вижу солнца целыми днями.

Кренко хмыкнул в знак согласия. Он знал, каково это - быть крысой в вечном мраке.

- Я невероятно доволен, - сказал Таз. - Ваша оплата доставляется в Ваше заведение в эти самые минуты.

Кренко сиял. С такими деньгами он мог хоть каждый день покупать завтраки Аззику и Пондлу, если захочет. Не то, что бы он этого хотел. Кренко протянул руку, чтобы закрыть дело, но вместо того, чтобы пожать ее, Таз вручил ему серебряный ключ с символом Оржов, выгравированным на его ручке.

- Оржовский сейф, - сказал он. - Этот ключ – все, что нужно, чтобы забрать из него деньги.

Кренко наострил уши. - Чьи деньги?

- Вообще-то, Пушка. В свое время она заработала их на воджековской службе. Но теперь они ей не понадобятся.

- Почему бы Вам не оставить его себе? - спросил Кренко.

- Считайте, что это бонусная оплата. За отлично выполненную работу. - Улыбнулся мистер Таз, и кожа провисла с его подбородка. - У Вас прекрасные навыки руководителя, мистер Кренко. Я вижу Вас предводителем чего-то большого.

Кренко спрятал ключ в карман и наклонил голову. – Что-то еще, мистер Таз?

- О, сущий пустяк. Когда будете в Оржове, сможете добыть для меня оду мелочь?

* * * * *

Тренз поправил свои эндотаксисные окуляры на переносице его кривого носа. С добрым утром, долгожданный День Эксперимента! Моргая сквозь туман гиппер-окулярной пыли, клубящейся в воздухе, он глубоким вдохом втянул ее обеими ноздрями. Трензу нравился запах дымящегося металла, струящийся из Магнетического Нитроксида, его заряженного маной устройства, занимавшего всю восточную стену его лаборатории.

Лучи утреннего солнца пробились сквозь треснувшее окно, смотрящее на квартал заброшенных строений, которые Тренз с нежностью называл Переулком Пустой Чаши. Он помахал рукой горстке Селезнийских миссионеров, которые уже несколько месяцев вручную разгребали завалы из обломков строений и мусора. С такими темпами, за 102.7 лет, они расчистят достаточно места, чтобы посадить новое гильдийное дерево для их зарождающегося сообщества.

Тренз осмотрел свою пыльную лабораторию и почувствовал, как его едва не распирает от удовольствия. Где-то далеко, в Десятом Районе, Огненный Разум, должно быть, сейчас возлежит в своем логове, на вершине Нивикса, обдумывая миллионы разных вещей одновременно. Тренз мечтал бы удержать в мозгу хотя бы крупницу всего того, что Нив-Миззет обдумывал за долю секунды.

Нив-Миззет лично выделил Трензу этот отдаленный квартал города, как площадку для его Экзособых Экспериментов. Еще до того, как он стал полноценным химиком, Тренз привлек внимание дракона, создав эфиропраксальный туннель от Нивикса к воротам Дома Солнца. Впоследствии, Огненный Разум одарял Тренза личными заданиями, ведущими его в направлениях, до которых он никогда бы не смог догадаться самостоятельно. Да, великие дела вершились в последнее время, и Тренз не мог вспомнить, когда он в последний раз спал. У него было просто слишком много дел, чтобы возиться с бессмысленным закрыванием глаз.

И вот настал День Эксперимента! Тренз расколет скорлупу яйца истины и положит его в лапы своего повелителя. Тренз застегнул свой противовзрывной шлем и надвинул на лицо электролокоскоп. Он окинул взглядом комнату, любясь невероятной четкостью и детальностью ее отображения в локоскопе. На купольном потолке были видны забытые отпечатки пальцев каменщиков; вчерашние капли крови, разбрызганные на его укрепленных ботинках. Тренз обожал мелкие детали. Они все приводили к чему-то грандиозному.

Эксперименты, лишённые риска, ни к чему не приводят. Взрывы были выражением искусства разума, охваченного пламенем знаний!

Он прошел по кривым половым доскам и встал перед Магнетическим Нитроксидактором, стихийным негоциантом его собственной разработки. Такой компактный. Такой безупречный. Если бы он был ручной мышью, он бы поцеловал его между его пушистых крошечных ушек. Тренз вздохнул, переполненный радостью. Если это и есть истинное мышление, то я не знаю, чем я занимался раньше, думал он.

Настал момент его триумфа. Он сузил его до четырех тестов, каждый из которых нес в себе невероятный потенциал. Каждый тест раскроет ему жемчужины бесценной информации, которую он доставит в Нивикс. Но лишь единственный из них был верным выбором. Но который?

Тренз выбрал Пространственный Эктофрактализер. Крайне осторожно, он насыпал чистейший окулярный порошок в болтовое отверстие. Порошок начал тускло светиться, от чего у него почему-то зачесалось в носу. Порошок в контейнере задрожал, сжался в комок, и снова вздрогнул. Тренз чихнул, и окружающая реальность окрасилась в прекрасные оттенки цвета кобальта и ржавчины. Упс, подумал Тренз. Слишком много порошка.

Тем временем, глубоко в недрах нижнего города, шел разгоряченный спор между двумя таинственными фигурами, укутанных тенью. Как только лучи красновато-коричневого света

осветили их, они спешно отступили во мрак. Седовласый мужчина появился из ниоткуда, громко выругался, и шумно зашагал по сырым камням мостовой в сторону верхних улиц. Когда он исчез из вида, потревоженные спорщики в изумлении переглянулись. Перед ними искрился прекрасный портал, и мистер Таз был уверен, что он приведет их именно туда, куда им было нужно попасть.

- Что ж, Кренко, - пробормотал Таз кривоносому гоблину, стоящему рядом с ним. – Похоже, проникнуть во внутреннее святилище Оржов будет не так сложно, как Вы полагали.

* * * * *

Выдержка из перечня десяти самых разыскиваемых преступников палатой исполнительной власти Сената Азориус

№5 Кренко и Неизвестный

Гильдийная принадлежность:

нет

Краткая характеристика:

Подозреваемый гоблин проник на территорию Оржовы, воспользовавшись незаконным порталом. Его видели входящим в залы Призрачного Совета, которые пустовали в виду того, что в это время заседания Совета не проводилось. Затем он начал метаться по коридорам, увлекая охрану в бессмысленную погоню за собой. Наконец, он был загнан в угол в Великой Библиотеке, где он взял в заложники тралла. Когда стало очевидно, что судьба тралла никого не беспокоила, он напал на охранников, взорвал самодельную бомбу и исчез. Призрачный Совет обвиняет его в краже, при этом, отказавшись от описания похищенного предмета, что препятствует дальнейшему расследованию данного инцидента. Нам известно, что гоблин руководит успешным организованным преступным синдикатом и как-то связан с таинственным мистером Тазом. Является ли Таз истинным главой синдиката, или действует сам по себе, доподлинно не известно.

Последнее совершенное преступление:

Незаконное использование портала; использование тралла в качестве зажигательного средства.

Великое воссоединение

Adam Lee

- Сестра, ты уже там?
- Я не знаю. Я чувствую вибрацию. Это, должно быть, она.
- Следуй за ней. Ты уже дальше, чем в прошлый раз.
- Такое чувство, что она повсюду, но я не могу найти ее. Я знаю, что она там, но... это слишком... я не могу.
- Сестра... сконцентрируйся...
- Я не могу.

Вот уже три месяца три дриады сидели в круге, надеясь нащупать связь. Они сидели одни, в небольшой роще, ветви которой вились вокруг них, создавая тихое внутреннее пространство, отделяющее дриад от массивных гранитных и кирпичных зданий, растянувшихся вокруг, словно тело древнего, павшего голема.

Они вышли из транса и позволили окружающему миру вновь овладеть их вниманием – ветер, шуршащий в листве; короткая трель птицы; и постоянный, отдаленный гул Равники и ее жителей, перекатывающийся подобно шуму бескрайнего океана.

Они были неразделимой троицей, но при этом совершенно разными. Оба была дикой, наполненной жизнью, ее волосы переплетались с листьями и лозой, цвет ее глаз менялся по ее настроению – от изумрудно-нефритового, до дымно-коричневого. Сес, в отличие от ее сестры, была более упорядочена, если можно так выразиться; ее волосы были аккуратно уложены под диадемой из золотого дерева и спадали ей на плечи каштановым каскадом. Сим, старшая из сестер, была связующим звеном между двумя ее сестрами; несмотря на то, что она была не высокой, хрупкой дриадой, в ней была мощь, которую чувствовал каждый член Конклава. Сим могла обнаружить пути, невидимые никому другому, и всегда находила способы уравновесить потребности каждого с его ближними.

Сим заговорила первой.

- Я была близко. На этот раз очень близко, но все так запутано. Она там, в этой огромной паутине, я знаю это. Но, словно, она не может сконцентрироваться... или я не могу. – Сим провела тонкими пальцами по коротким волосам и накрыла голову зеленым капюшоном, закрываясь от внешнего мира.

- Мы тоже ее видели... - сказала Оба, смотря на Сес, которая завершила ее предложение.
-...она слишком огромна. – Они откинулись на траву, позволяя ее прохладе окончательно вывести их из транса. Сим смотрела на небо, положив подбородок на колени.

- Мы должны добраться до нее, - сказала Сим. – Иначе она покинет нас всех.

- Это становится опасно, - сказала Сес.

- В этот раз вернуть тебя было сложнее, - вторила ей Оба.

- Вся Селезня рассчитывает на нас, и мы не можем их подвести. – Сим нахмурила брови. – Мы не можем допустить распад гильдии. Мы не можем сдать.

- Что, если она не хочет возвращаться, Сим? – спросила Сес. – Хватит ли у нас сил пойти против ее воли?

- Что, если это испытание? – взглянула на сестер Оба. – Может, она хочет что-то от нас.

Спустя мгновение тишины, понимание, незримой волной окатило сестер. Сим встала на ноги.

- Саниел захочет знать о том, что мы видели.

* * * * *

Саниел сидел среди верховных жрецов Селезнии и читал все по их лицам. Эмпатическая связь через ДушуМира обнажила таким искусным, невербальным способом правду, которую они не могли игнорировать: Мать Селезнии неумолимо угасала, словно свет от гаснущей свечи.

После того, как были выслушаны первые мрачные доклады о потерях в рядах членов гильдии, ослаблении веры, и массовых недовольствах, эльф священник Моландер медленно встал и обратился к собравшимся. Он выглядел изможденным для эльфа, подумал Саниел, но, с другой стороны, Моландер всегда выглядел изможденным.

- Мы должны задуматься о немыслимом, - произнес Моландер, своим сухим, прозаичным тоном. – Как бы нам не хотелось продолжать надеяться на то, что какое-то чудо упадет на нас с неба, мы должны быть готовы к худшему. Селезния должна идти вперед с нашим парунном, Матерью Селезнии, или без нее. – Моландер на мгновение замолк, ожидая, когда его слова осядут в сознании собравшихся, пока его помощник развернул на столе богато украшенный свиток. – Со дня нападения на Виту Гази, я начал работать над тем, чтобы поддерживать жизнь гильдии, проповедуя наши заповеди в академии. Там, где ее структуру и характер можно изучить, усовершенствовать, и передать будущим членам нашей...

- Так вот в чем дело! – воскликнул Трослон, понявшись с места и стукнув громадными кулаками о стол. – Не можешь дождаться, чтобы накрыть нас всех своей жалкой сеткой из законов. – Он повернулся, обращаясь ко всем. – Селезния там, где есть жизнь, и это все, что должен знать каждый в этой гильдии. Если вам нужны правила и академии, ступайте в Азориус.

- Не правила, Трослон. Порядок. – ответил Моландер тоном того, кто уже сотни раз спорил именно на эту тему, именно с этим оппонентом. – Наша гильдия разваливается на куски. Мы теряем людей. Даже самые преданные утрачивают связь с ДушойМира. Нам нужно что-то, чем мы могли бы скрепить конклав. Что-то осязаемое.

- Я покажу тебе что-то осязаемое, - прогремел Трослон, потрясая массивным кулаком величиной с булыжник.

- Ты говоришь, как Груул, - бросил ему Моландер. – Дай тебе волю, мы бы до конца года уже жили в руинах среди мусора.

- Господа, - сказал Алкарус, достаточно громко, чтобы обратить на себя внимание обоих. – Если вы забыли, не так давно самого Рекдоса протащили по улицам, как изрубленного индрика, и сбросили его в эту чертову преисподнюю. Никто не знает, жив он или мертв. Так почему же эти маньяки смогли с этим разобраться, а мы сидим здесь и швыряемся друг в друга обвинениями?

- Если ты считаешь, что бегать по городу, подобно стае диких псов, пожирая друг друга, означает «разобраться», - сказала Садруна, - тогда, почему бы тебе не воспользоваться их успешным примером? – На ее лице застыло выражение лица, подчеркивающее ее мысль. – У нас нет ничего общего с этими головорезами.

Саниел наблюдал за тем, как старые споры неизбежно выплывали наружу. Высший совет начал дробиться на разрозненные группы, ругающиеся из-за уже изрядно притершихся разногласий – тех, кто выступал за возвращение к природе, высадке диких лесов и древним обрядам служения жизни, и тех, кто ратовал за порядок, убежденные в том, что превыше всего было создание четкой структуры гильдии. Когда обсуждение перешло в шум, эмоционально окрашенный праведным гневом и природным буйством, Саниел вздохнул и посмотрел в окно, на отдаленный холм, покрытый деревьями и окруженный башнями и шпилями – крошечное, неприметное место, где три юные дриады пытались нащупать связь с одним из самых древних созданий Равники.

* * * * *

Дом Саниела представлял собой скульптурный шедевр. Посреди нескладных, угловатых кирпичей и остроугольной архитектуры Равники, дом Саниела, со своими мягкими изгибами и органической текучестью, казался не из этого мира. Саниел выстроил свой дом из нескольких кедров, искусно заставив их природный материал, расти по-особому, создавая приятные глазу и ладони линии и изгибы. Поговаривали, что дом Саниела был визуальным отображением Обители ДушиМира – эмпатической энергии, объединяющей всю Селезнию – но древоваитель скромно объяснял, что, создавая его, лишь следовал беззвучным наставлениям Матери Селезнии.

Сим сидела в удобном кресте, достаточно большом, чтобы выдержать ее, Обу и Сес. Дриады выглядели бледными, но решительными, угощаясь чаем, заваренным из корней паллиса и диковайры.

- Я была рядом с ней, Саниел. Я чувствовала ее там, словно она запутана в паутине, но мне никак не удавалось приблизиться, чтобы коснуться ее. Такое чувство, будто я ныряю за жемчугом, но мне не хватает воздуха.

- Мы не можем долго держать ее там, - сказала Оба, сделав еще один глоток чаю. – Обитель слишком далеко. У нас не хватает энергии, чтобы доставить ее туда.

- Вам нужно больше маны, - сказал Саниел, задумчиво поглаживая бороду и смотря на аккуратно разбитые сады, окружавшие его дом. – Вот и все. Туда должен быть путь.

Спустя несколько мгновений молчания, Сес спросила, - Почему она не возвращается?

Саниел повернулся и сел в кресло. – Причин может быть множество, Сес. Возможно, она потеряна. Возможно, она умирает, хотя в этом я сильно сомневаюсь. Вероятно, это некий цикл приливов и отливов, для постижения которого, у нас слишком короткие жизни. Лично я считаю, что она желает оставаться там, и ожидает нас.

- Испытание! – воскликнула Оба. – Я так и думала. – Она откинулась в кресле.

- Ожидает? – Сес выглядела озадаченной. – Чего она от нас ожидает?

- Не знаю, но мне тоже кажется, что это некий тест для нашей гильдии. – улыбнулась Оба и толкнула локтем сестру, пока Саниел продолжал: «В Равнике царит хаос. Гильдии разобщены. Некоторые из них рухнули, а наша собственная трещит от... глупости. Если бы мы только могли объединиться, как наставляла нас наш парун. Если бы мы только могли объять силу, окружающую нас, но без ее наставлений, мы раскалываемся на разрозненные версии того, какой должна быть Селезния».

Саниел погрузился в раздумья, и Сим наблюдала за ним, пока ее сестры начали клевать носом. Она наблюдала, как он взял кусок дерева и принялся питать его маной, разминая его, словно гончар кусок глины. Спустя час этого действия, когда уже даже веки Сим опустились под тяжестью дремоты, Саниел, наконец, поднял взгляд.

- Есть идея, - сказал он, показывая Сим свой кусок древесины. – Основа древоваятельства в умении размыть границы между тобой и твоим творением. Когда я леплю, дерево и мои руки сливаются воедино, и нет границ, где кончается дерево, и начинается рука. Когда это происходит, я, по сути, впитываю энергию жизни из дерева и использую ее для создания скульптуры. Если я смогу связать вас с деревом таким же образом, вы сможете впитывать его энергию и использовать ее для того, чтобы проникнуть глубже и коснуться Обители. Риска никакого не будет, плоть и дерево не так уж и отличаются друг от друга.

- Звучит забавно, - сказала Оба, полностью проснувшись.

* * * * *

Ранним утром, еще до того, как солнце показалось над возвышающимися башнями, Саниел повел сестер сквозь извилистые брусчатые улицы и аллеи, приведшие их, в итоге, к дубовой роще. Они вошли в рощу, и через некоторое время почувствовали, словно вокруг них больше не было зданий города. Сим представляла себе, словно их окружали бескрайние мили лесов. Вскоре они вышли к кольцу особенно старых и кривых дубов. Они остановились и расселись под их кронами, пока Саниел собирался с силами. Через пару мгновений, он кивнул Сим.

- Вы готовы? – спросил он.

- Мы сделаем все, что в наших силах, - ответила Сим.

Зачитав древнее заклинание, известное лишь дриадам конклава, Сим, Сес и Оба вошли в транс. Закрепившись в нем, они погрузились глубже и, наконец, увидели перед собой Обитель.

- Мы готовы. Связывай. – Беззвучно сказала Сим, надеясь на то, что Саниел почувствует их через ДушуМира.

Сим чувствовала Обу и Сес рядом с собой, словно пульсацию кругов на воде. Она чувствовала их вовлеченность; опасения; и, прежде всего, надежду. Что бы ни случилось, они были вместе. Это было главное.

Затем магия Саниела наполнила их. Как только он сплел с ними корни деревьев, Сим почувствовала приток жизненной энергии. Словно в ответ на это, волокна Обители протянулись к ним и начали обволакивать дриад, проходя сквозь них, словно светящиеся нити. Поначалу ощущения были приятными, когда подобные корням волокна сливались с их кожей, но Сим понемногу начала охватывать паника, когда все больше нитей связывало их и тащило все ближе к Обители. Она чувствовала ее силу, и внезапно ей овладело ощущение удушья. Первобытная часть ее мозга слепо боролась, пытаясь вырваться из этой сети.

- Я не могу дышать...

Затем, миллионы нитей бесконечным потоком хлынули в Сим и затопили ее сознание океаном энергии. В порыве отчаянья она бросилась к сестрам, в надежде схватиться за что-то твердое в этом ревящем водовороте. Каким-то чудом она смогла найти их присутствия, размытые и затуманенные сетью из мириады света и тончайших волокон. Она чувствовала их, их

воспоминания, мысли, и эмоции. Они держались друг за друга, чувствуя, как сквозь них проходит энергетический шторм. Спустя мгновение, казавшееся им вечностью, вибрации замедлились и успокоились. Она огляделась, находясь внутри Обители, чувствуя ее пульсирующую сердцевину. Их связь была, наконец, совершена.

Затем, голосом чистым, словно хрустальный звон, Мать Селезнии заговорила.

* * * * *

- Ты проникло глубоко, маленькое семя. Хватит ли у тебя сил вынести плод того послания, что я должна передать тебе? – голос звучал, как колокол, но перед ними лишь пульсировала сеть жизни.

- Да, Всевышняя Мать, я вынесу любую ношу ради тебя, - обратилась к Обители Сим.

- Очень долго я спала в Великом Древе, беззвучно обращаясь ко всем, кто готов был услышать. Но амбиции тех, кто не имеет своих корней, слишком сильны. Для того чтобы мои семена выжили, нам следует вырастить целую армию, способную остановить их тщеславие. Даже тщеславие коварного дракона.

- Я укореню тебя в Обители. Подобно дереву, растущему из семени, ты также подынешь армии из самого источника всей жизни. Ты заполнишь ряды Селезнии священным народом, готовым пожертвовать собой ради общего блага.

- Все живое вернется в Обитель. Не цепляйся за собственную жизнь, как торговцы призраками цепляются за свои кошельки с монетами. Не задумывайся о своей жертве. Жертвуй свободно ради общего блага и неси эту весть повсеместно.

- Теперь я завершу работу древоаятеля и свяжу вас со всеми деревьями Равники. Их корни станут новой силой Селезнии. Но предупреждаю, войдя в эту дверь, у вас троих уже никогда не будет пути назад. Вы понимаете это?

Сим взглянула на сестер. – Мы понимаем, Всевышняя Мать.

Под кронами дубов Саниел сидел рядом с тремя сестрами, слившимися с основанием большого дерева. Он чувствовал отдаленную пульсацию Души Мира, это были ощущения, которые он никак не мог уловить и понять. Но он знал, неведомым для себя образом, что дриады достигли Матери Селезнии. Взволнованный, он осмотрел лица сестер, выискивая в них признаки возвращения из транса. Как только они очнутся, он отделит их от корней древнего дуба, соберет срочный совет Конклава, и, наконец, объявит всем радостную весть о возвращении паруна.

Саниел уже представлял себе восстановление Селезнии, когда Сим ахнула и распахнула глаза. Он спешно начал собирать ману для освобождения их из ствола дерева, но дриада схватила его за руку.

- Не нужно, древоаятель. Все решено. – Сим задыхалась от слов. – Мы одно целое.

Словно ком извивающихся змей, корни начали обвивать и впитывать дриад. Их нежные силуэты быстро втягивались в стволы деревьев. Саниел изо всех сил старался вытянуть их, но, не смотря на всю силу его магии, его попытки оказались тщетными. Он лишь царапал светящееся сплетение тел и корней, и беспомощно наблюдал за тем, как три сестры исчезали в дубах.

* * * * *

В просторном зале Виту Гази, наконец, собрались все верховные жрецы и сановники Селезнии. Там, выросшие из живых волокон Древа Мира, ожидали их три дриады. Немногим ранее, они волшебным образом материализовались перед потрясенной толпой, издав пульсирующие призывы через ДушуМира к общему собранию. Никто в гильдии давно уже не чувствовал такой силы и, окрыленные надеждой, все торопились в Конклав. Они и не подозревали, что им предстояло впервые взглянуть на своего нового гилдмастера.

Когда прибыл Саниел, он узнал Сим, стоящую во главе троицы, но как только она заговорила, он понял, что той Сим, которую он знал, больше не было.

- Я Тростани. В качестве примера основоположного принципа и силы нашей гильдии, мы вышли за границы наших личностей и превратились в единое существо. Мы служим верховным проводником между Матерью Селезнии и всеми, кто готов следовать ее воле. Мы вышли из самого сердца ее Обители для того, чтобы навсегда изменить курс Селезнии. Нашу гильдию ожидает новый век процветания и роста.

Тени Прахва

Jenna Helland

Ведьмы и воры, думал Брэнко, осматривая шеренгу заключенных Голгари.

Он сжимал рукоятку своей дубинки. Он хотел закричать, проломить стены Азориусовского участка предварительного заключения, и сбежать на солнечный свет. Он хотел быть подальше от них и их странных бормотаний и диких взглядов.

- Достань свою дубинку, - прошептал он, проходя мимо Гебриса, молодого охранника, которому еще не исполнилось и двадцати. Гебрис был о себе слишком высокого мнения и вел себя подло даже в лучшие времена.

- Давай каждый будет делать свое дело, - пробормотал Гебрис, хотя это не имело смысла, так как у них было одно дело на двоих.

Брэнко хотелось вбить в него немного смысла. Ранее, ночью, Арестеры Азориус провели рейд на территории Голгари. Но, как только они очутились в участке предварительного заключения, несколько Голгари напали на своих пленителей и захватили первый этаж. Возможно, к этому моменту уже было потеряно больше этажей. Брэнко не знал. Он торчал здесь, в подвале.

Ведьмы и воры, снова пробормотал Брэнко, прохаживаясь по коридору в считанных дюймах от арестованных, с нетерпением ждущих возможности выпотрошить его.

Они были заперты в этом душном коридоре уже несколько часов. До сих пор узники вели себя спокойно, но уже начинали закипать. Любому было бы сложно стоять на коленях со связанными за спиной руками. Спустя несколько часов, Брэнко почувствовал к ним жалость. Но остальных охранников, таких как Гебрис, скорее наполняло беспокойство, чем сочувствие.

Большинство заключенных были человеческой расы, грязные, с тонкой, нежной на вид кожей, которая, вероятно, никогда не видела солнца. Несколько здоровяков были закованы в деревянные колодки и световые наручники. Страшнее всех была истощенная горгона, связанная, с кляпом во рту и повязкой на глазах. Ее волосы были распущены, и от этих кишаших щупалец по спине Брэнко пробегала дрожь. Даже ее соратники отгораживались от нее. Она стояла на коленях одна рядом с забаррикадированной дверью и выглядела странным образом величественно, не смотря на мрачные обстоятельства.

Наблюдая за ней, Брэнко понял, что ему придется посмотреть правде в глаза. Охранников было слишком мало перед слишком большим количеством заключенных.

- Гад ползучий, - неожиданно заорал Гебрис. Он стоял над худощавым, похожим на больного, человеком с впалыми щеками и потускневшими клановыми татуировками бывшего Груула. Человек ничего не сказал, лишь с ненавистью взглянул на охранника налитыми кровью глазами.

- Крысиная рожа, - надсмехался Гебрис. – Может, тебя с рождения слили в канализацию? Прямо в руки мамочки Голгари?

Брэнко желал, чтобы с ними был кто-нибудь старший по званию. Но в образовавшемся хаосе восстания Голгари, их офицеры заперли оставшихся заключенных в подвале. Они приказали охранникам оставаться на месте до прихода подкрепления и запечатали выход баррикадирующими заклинаниями.

Никто не войдет. Никто не выйдет. Пока старшие по званию не дадут такого распоряжения.

- Ты так любишь грязь, как тебе это? - Гебрис поднял ногу и двинул сапогом в лицо человека, с треском прижав его голову к стене, продолжая давить. По всей длине коридора Голгари начали шипеть. Вскоре звук перерос в животный рев, отражавшийся от панелей на потолке.

- Пойдешь под суд, - предупредил Гебриса Брэнко.

- И что? - усмехнулся Гебрис. Но все же опустил ногу. Губа арестанта была в крови, и он уже не поднял на него взгляд. Шипение прекратилось, но висящая в воздухе ярость заключенных была практически осязаемой, и настолько едкой, словно бы комнату заволочло дымом.

- Успокойся, - прошептал Гебрису Брэнко. Он положил руку на плечо низкорослого юноши, но Гебрис злобно стряхнул ее.

С первого момента, когда они познакомились пару месяцев назад, Гебрис возненавидел Брэнко, который был выше его более, чем на семь футов. Кроме своего роста, Брэнко был широкоплечим и мускулистым, как кузнец. Он чувствовал, что его крупное телосложение, было сейчас единственным, что сдерживало все напряжение.

- Я этого не просил! - вскричал Гебрис. - Эти ублюдки все спланировали.

- Кто спланировал? Зиван? - спросил Брэнко. Арбитр Зиван отдал приказ о массовом аресте, который многие прозвали окончательной зачисткой Голгари.

- Нет, идиот, - огрызнулся Гебрис. - Они, эти ползучие гады. Они позволили нам арестовать их для того, чтобы перебить нас всех здесь.

Брэнко не ответил. Ему не хотелось говорить перед заключенными. Он чувствовал на затылке из взгляды, следящие за каждым его шагом.

- Давай проведем их через тренировочный плац, - настаивал Гебрис. - Мы сможем их запереть в камерах Южного Корпуса.

Брэнко видел в этом логику. Через Южный Корпус выйти было нельзя, но, по крайней мере, арестованные будут заточены в более надежном месте.

- А солнечный свет? - спросил Брэнко. Существовали строгие инструкции о перемещении заключенных Голгари, и выводить их под открытое солнце было запрещено, кроме тех случаев, когда все надлежащие формы были согласованы и утверждены.

- Мне плевать на солнечный свет, - завизжал Гебрис. Брэнко быстро кивнул, соглашаясь с ним - рассудок Гебриса уже находился в опасном состоянии.

После того, как они подняли заключенных, Брэнко построил основную группу внутри, в конце коридора. Они высылали по два за раз через залитый солнцем плац. Гебрис встречал их на другой стороне. Они перевели лишь половину группы, когда подошла очередь человека с окровавленной губой. Брэнко жестом велел ему выходить на свет, но он отказал шевелиться.

Когда Брэнко подошел к нему, среди оставшихся Голгари прошла волна движения. Они встали и толпой окружили его. Брэнко был выше толпы и видел, как двое заключенных вели к нему горгону. Один из арестованных освободился от пут и тянулся к повязке на глазах горгоны. Они собирались использовать силу ее взгляда.

Заблокированный телами заключенных Брэнко не мог добраться до двери. Они начали бить его ногами, пытаясь сломать ему колени. Праведный гнев захлестнул его, и он ринулся в бой, вмяная их тонкие, словно птичьи, кости в стены, ударами кулаков разбивая их черепа, переламывая их хребты о его массивные колени.

Горгона - уже освобожденная от пут - была готова броситься в битву. Брэнко вовсе не горел желанием сражаться с ней на таком близком расстоянии. Если он не хотел превратиться в гранитную статую, а значит, ему нужно было одолеть ее первым. Закрыв глаза, он бросился на горгону. Он замкнул массивными руками ее костлявые плечи и бросился к двери, таща ее за собой.

Солнце палило нещадно, и они рухнули на песчаный плац. Брэнко частично упал на горгону, но не открыл глаза. Она шипела незнакомые слова и царапала его лицо. Размахивая вслепую, он наносил один удар локтем за другим. Ее тело затихло под ним, но когда он начал подниматься, в его ухо впились ее пальцы. Он услышал треск и закричал от боли. Брэнко откатился от горгоны, осторожно открыв глаза на окружающий его хаос. Освобожденные заключенные бежали через плац.

Его глаза покосились в сторону горгоны, которая лежала скорчившись на земле. От боли у Брэнко кружилась голова, а его порванное ухо, казалось, свисало у самой шеи. Мир накренился, и вокруг него запульсировал кровавый свет. Брэнко понял, что сейчас потеряет сознание.

Рядом с ним струилась кровь, текущая из разmozженной головы горгоны. Ее голова качнулась в сторону, и ее окутал мерцающий свет. Руки Брэнко впились в землю, словно стремясь сохранить равновесие, которое он уже утратил.

Когда он снова поднял глаза, на песке остался лишь отпечаток ее тела. Горгона исчезла.

* * * * *

Это было незамысловатое дело: восемнадцатый этаж жилого дома обрушился, погребя под собой четырех человек, включая двух членов семьи Лапт. Мистер Лапт просил о выплате компенсации.

Арбитр Релов окунул перо в чернильницу, но передумал. Он перечитал окончание написанного от руки заявления пострадавшего:

"Доски деревянного перекрытия были мягкими уже несколько недель. Палагаю[!] причиной тому была протекающая труба. Я дважды говорил об этом домовладельцу, но он так ничего и не сделал".

Палагаю? Чем дольше Релов смотрел на это слово, тем более оно его раздражало. Первые десять страниц заявления были в порядке. Податель цитировал верные постановления и его путь к юридическому оправданию по данному делу был уверенным и надежным. Здесь не было никаких подводных камней - домовладелец был безгильдийным хозяином трущоб без связей в приступном мире, которые могли бы позже привести к неприятностям для гильдии Азориус.

Релов взглянул на колышущуюся кипу документов на углу его стола. Что ж, он преподает ему урок. Научитесь писать грамотно, мистер Лапт, и прекратите тратить мое драгоценное время. С этим, он сунул заявление в самый низ кипы бумаг.

Релов перевел внимание на другие стопки на его столе. Ему нравилась скрупулезность юридического языка - если он был использован корректно - и его полдень прошел в приятном

разборе различных дел. Релов утвердил штраф, наложенный на тех, кто был арестован в окрестностях бунта, не смотря на невозможность доказательства их участия. Далее, он согласовал возведение новой статуи Верховного Арбитра Леоноса. Потребовалось несколько месяцев прений для того, чтобы договориться установить его неподалеку (но не очень близко) от главного входа в Новый Прахв.

Он только что закончил свое письменное возражение против финансирования анти-культурной инициативы когда в дверях его просторного кабинета появился клерк с очередной кипой документов. Работа Арбитра никогда не заканчивалась...

- В вентиляции какой-то дребезг, он меня отвлекает, - обратился он к вошедшей девушке. - Можешь этим заняться?

- Я могу выписать запрос заведующему хозяйством, - медленно ответила она. Заполнять формы запросов не входило в обязанности клерков, но все эти формы были слишком нудными, а у клерков обычно было больше свободного времени, чем у Арбитров.

- Я ценю твою любезность, - сказал он с обаятельной улыбкой.

- Да, сэр, - сказала она. Она положила два запечатанных письма на его стол. - Сегодня доставлены курьером, сэр.

Его улыбка скисла. Он мог объявить ей выговор за то, что она не предъявила их сразу же, но решил закрыть на это глаза. В конце концов, она нужна была ему для заполнения этой чертовой формы заведующему хозяйством. Он расписался в получении писем, и клерк исчезла в лабиринте коридоров ратуши Азориус.

Первым письмом было срочное прошение к немедленному прочтению от инфорсера Оржов, желающего получить доступ к сферам заключения. Запрос нарушал двенадцать постановлений, но когда Релов увидел бледно розовое число, выведенное внизу, он подписал его, не мешкая. Он провел пальцем по надписи, стирая сумму, которая скоро будет переведена на его счет в Визкопском Банке.

Второе письмо было от Джейви, следователя Борос и его старого друга. Много лет назад, он возглавлял одно совместное предприятие с гильдией Борос, известное, как операция «Надежность». Ныне прекращенная инициатива состояла в том, чтобы спасти детей Груулов от нищеты или долговых ям, и распределять их либо в Азориусовские, либо Боросовские академии. Джейви была его самой яркой сторонницей. В те дни они были молоды, идеалистичны, и довольно наивны в стремлении изменить мир к лучшему.

Релов вырос и стал более хитроумным за прошедшие годы, но Джейви так и не рассталась со своим идеализмом. Затем, год назад, Джейви с напарником подверглись нападению в Плавильном Районе. Их обоих сильно избили, и лишь Джейви смогла выкарабкаться живой. Релов услышал об этом из слухов - вероятно Оржов препятствовали их распространению - но так и не говорил с ней после этого случая. Он взломал сургучовую печать. В верхней части листа был коротко написан адрес, под которым ее знакомым небрежным почерком было выведено:

Чем заканчивается жизнь слов? Ведрами крови. Приходи немедленно.

—Джейви

Загадочная записка Джейви привела Релова в сомнительное многоквартирное здание в рабочем квартале. Четвертый этаж. Джейви ожидала его в тускло освещенном коридоре, пропахшем крысиным ядом. Несмотря на всю мерзость окружающей обстановки, она выглядела безупречно,

как всегда. Ее униформа Борос сидела на ней так, как если бы она была пошита лучшими мастерами в Портных Рядах.

- Джейви, рад тебя видеть, - сказал Релов. Он поцеловал ее в щеку. Она едва заметно улыбнулась и легко толкнула его в плечо. Она выглядела более худой, чем он ее помнил, но других признаков сурового испытания, продержавшего ее несколько месяцев в лазарете, видно не было. Он с облегчением увидел, что ее лицо не было изуродовано шрамами после того инцидента.

- Есть новости о постановлении о казнях? - спросила Джейви.

- Пока нет, - солгал Релов. По запросу Джейви, он предложил ввести более строгие ограничения для приговоров к смертной казни, но его предложение было отклонено Верховным Арбитром Леоносом год назад. У него не хватало духу рассказать ей об этом.

Джейви указала на дверь за ее спиной. - Посмотри, может, ты его узнаешь.

Комната без единого окна выглядела еще хуже, чем само здание. Серая плесень покрывала стены, а потолок был весь покрыт трещинами. Каркас позолоченной кровати занимал почти все пространство комнаты, в которой стоял густой зловонный запах гнилого картофеля. Посреди кровати лежала куча, почти не опознаваемая, как труп. При жизни, он был тучным. После смерти, он выглядел высохшим - побагровевшим - словно рыба, выброшенная на берег. Лужи липкой крови пятнами покрывали неровный деревянный пол.

- Я туда не войду, - проговорил Релов. Джейви протянула ему свою ручную лампу.

- Ступай по краю, - сказала она. - И присмотрись к его коже.

Релов пробормотал что-то не доброе и вошел в жуткую крошечную комнату. Он на цыпочках прошел к кровати и взглянул на труп. Кожа выглядела запачканной, но каким-то странным логическим образом. Несмотря на отвращение, он нагнулся поближе. На каждом дюйме тела мертвеца были волшебным образом высечены слова. Слова были крошечными, едва различимыми. Но при этом достаточно глубокими, чтобы сквозь них вытекла вся кровь. Кожа жертвы мерзко провисла, но Релов смог разобрать пару слов: закон; судья; доказательство.

- Действительно, ведра крови, - сказал Релов, вернувшись в коридор. - Это кошмарно.

- Его имя Зиван, - сказала Джейви. - Арбитр, как и ты, так мне сказали. Я надеялась, что ты дашь мне что-нибудь на него.

Зиван слыл легендарным законодателем, но Релов лишь знал о нем по его репутации. Однажды, Зиван говорил шестнадцать часов к ряду, лишь для обструкции предложения о помощи беженцам. До Релова доходили слухи о моральном разложении Зивана, но это было уже, слишком.

* * * * *

Позже, Релов сидел с Джейви на скамейке в Межгильдиевом Променаде. Свет струился между церемониальными арками, и холодный бриз шуршал в деревьях, стоящих вдоль пешей прогулочной зоны. Это был полдень рабочего дня, и пешеходов было не много. Релов любил этот променада, где столичная суета заглушалась Азориусовскими шумовыми заклинаниями.

Джейви внимательно слушала, как он перечислял все, что он помнил об арбитре Зиване, чего, откровенно говоря, было не так уж и много.

- В свое время он пользовался большим уважением, - закончил Релов. - как изящный оратор с мощными правовыми обоснованиями. Но он промотал все в Рекдосовских домах наслаждений и на долгое время покинул наши ряды.

- Ты случайно не знаешь, в каких именно домах наслаждений? - спросила Джейви.

Релов засмеялся. - Это не моя область. - Его не интересовало то, что предлагали Рекдос.

- Ты когда-нибудь работал с Зиваном? - спросила Джейви.

- Косвенно, - сказал ей Релов.

- Ты уверен? - она открыла папку с документами и передала ему потускневший пергамент. Это был старый приказ на массовый арест, датированный тем периодом, когда Релов был повышен до арбитра. Его собственная подпись стояла среди росчерков его коллег, включая арбитра Зивана.

- Я подписываю сотни документов в день, - объяснил он. - это не говорит о том, что я знал его лично.

- Прочитай остальные имена, - сказала она. - Замечаешь что-нибудь в них?

- Нет, а должен? - спросил Релов с раздражением. Он ненавидел ощущение, что кто-то знал то, чего он не знает.

- Они все мертвы, - сказала она. - Кроме тебя.

Релов посмотрел внимательнее и увидел, что она была права. Все эти люди умерли. Двое из них в прошлом году.

- Некоторые из этих господ были довольно стары...

- Этот документ утвердил решение о зачистке нижнего города Голгари, - перебила его Джейви. - Самую масштабную из всех зачисток Азориус. Она оказалась слишком жестокой, и около сотни людей погибло, многие были убиты уже в тюрьме.

Релов крепко задумался. - Я это помню. Тогда проходили общественные протесты против действий нескольких охранников. Их обвиняли в резне, или какой-то подобной чуши.

Он заметил, что Джейви сжала кулак. При солнечном свете, тыльную сторону ее руки покрывала сеть тонких белых шрамов. Она закрыла глаза и подняла лицо к солнцу. Он подождал несколько мгновений, но она не шевелилась.

- Джейви, как у тебя дела, после того нападения? - прямо спросил Релов. - Я слышал, что преступника отпустили из-за организационных формальностей.

Джейви резко повернула голову к нему, обнажив зубы, словно собака, готовая вгрызться ему в ногу. - Если под "организационными формальностями" ты имеешь в виду "подкуп", то да, его отпустили.

- Ну ладно тебе, Джейви... - утешающе сказал Релов.

- Кто-то убивает Азориусов, - спокойно сказала она, вновь надев маску профессионализма. - Кто-то, у кого есть зуб конкретно на тебя.

- С чего ты взяла? - спросил Релов. - Из-за этого документа? Где ты его вообще откопала?

Джейви пожала плечами. - Нигде. Мне его передали. Я расследую серию убийств.

- Каких убийств? - спросил Релов, встревожившись.

- Кто-то... убивает людей таким же манером, как они прожили свои жизни, - ответила она.

Релов выжидающе посмотрел на нее. - Попытайся быть менее туманной, если не трудно. Что это значит?

- Если они были эгоистичны, то умирают от этого порока. Каждый перед смертью предстает перед лицом своего порока. Понимаешь, о чем я?

- Нет, - честно сказал Релов. - Совсем не понимаю.

- Ну, на прошлой неделе человек был повешен на колонне посреди форума. Мне сказали, что он любил быть в центре общественного внимания. На позапрошлой неделе, сердце судьи было вырвано и послано жертвам, которым он отказал в правосудии. Или этот твой мистер Зиван. Он жил за счет силы слов, и умер от того же.

- Что ж, - сказал Релов. Он ничего об этом не слышал, и теперь чувствовал себя немного напуганным. - Спасибо за предостережение.

- Следи за собой, - сказала она, проведя тыльной стороной ладони по его руке.

Как только Релов вернулся в Новый Прахв, он написал заявление с запросом о постоянной защите.

* * * * *

Брэнко «одноухий» ушел из Азориус после рейда. С помощью от своего отца, он купил ветхий доходный дом неподалеку от Скваженного Спуска. За годы, этот дом стал частью территории Рекдос. Люди жили там лишь в том случае, если не могли позволить себе ничего другого. Но даже после того, как Рекдосы съехали, Брэнко не проявлял к нему особого интереса, не чинил поломанные Иззетские обогревательные трубы и не чистил от мусора лестницы.

Один из жителей обнаружил его прислоненным к углу здания в грязной аллее, за его собственным доходным домом. Верхушка его черепа была ровно срезана каким-то магическим образом. Его мозг был вынут и положен ему на колени, где он и лежал, словно любимый питомец. Пустой череп трупа был доверху набит ничтожными монетами.

- Достойный конец, - пробормотала Джейви, мельком осматривая библиотеку Релова. За большим стеклянным окном темнела ночь, иначе бы она увидела там новенький домашний сад, недавно купленный им у Селезнийцев.

- Отвратительно, - был ответ Релова. - Но каким образом это касается меня?

- Вот именно, не так ли? - тихо сказала Джейви. - Все касается только тебя.

Ее комментарий нервировал его, но он сдержался. Время было к полуночи, и ей как-то удалось уговорить его привратника впустить ее в его загородный дом. Она сейчас была не в привычной воджековской форме. На ней были просторные черные штаны и туника, как у обычного простолюдина. Она пришла в странной эмоциональной смести, которую он никак не мог разобрать. Поэтому он сидел за своим необъятным столом из красного дерева и ждал.

- Он был одним из охранников во время рейда на Голгари. Он должен был предстать перед судом и понести ответственность за свои действия.

- То есть, он - очередная жертва в этой твоей серии убийств? - догадался Релов.

- Расскажи мне про тот рейд, - сказала Джейви.

- Я ничего о нем не знаю, - ответил ей Релов.

- Ты отдал на него приказ, - напомнила ему Джейви.

- Не совсем так, - возразил Релов. - Я лишь подписал бумагу. Меня там не было. Я никогда в жизни даже не был в здании тюрьмы.

- Когда ты ставишь свою закорючку на все эти указы, ты хоть задумываешься, что это значит? - настаивала Джейви. - Там люди, по ту сторону документов, Релов. Твоя подпись чудовищным образом влияет на жизни людей.

- Конечно, я думаю о них, - проговорил Релов. Но, даже произнеся это, он знал, что это не правда.

- Раньше ты думал, - согласилась Джейви. - Но больше не думаешь. Ты помнишь тех людей, которым мы помогали? Когда-нибудь думал о них? Не думал, что ты просто убиваешь их сейчас, вместо того, чтобы убить тогда?

- Они то здесь при чем? - спросил Релов. - У нас есть правила. У Борос есть правила. Думаю, даже у Голгари есть правила. Проблема не в правилах.

- Так в чем же проблема? - спросила Джейви.

- Я проблем не вижу, - подчеркнуто сказал Релов. Но он видел. И эта проблема ворвалась без приглашения в его дом посреди ночи.

- Нет, из своего симпатичного поместья ты ее не увидишь, - с грустью сказала Джейви. - Она была права на твой счет. Я по началу не соглашалась, но она была права.

- Кто, твой гилдмастер? - спросил Релов. До него доходили слухи о том, что Гилдмастер Аврелия радикально настраивает своих Боросовских солдат, и, если это так, Азориус этого не потерпит.

- Я нашла нового наставника, и она затмевает мою работу с Борос, - сказала ему Джейви. - Она владеет истиной. Жизнь перетекает в смерть, а смерть перерастает в жизнь. Это вечный цикл, и те, кто нарушают его собственными амбициями, должны испытать всю глубину смерти.

Релов уставился на Джейви и решил, что она, вероятно, спятила.

- Цикл существования личности должен прерываться природой его обитания, - настоятельно продолжала Джейви. - Лишь это способно спровоцировать повторение цикла в самых глубоких его корнях.

- Ты пугаешь меня, Джейви, - сказал он ей. Ему не нравилась вся эта метафизическая чушь, но исходящая от его старого друга, она была совершенно невыносима.

- Пугаю? - задумчиво произнесла она. - Впервые в жизни, я не чувствую страха. Ты списываешь жизни людей, словно крыс, подлежащих травле. Ты заискиваешь перед людьми, подобными тем, кто... ранил меня. И тем не менее, ты чувствуешь себя в безопасности за своей бесконечной стеной из слов. По крайней мере, ты так думаешь.

Из холла донесся неожиданный грохот. Релов вскочил на ноги. Джейви не шелохнулась.

- Это твой привратник упал замертво на пол. Далее, твоя дверь распахнется. И ты увидишь лицо своего судьи. Не смотри ей в лицо, - приказала Джейви Релову, как только горгона ворвалась в комнату.

Релов в ужасе попятился назад, не сводя глаз с пола. Он никогда не видел горгон раньше, но каждый ребенок в Равнике знал страшные истории о том, на что они были способны.

- Тебе стоит гордиться, - сказала Джейви. - Из всех убийств, совершенных мной от ее имени, она никогда не хотела участвовать ни в одном из них лично.

Враска схватила его за горло, и он изо всех сил зажмурил глаза. Ее лицо было так близко к его виску, что он чувствовал ее холодные губы на своем ухе. Ее голос был подобен странному гортанному рычанию.

- За миг до того, как твой "охранник" едва не убил меня, я была вырвана из этого мира. Я была брошена в темную гробницу из которой не было выхода.

Релов попытался возразить. Он действительно ничего не знал о том рейде! Ничего не знал о гробницах и всем том, о чем она говорила. Но она выдавливала воздух из его горла, шепча слова, которые слышал лишь он.

- Казалось, прошло несколько жизней перед тем, как я поняла, как сбежать, выскользнуть за пределы мира. Но за ту вечность, которую я провела там, я приняла решение, что все должны получать ту смерть, которую они заслуживают.

Горгона положила большие пальцы на веки Релова. - Джейви, назови его смертельный порок. Это решать тебе.

- Бездействие, - не раздумывая, сказала Джейви.

- Прекрасно, - улыбнулась горгона.

* * * * *

К утру новая статуя уже была установлена неподалеку от главных ворот, к немалому удивлению заведующих хозяйственной частью Прахва, не ожидавших ее ранее следующей недели. Небольшая суматоха возникла среди арбитров, утверждавших, что статуя не очень была похода на Верховного Арбитра Леоноса. Взгляните на этот странно раскрытый рот? И волос у него слишком много. Но качество статуи было превосходным, поэтому споры и ворчания вскоре прекратились.

Никто из них не присматривался к статуе, чтобы заметить невероятное ее сходство с пропавшим Арбитром Реловым, и ужас в ее немигающих глазах.

* * * * *

Выдержка из перечня десяти самых разыскиваемых преступников палатой исполнительной власти Сената Азориус

№4 Обманщик

Гильдийная принадлежность:

Оржов

Краткая характеристика:

Наемный убийца по кличке «Обманщик». Личность подозреваемого не установлена. Обвиняется в заведомо неверном толковании Оржовских контрактов с целью оправдания своих убийств. В то время, как «конечность» может считаться разумной компенсацией просроченных задолженностей, «голова» не может подходить под определение «конечность». Подозреваемый также обвиняется в подкупе официальных лиц Азориус и незаконном получении в пользование сферы заключения, которую он переоборудовал в устройство для пыток.

Последнее совершенное преступление:

Подкуп; использование сферы заключения в целях, отличных от заключения.

№2 Незримая

Гильдийная принадлежность:

Голгари

Краткая характеристика:

Несмотря на то, что многие считают это городской легендой, появляется все больше улик и свидетельств того, что в Нижнем Городе действует приступный культ, вероятно, происходящий из Голгари. Наши прорицатели полагают, что культ специализируется на убийствах из мести, порождаемой извращенным чувством справедливости главы организации. Предположительно культ связан с такими известными убийствами, как извлечение сердца Судьи Азки и летальное кровопускание Арбитру Зивану. Мы опасаемся, что культ, вероятно, умышленно выбирает своими целями членов Сената. Даже в убийстве путем извлечения мозга у хозяина доходного дома в трущобах, Брэнко «Одноухого» прослеживается связь с Азориус, поскольку Брэнко ранее состоял на службе в Сенате. Культ также подозревается в исчезновении Арбитра Релова.

Последнее совершенное преступление:

Плагиат постановлений Азориус с целью кровопускания и преднамеренного убийства.

Во славу ДушиМира

Jenna Helland

- Лапка! - взвизгнула юная эльфийка и отчаянно потянула за левую вожжу. Ее волк резко развернулся и соскользнул с низкой перекладины. Эльфийка вцепилась в него, сползла в седле на бок, и они вместе неуклюже грохнулись на землю.

Рузи боролся с приступом смеха. - Лапка? Это твоя новая кличка?

Волк зарычал в ответ на вопрос и бросил возмущенный взгляд на юную эльфийку.

- Расскажи мне, что ты сделала не так, - сказал Рузи своей двуногой ученице.

Это было первое занятие эльфийки на тренировочном манеже, который сочетал в себе учебный класс и практикум по курсу преодоления препятствий. Зал пах кедровыми опилками и жимолостью, цветущей на решетчатых стенах. В такие солнечные дни, как сегодня, Рузи открывал окно из мозаичного стекла на потолке, впуская в зал свежий летний бриз.

Старший тренер, Рузи учил юных Селезнийцев и их волков искусству верховой езды. Целый арсенал ящиков, бревен, колонн и перекладин был разработан для того, чтобы имитировать окружающую среду, с которой его ученики столкнутся, выйдя на крыши столицы.

- Слишком сильно потянула вожжу? - пробормотала ученица, вычесывая песок из рыжеватой шерсти своего волка. Девушка с ее питомцем, едва достигшие подросткового возраста, обладали той простодушной любознательностью, по которой он скучал со времен своего детства. У них также были долговязые, неуклюжие ноги, по которым он совсем не скучал.

- И? - подталкивал ее Рузи к нужному выводу.

Ученица выглядела совершенно растерянной, и он повернулся к остальным ученикам, внимательно наблюдавшим за происходящим со своих мест на деревянном помосте, огибавшем тренировочный манеж по периметру. Эта группа новичков еще не привыкла к тренировкам, но все они были рождены в гильдии Конклава, поэтому он знал всех их в лицо. Наездников нужно было с детства воспитывать вместе со щенками, поэтому взрослые рекруты гильдии редко становились наездниками на волках.

Никто не проронил ни слова. Ученики лишь смотрели на своего учителя с тихим благоговением. Рузи был легендой среди Селезнийцев, что ему довольно докучало. Но всего через пару тренировок, желторотики уже забудут о его героизме, проявленном во время Квартальных Восстаний, и полностью сконцентрируются на том, чтобы стать достойными наездниками.

- Она затормозила до того, как достигла перекладины, - сказал Рузи. Он провернул ручку на подвесном блоке, подняв узкую перекладину высоко над землей. - Уменьшая скорость, вы понижаете инерцию. Вы должны доверять инстинктам ваших волков и не давать воли своим страхам.

- Кума! - окликнул Рузи своего волка, который тут же спрыгнул со своего места на деревянном помосте и встал рядом со своим наездником.

На Куме не было ни седла, ни вожжей, и Рузи ловко взобрался на массивную спину волка. Как только Кума почувствовал вес своего наездника, он метнулся вверх по подвешенным на разной высоте платформам, пока не добрался до самой верхней из них, под самым потолком. Узкая перекладина раскачивалась на ветру, проникавшему в зал из открытого окна. Но Рузи без

колебаний направил своего волка вперед. Кума, словно танцую, пересек перекладину, шириной не больше пяди, пока Рузи делал вид, что стреляет из лука по раскрывшим рты ученикам.

Спустившись на землю, Рузи улыбнулся Куме, обнажившему в ответ свою клыкастую пасть. - Доверяйте своему волку, - сказал он. - Считайте, что он как минимум в двое умнее вас.

Ученики засмеялись и направились к выходу, весело играя со своими волками, с которыми они были связаны еще до того, как научились ходить.

Когда последний ученик покинул зал, он наконец обратил внимание на дриаду, которая большую часть урока в беспокойстве стояла у двери. Он хотел, чтобы она ушла, поэтому игнорировал ее и ее растущее раздражение.

- Добро пожаловать, Мазена, - сказал он. - Чем могу быть тебе полезен?

- У нас важное сообщение от гилдмастера Тростани, а ты заставил нас ждать здесь целую вечность, - отрезала она.

- Ты бы предпочла, чтобы я бросил своих учеников ради тебя? - спросил он. Мазена была одной из наиболее доверенных советников Тростани. Она обладала бесспорной харизмой, но ее приверженность букве закона была невыносима. От нее исходила аура власти и самоуверенности, которая в одночасье привлекала и отталкивала его.

- Мы бы предпочли, чтобы ты проводил больше времени в прославлении ДушиМира, а не демонстрации детям цирковых фокусов.

- Тяжело постичь то, что невозможно увидеть собственными глазами, - ответил Рузи. Он не был популярен среди дриад. Его недовольство руководством гильдии было широко известно, и лишь его героическое прошлое удерживало его в милости верховных дриад.

- И тем не менее, ДушаМира - наш величайший учитель и величайшая тайна, - сказала Мазена. Она цитировала строки из Учений Тростани, это был самый верный способ прекратить любую дискуссию.

- Чего ты хочешь? - грубо спросил Рузи, решив, что философский спор лишь оттягивал неотвратимое. Рузи любил свою гильдию - постройку садов, вскармливание животных, почитание жизни и сообщества. Но в тайне, он любил работу гильдии больше, чем служение ДушеМира. Селезнийцы верили, что ДушаМира являлась коллективным бессознательным, ведущим их к единству и гармонии. Рузи же легче было довериться своему волку и луку в руке, и он предпочитал в случае необходимости использовать их.

- Мы хотим гармонии, - сказала Мазена. - Мы хотим мира. Мы хотим всего наилучшего для Конклава.

Рузи видел больше гармонии в угрозе насилия, чем в песнях о ДушеМира. - Почему ты здесь? В данный момент. Стоишь в моем учебном классе.

- Тростани почувствовала тревожную... ситуацию, - сказала она. - Ты должен отправиться в Булыжный вал. Ты должен выехать сегодня же.

- Что? - удивился Рузи. Булыжным валом назывался погребенный под руинами участок земли на дальнем краю Десятого района. - Это не ближний свет.

- Это важно для Конклава, - сказала Мазена. - Или, как герой, ты считаешь, что ты слишком хорош для этого задания?

Рузи боролся с желанием возразить ей. Что-то не правильное сквозило в каждом ее слове. Но такой уж была манипуляторская природа дриад.

- Что мне там нужно делать? Шпионить за Груулами? Привезти кабанчика к обеду?

Несмотря на свою красоту, дриада скорчила весьма неприглядную гримасу. - Тебе обязательно спрашивать?

- Ты хочешь, чтобы я поехал к Сесили, - сказал он. - Ты хочешь, чтобы я отыскал свою сестру.

- Она твоя родня, твоя семья внутри нашей большой семьи. Как ты можешь колебаться?

Он колебался, потому что его сестра была уже не той девочкой, с которой он вырос. Она покинула Виту Гази и поселилась в пустоши Булыжного вала. Она ушла лечить больных и умирающих, нести гармонию тем, кто знал лишь хаос. Она ушла, и он не рассчитывал встретить ее снова.

Когда они были детьми, их троица - Сесили, Рузи, и его волк Кума - была неразлучна. Но Сесили теперь возглавляла собственную общину, и слова, слетавшие с ее уст, казались ему чужими, не ее. Он слышал, что она усыновила брошенного Груульского ребенка. Наездники на волках, встречавшие ее, рассказывали ему, что его новый племянник был даже назван в его честь. Но от самой Сесили не приходило никаких новостей, и она не предпринимала никаких попыток связаться со своим братом.

И все же, манипуляторша Мазена была права в одном. Когда дело касалось Сесили, он не мог сказать нет.

Спустя несколько часов, Рузи и Кума достигли последней крыши на краю Булыжного вала. Было еще темно, хотя далекий горизонт уже багровел от приближающегося восхода солнца. С плохим предчувствием, он осмотрел незнакомый ландшафт.

Годами Рузи и Кума путешествовали по крышам Равники. Он любил бродить среди куполов и шпилей, купаясь в ничем не загороженных лучах солнца. Многие крыши были украшены садами, небольшими участками растительности и цветами, воодушевлявшими Рузи всегда, когда он их замечал. Рузи терпеть не мог шум и грязь улиц, где солнце почти никогда не касалось мостовых. Там, внизу, все было словно окутано коричневатым туманом. Самыми яркими пятнами была лишь поношенная детская одежда.

Он со своим волком мог путешествовать целыми днями по вершинам зданий, и лапам Кумы, при этом, ни разу не приходилось касаться улиц Равники. Но, похоже, теперь у них выбора не было. Чернильная мгла Булыжного вала распростерлась перед ними, словно бездна с чернеющей пустотой. Ни фонарей, ни утешающего запаха листвы, ничего, кроме безнадежных развалин, каменных глыб и дикарей.

- Вот здесь Сесили решила поселиться? - пробормотал Рузи своему волку. Где-то в этой мгле располагалась небольшое вернади его сестры, растущая община преданных евангелистов, готовых нести правду Селезнии всем, кто ее еще не слышал.

- Если кто-то и смог бы заставить корни прорости здесь, то только Сесили, - уверил себя Рузи, отходя назад, в поисках спуска на уличный уровень.

* * * * *

Сесили пришла строить сады, но вместо этого построила стены.

Поначалу, древоаятели возвели вокруг своего поселения ограду, высотой не выше плеча взрослого эльфа - достаточно для того, чтобы дикие кабаны не забегали в лагерь по ночам. Затем они повесили на ворота замок, оградившись от смутьянов, таких, как один Азориусовский арестер, постоянно грозивший им штрафами. Всего пару дней назад, древоаятели надстроили стены до двадцати футов. Груулы наточили на нее зуб, и Сесили беспокоилась, что этой высоты все равно не хватит, не смотря на то, что она и без того чувствовала, словно живет в тюрьме.

Она была права. Стены оказались не достаточно высокими. Но Груулы здесь были не при чем.

Когда они только осели в Булыжном валу, его огромное открытое пространство вскружило Сесили голову. В более-менее ясные дни, край города казался лишь размытым голубоватым пятном, тонувшим в туманной дымке. Вместе со своими последователями она построила первые лачуги посреди открытого поля, рядом с руинами древнего доходного дома, теперь покрытыми изумрудной лозой. Перекрытия дома прогнили и обрушились, оставив лишь разбитые стены, накренившиеся о груды обломков кирпича и камня. Сесили надеялась, что с достаточным количеством древоаятелей, ей удастся оживить эти руины и уговорить их навсегда покинуть Булыжный вал.

Впервые за всю свою жизнь, Сесили увидела доминирующее небо - эта бескрайняя синева, манящая ее от сухой, рыжей от грязи и ржавчины земли, в которую они вкладывали зерна. Она мечтала о том дне, когда сады Селезнии поглотят Булыжный вал. Их корни дюйм за дюймом пробурятся сквозь руины и глубже, освобождая мир от этого мерзкого города и его удушающей каменной хватки. Булыжный вал был домом для Груулов, разобщенных кланов дикарей, объявивших себя хозяевами заброшенных и разрушенных регионов Равники. Для того, чтобы задобрить своих Груульских братьев, Сесили хотела вырастить дикий, буйный сад, не похожий на аккуратно стриженные газоны Селезнии. Она хотела создать место, где Груулы могли бы почувствовать себя дома.

В первые дни главным приоритетом Сесили была постройка лечебного центра. у Груулов были собственные лекари, но все они были бродячими и бессистемно бродили по Булыжному валу. Селезнийцы предложили постоянное и надежное место, куда всегда можно было прийти. К ее радости, они действительно пришли; не большими группами, но в достаточном количестве, чтобы ее община почувствовала, что ее усилия были не напрасны. Груулы отвергали Селезнийское учение, но Сесили верила, что со временем они примут и его.

Но затем они усыновили Зи, и все изменилось. Скауты обнаружили брошенного младенца в руинах Булыжного вала и принесли его в вернади. Сесили развернула замотанного в рваные тряпки ребенка и увидела татуировку Груулов на его спине. Общину захлестнуло негодование. Как могли Груулы быть настолько дикими, чтобы бросить собственное дитя? Сесили назвала ребенка в честь своего брата, Рузи, и решила растить его, как родного сына.

Время от времени, Сесили ловила себя на мысли, что ей больше хотелось быть со своим братом, чем проводить время в молитвах ДушеМира. Все свое детство она провела в тени Рузи. Он стрелял лучше и бегал быстрее ее, и мог победить любого сверстника в окрестностях Виту Гази. Но он всегда оглядывался, не споткнулась ли она, и всегда держал ее за руку в опасных участках пути. Рузи был единственным, кто утверждал, что она могла говорить, несмотря на то, что он - как и все остальные - никогда не слышал от нее ни единого слова.

И однажды Сесили заговорила. Она резко встала во время собрания в самом сердце Виту Гази, как только гилдмастер Тростани завершила свою проповедь. И все - от кентавров, переминающихся на балконах, до волков, растянувшихся под скамьями - обратили свой взгляд на хрупкую эльфийскую девочку, внезапно обретшую дар речи.

Хвалебные слова непрерывным потоком хлынули из ее уст, ее декламация во славу Селезнии была настолько прекрасной, что затмила собой даже самых древнейших из дриад. Они назвали ее проводником ДушиМира. Они праздновали ее появления, как рупора фундаментальных и эпических истин, исходящих единственно из коллективного разума гильдии. Рузи вел себя так, словно она вдруг отрастила себе вторую голову. Но Сесили не обращала внимания на его переживания. Она чувствовала ДушуМира так же явно, как другие чувствовали на себе капли дождя. Для нее, она стала осязаемым, всепоглощающим даром, питающим ее самой жизнью.

Когда Сесили ощутила призыв основать поселение в Бульжном валу, Рузи был единственным, кто попытался отговорить ее от этого. Дриады воспевали ей хвалебные оды, называя ее садовницей, способной возделывать даже самые дикие сады. Рузи посоветовал ей подумать о собственной шкуре. Тогда Сесили была не способна отделить себя от коллективного разума. Она рассматривала Груулов, как трудных младших братьев Селезнии. В конце концов, их объединяла общая любовь к природе. Природе, задыхавшейся от постоянно растущих запросов города, покрывавшего весь мир.

Рузи пытался объяснить ей, что Груулы иначе смотрели на мир. Для них, безупречные сады Селезнии были фальшивкой. Да, стеблями травы можно написать гармоничную картину. Но Рузи предупреждал ее о том, что гармония была музыкой, которую Груулы не способны были услышать. Ее слишком заглушала звонкая какофония их воинственных душ. Но Сесили настаивала, что любовь и терпимость все равно должны были одержать верх. Селезнийцы должны бороться за сердца своих врагов. Не взирая на тяготы. Любой ценой.

И она двинулась в путь, ведя за собой двадцать последователей, в самое дикое из известных им мест. И они начали строить здесь свой новый дом. Дом с раскрытыми объятиями, щедрыми столами, и исцеляющими руками.

Каждую ночь Сесили пыталась обратиться к ДушеМира. Она молила коллективный разум о достижении совершенства через единство. И ее небольшая община понемногу росла с каждым днем, словно саженец гильдийного дерева, расцветающего на пыльных задворках. Сесили обещала своим последователям, что настанет день, когда их корни разрастутся по Равнике, и все голоса будут славить ДушуМира.

Но на каждом шагу их ждали одни лишь препятствия. Азориусы указывали на положения и правила, согласно которым, их лечебный центр был незаконным. Иззетский маг твердил им что-то о сакральной энергии и порталах, и требовал, чтобы они покинули эти места. После того, как Сесили усыновила Зи, Груулы прислали к ней женщину, требующую вернуть ей ребенка. Женщина была шаманкой из клана Никьи. Она заявила, что Никья признала мальчика своим отпрыском и требовала, чтобы он стал Груулом. Но Сесили не слушала ее. Зи был брошен умирать в руинах, и для нее была невыносимой мысль - отдать мальчика в незнакомые руки.

После этого, Груулы прекратили приходить в лечебный центр и напали на Селезнийцев, если те отходили далеко от своих стен. Каждую ночь, Груульские костры загорались все ближе к воротам поселения. Среди ее последователей слышался шепот о том, что Сесили должна вернуть мальчика.

И вот одной ночью, перед самым рассветом, ворота сорвались с петель и рухнули на землю. От одного, единственного удара вся их защита была сокрушена. Громадный огр с изуродованным лицом первым вошел в образовавшийся в ограждении проем. Сесили приказала своим

последователям бежать, хотя теперь все пути к отступлению были отрезаны их собственными стенами. Сесили стояла одна посреди внутреннего двора, подняв руки вверх, словно ее хрупкое тело могло остановить вторженцев. Странная жилистая женщина переступила порог рухнувших ворот, за ней проследовали покрытые шрамами громилы. Судя по их пирсингу и одежде, Сесили поняла, что это были не Груулы.

Женщина ударила Сесили по лицу, отбросив ее одним ударом в грязь. Когда Сесили поднялась на колени, женщина ударила ее снова. Под ее покровительством было много людей, но Сесили могла сейчас думать лишь о Зи, спящем в своей колыбели.

- Я могу разломать тебе руки, как пару стеблей, - злорадствовала женщина. В глазах Сесили она выглядела уродливой куклой, истощенной до костей, с нарисованной фальшивой улыбкой. Женщина вырвала из земли молодое гильдийное дерево и швырнула его через внутренний двор; ее прихвостни начали выть и танцевать, наслаждаясь представлением. Сесили не могла пошевелиться, шокированная неуважением к бесценной реликвии, доставлявшей ей столько радости.

Сесили почти никогда раньше не покидала Виту Гази и мало знала о Равнике, включая этот уголок Булыжного вала, который она теперь считала своим домом. Она не знала, что эта женщина была Рекдосовской наемной убийцей, называвшей себя "Девочка-Резня". Столкнувшись с насилием, Сесили почувствовала, что ее руки и ноги словно одеревенели, а разум превратился в бесполезный песок. Женщина достала свой ржавый меч и, заливаясь смехом, отрезала прядь белокурых волос с головы Сесили.

- Ты что, корова? - спросила женщина. К этому времени все последователи Сесили уже были мертвы, их тела лежали вокруг, уткнувшись лицами в грязь. А Сесили все еще стояла на коленях, окруженная кровью, грязью и золотистыми локонами собственных волос. Женщина казалась искренне удивленной подобным бездействием Сесили. - Чего ты сидишь и ничего не делаешь?

Но Сесили вновь онемела. Корни, несущие жизнь от Виту Гази были обрублены. Мудрость тысяч душ обернулась иступляющим бессловесным гулом в ее подавленном сознании. Лишь эта женщина и ее ржавый меч, перерезающий горло Сесили, существовали теперь во тьме этой опустошенной земли.

* * * * *

Кума почувствовал запах крови раньше, чем Рузи заметил дым. Волк помчался сквозь дебри разрушенных зданий, быстро сокращая расстояние между ними и Селезнийским лагерем. Деревянные ворота были сорваны с петель, и Рузи направил Куму в разрушенный вход, не думая о том, что внутри его могла подстерегать смертельная опасность.

Ворвавшийся наездник и волк застали врасплох Девочку-Резню и ее людей, обыскивающих тела убитых в поисках чего-нибудь ценного. Заметив символ Рекдос, кровью начерченный на стене, Рузи выхватил нож из чехла на ноге и вспорол им первого выродка, выпрыгнувшего ему на встречу.

Но не успел он вытащить лезвие из горла наемника, как убийцы окружили его, размахивая шипованными булавами и окровавленными цепями. Рузи раньше сталкивался с Рекдосами и знал, что чувство сострадания было им неведомо: Жизнь для них была столь же непримечательной, как воздух, а убийство столь же простым и естественным, как дыхание.

Рев Кумы эхом отразился от высоких стен. Краешком глаза Рузи видел тела его Селезнийских соратников, разбросанные возле оскверненного гильдийного дерева. Там, где-то среди трупов, было и тело Сесили, и осознание этого лишало Рузи сил, делало его слишком слабым, чтобы защититься от такого числа врагов.

Костлявая предводительница отряда подошла к плотному кольцу головорезов, с ног до головы покрытых жуткими шипами и шрамами. Это была сумасшедшая, называющая себя Девочкой-Резней. Рузи знал о ее репутации и видел последствия ее преступлений и раньше. Он знал, что она могла быть здесь лишь по одной причине.

- Кто тебя нанял? – выкрикнул Рузи.

Девочка-Резня махнула рукой одному из своих людей. Огр, вооруженный тяжелой цепью с крюками, ринулся вперед. Иссеченная железная маска частично закрывала изуродованное лицо головореза, не менее восьми футов роста. Рыча, Кума по дуге попятился от него. Рузи поблагодарил ДушуМира за силу в ногах волка, поскольку, его собственные ноги начали трястись. Эмоции Рузи подводили его. Даже если он сможет вовремя выхватить лук, его выстрел вряд ли достигнет цели.

- Цена оплачена. На остальное плевать. – Девочка-Резня, прищурившись, осмотрела его. – Я тебя знаю, щенок?

- Они были безоружны! – прорычал Рузи.

- Всем плевать, - сказала она. Она начала напевать себе под нос, слегка пританцовывая. Затем, запела громче, – всем плевать, всем плевать, - ее насмешка эхом разносилась по мрачному внутреннему двору.

Повернувшись к выходу, Девочка-Резня достала из своего заплатанного жилета горсть разноцветного конфетти. Швырнув ее высоко в воздух, она поклонилась в реверансе и скользящей походкой направилась к выломанным воротам. Следуя ее примеру, остальные головорезы направилась к выходу. Все, кроме огра, угрожающе размахивавшего своей цепью с крюком.

Кума рванул головой поводья, но Рузи придержал его слегка, чтобы запомнить расстояние между ними и огром. Этого времени хватило инстинктам его волка для того, чтобы оценить это пространство для маневров, и они, пританцовывая, начали понемногу сокращать расстояние, двигаясь между свистящим гулом цепей огра.

Ожидая лобового столкновения, огр бездумно бросился на них. В это же мгновение, Рузи направил Куму влево, уклоняясь от рубящего удара острого крюка. На огромной скорости, волк прыгнул к стене. Рузи натянул поводья, и Кума, оттолкнувшись от досок, обернулся в воздухе, приземлившись за спиной огра. Огр взревел от неожиданности, увидев, как его цепь рухнула на землю, не задев цели. Он неуклюже развернулся им на встречу, но челюсти волка сомкнулись на его горле до того, как огр смог защититься от него своими массивными ручищами. Громила повалился на землю, и Рузи с мечом в руке, спрыгнул со спины волка. В припадке убийственной ярости, Рузи отрезал голову огра, пока тот еще с ревом катался по земле.

Он пытался не смотреть в скорбящие глаза волка, обходя внутренний двор и проверяя, не осталось ли в лагере еще кого-нибудь из головорезов. В тот момент Рузи бы с радостью зарезал любого, кто хоть раз в жизни называл себя Рекдосом.

Даже удостоверившись в том, что лагерь был пуст, Рузи продолжал поиски своей сестры. Он боялся, что если позволит себе осознать произошедшее зверство, он упадет на колени и уже

никогда не найдет сил подняться. Поэтому он поднял лопату и начал копать с таким усердием, будто от этого зависела его собственная жизнь. Ему действительно стоило торопиться похоронить всех до того, как запах крови привлечет в лагерь диких животных и падальщиков. Жизнь состояла из труда. Жизнь сама была трудом. И без труда не существовало ничего. Кума свернулся у тела Сесили, с тоской наблюдая за тем, как Рузи неистово трудился несколько часов к ряду.

Рузи впервые услышал о Девочке-Резне несколько лет назад, после того, как она убила одного Азориусовского арестера ради денег, а второго из удовольствия. Она стала неприкасаемой из-за угрозы жизни семьи любого, кто пытался ее остановить. Однажды, отец одной из ее жертв, попытался из мести убить ее. После его неудачной попытки, она вырезала всю мужскую линию его рода, а женщинам выколола глаза. Азориус и пальцем не пошевелит, чтобы арестовать ее даже за убийства членов их собственной гильдии. Естественно, они ничего не сделают ей за убийство Селезнийских эльфов на территории незаконно основанного поселения.

Для того чтобы убить Девочку-Резню, Рузи потребуется помощь таких же наездников на волках, как он сам. Но Тростани никогда не позволит кровную месть от имени гильдии. Если правосудию суждено было свершиться, Рузи должен был разорвать отношения с Селезнией и найти другой путь. Хоть он не мог заставить себя взглянуть на свою сестру – даже после того, как он уложил ее тело в общую могилу – он знал, что уничтожение Девочки-Резни станет целью его оставшейся жизни. Если ему придется сжечь всю столицу, чтобы найти ее крысиное гнездо, он сделает это.

Лишь после того, как последнее тело было засыпано землей, Кума подошел и положил морду на плечо своего хозяина. Лишь тогда Кума настоял на том, чтобы Рузи уделил минуту скорби по невинным жертвам. Рузи обнял волка за шею, он уже желал, чтобы он мог всецело отдаться ДушеМира. Он жаждал утешения, и его внутренний голос говорил ему, что он сможет обрести его там. Рузи тотчас же задавил в себе этот голос. Ни к чему хорошему это не привило Сесили, напомнил он себе. Ни к чему хорошему это не привело и остальных погибших.

Первым звук услышал Кума. Его уши наострились, и он заскулил. Рузи, ожидая нападения, вскочил на ноги. Но это не были вернувшиеся Рекдосы. И не лазутчики Груул, которых он ожидал. Это был плач младенца, проснувшегося и хныкающего по матери, испугавшись одиночества.

Колыбель была скрыта под столом, за какими-то ящиками в хижине Сесили. Ребенок – его племянник – затих, когда он осторожно взял его на руки. Груульское дитя. Младенец, которого они хотели забрать. Он знал, что они пошли бы на многое ради возвращения ребенка, но нанимать Рекдос для уничтожения целого поселения было бы для них слишком. Кто бы ни нанял Девочку-Резню, он должен был находиться в столице и обладать достаточными средствами для оплаты этой бойни.

Рассматривая милое личико младенца, теперь уже мирно посапывающего на его плече, он уже знал, как заставить других охотиться на Девочку-Резню.

* * * * *

Рузи нашел лагерь Груулов в нескольких милях к югу, в самом сердце Булыжного вала. Однако, их глава, Никья Старообрядная, не позволила Рузи зайти на территорию лагеря. В окружении десятка своих воинов, предводительница Груулов приказала сесть всем вместе на землю, это был добрый знак того, что она была расположена слушать то, что ей хотел сказать Рузи.

Никья была главой клана Жур-Таа, одного из Груульских племен, поклонявшихся древним богам старой Равники. Рузи даже приблизительно не мог предположить ее возраст. Она была сложена, как молодой мускулистый боец, но ее тело было покрыто шрамами ветерана. Возрастные

морщины лучами расходились из уголков ее глаз, которые казались мудрее, чем глаза многих дриад Виту Гази. Стенами ее лагеря служили кучи из костей, каждая из которых являлась подношением богам глубокой земли, которые, как они считали, задыхались под весом города.

- Моей сестре не следовало брать младенца вашего рода, - сказал Рузи. – Это было не правильно. Но она сделала это из сострадания и наивности.

- Наивность не оправдывает невежества, - сказала Никйа. – Мы не ограждаем наших детей от жестокости жизни.

- Моя сестра мертва, убита в собственном доме. Ее кровью был начертан знак Рекдос. Да утолит это вашу жажду крови за ее чудовищную ошибку.

- Твоя сестра не была помечена смертью, - сказала Никйа. – Кровь за кровь. Убийство за убийство.

- Они убили вашего младенца! – сказал Рузи. – Они разбили его голову о камни. Я сам закопал его тело.

- Кто это сделал? – спросила Никйа. – Видел ли ты их собственными глазами?

- Рекдосы, - сказал Рузи. – Все Рекдосы несут ответственность за это преступление. Но исполнено оно было главарем шайки, зовущей себя Девочка-Резня. Она убивает детей за деньги.

- Мои скауты вернулись из поселения, - сказала Никйа. – Мы видели кровавые символы на стене. Ты говоришь правду. Клянусь своими глазами, каждый, кто поклоняется демону, виновен в этом кровавом злодеянии против Груулов. Мы будем резать их на улицах, где они живут.

После того, как Рузи покинул их лагерь, он прошел несколько миль во мраке пустоши. Без своего волка, его путешествие было медленным и тоскливым. Он чувствовал себя ребенком, спотыкаясь в темноте о корни. Рузи шел кругами, запутывая следы и убеждаясь, что Груулы не следят за ним.

Наконец, он достиг окраины столицы и вполз на стену уже знакомого здания. Наверху, под навесом из крыш, его ждал его верный волк. Лапы Кумы защитно обнимали малыша Зи, крепко вцепившегося в мягкую шерсть Кумы. Рузи поднял своего племянника на руки и присел около своего волка.

- Завтра я покажу тебе этот огромный город, - прошептал он Зи. – А потом мы разорвем его на части.

Рекдос против Селезнии. Груул против Рекдос. Рузи против их всех.

* * * * *

Выдержка из перечня десяти самых разыскиваемых преступников палатой исполнительной власти Сената Азориус

№9 Рузи и Кума

Гильдийная принадлежность :

Бывшие Селезнийцы

Краткая характеристика :

Сигнальные обереги подняли охрану по тревоге, когда подозреваемый незаконно проник в Южный Архив. К тому времени, как на место прибыли арестеры, здание было частично объято пламенем. Арестеры обыскали помещение и заметили эльфа, выходящего из секции криминальных архивов. Они преследовали его, но подозреваемый сбежал на крышу, где его ждал гигантский волк. Волк атаковал охранников, после чего подозреваемые сбежали через соседние крыши. В ходе расследования выяснилось, что беглецы выкрали записи, относящиеся к Культуре Рекдос и организовали поджог, нанеся существенный урон второму этажу здания.

Последнее совершенное преступление:

Поджог; использование волка в качестве смертоносного оружия; перевозка контрабанды по крышам зданий.

№1 Девочка-Резня

Гильдийная принадлежность:

Рекдос

Краткая характеристика:

Являясь инструментом демона Рекдоса, за Девочкой-Резней повсюду тянется след ужаса и убийств. Она – наемная убийца, избегающая поимки путем угроз жизням официальных лиц, пытавшихся возбудить уголовные дела или задержать ее. Она известна, как разжигатель беспорядков и восстаний, однако доподлинно не известно, являются ли ее действия личной инициативой, или требованиями ее заказчиков. Подозреваемая напрямую связана с сорока семью убийствами и уничтожением Селезнийских миссионеров в Бульжном валу. Ранее, подозреваемая классифицировалась, как «неприкасаемая», хотя этот статус проходит процесс переопределения на закрытых совещаниях Сената. Недавно, все архивные записи, относящиеся к ней, были выкрадены или уничтожены в пожаре, вспыхнувшем в Южном Архиве.

Последнее совершенное преступление:

Все известные преступления.

Груульская находчивость

Adam Lee

Иззетские заклинания всегда считались лучшими.

То, что Кал был рожден Груулом, вовсе не означало, что он не мог оценить высокое искусство мастеров магии. Он часами наблюдал за Иззетами, следя за тем, как они преобразовывали ману всевозможными способами, сводя в хаотичном танце силовые разряды волшебных энергий. Это не всегда срабатывало – это же были Иззеты, в конце концов – и их ошибки были порой более зрелищными, чем успехи, заставлявшие Кала подавлять как приступы смеха, так и восторженные вздохи. Его задача была следить за ними, оставаясь незамеченным. Но, наблюдая за Иззетами, он кое-чему научился и сам. Кал передал свои смелые мысли старейшине племени, но его воодушевление было воспринято без энтузиазма. Подобные методы шли в разрез с шаманскими традициями Груулов.

Но Кал не отступал. Он знал, что в безумии Иззетских чародеев крылся тщательный расчет.

Каждое утро Кал пробирался сквозь Булыжный Вал и взбирался на обрушенную башню давно заброшенного Оржовского собора, чтобы снова взглянуть на промышленные земли, недавно обретенные гильдией Иззет. Загадочные устройства, дымящиеся трубы, и необъяснимые дыры и скважины покрывали всю территорию. Кал не имел ни малейшего понятия о том, что они исследовали, но был очарован их работой. Он наблюдал за тем, как Иззетские химики и гильдейские маги призывали громадных гипер-вулканических фатумов для бурения скважин и питания силовых установок. Время от времени, Кал слышал жуткие влажные хлопки со стороны бесчисленных гоблинских подмастерьев, подходивших слишком близко к огромным фатумам и спекавшимся заживо в их силовых мановых полях. Этим часто заканчивалась гоблинская игра «сунься и лопни» - за которую их постоянно ругали химики.

Кал наблюдал за Иззетами по приказу предводительницы его клана, Никьи Старообрядной, и следил за тем, чтобы Иззеты не зашли на территорию Жур-Таа, или, того хуже, потревожили богов, которые, согласно поверьям его клана, спали глубоко под урбанистической поверхностью Равники. Несмотря на то, что сам Кал был шаманом, всех Груулов растили охотниками, поэтому его способность бесшумно передвигаться, преследуя куда более осторожную добычу, чем маги Иззет, делала это задание совершенно не трудным.

Но Кал также проявлял способности к магии, которую понимали лишь немногие шаманы Груулов. Он чувствовал странную энергию волшебства Иззетов, ее неистовство, неукротимость, и непредсказуемость так, словно был сам погружен в нее с головой. Ему нравилась страсть и неопределенность, присутствующие в каждом Иззетском заклинании. Сидя на поросшем лозой полуразрушенном балконе, он бесшумно наблюдал за неистойвой работой магов Иззет по преобразованию маны и манипуляциям энергией. Молодой шаман неотрывно следил за ними до глубокой ночи, вслушиваясь в гул Иззетских мановых буровых установок.

* * * * *

- Там была резня.

Дурри, молодая лазутчица из клана Жур-Таа, сидела рядом с Калом на осыпающейся стене, осматривая заросший водорослями пруд. Она оторвала кусок куропатки, которую она поймала и приготовила немногим ранее, и продолжила говорить с набитым ртом.

- Они напали на лагерь Селезнийцев. Я слышала, там все было залито кровью. Тупые Селезнийцы. Добро пожаловать в Булыжный Вал. – Дурри швырнула кость через плечо и принялась за следующий кусок. Затем, словно опомнившись, она предложила остатки дичи Калу, подняв бровь и кивнув в сторону мяса. Кал отказался.

- Лагерь лекарей? С ними все в порядке? – Кал знал, что некоторые из Жур-Таа пользовались бесплатным лечением волонтерского лагеря Селезнийцев в булыжном Валу, но что-то там произошло, после чего Никья перестала им доверять.

- Думаю, большинство погибло. Огрет сказал, это дело рук Рекдосов. Он сказал, что Никья выглядела такой взбешенной, что готова была зубами камни крошить. – Дурри улыбнулась Калу, и в ее глазах сверкнула огненная искорка. – Скоро будет война.

Кал взглянул на пруд, обдумывая сбивчивую, неясную речь Дурри. Он швырнул камешек со стены в воду, спугнув лягушку. – Ты когда-нибудь была на войне?

Дурри вытерла нос тыльной стороной покрытой татуировками ладони и задумчиво почесала темную копну волос. – На настоящей войне не была. Участвовала в паре налетов. Кое-что разрушила. Подстрелила пару Голгарийских... штуквин... не знаю, что это было. Но всегда было интересно, каково это на настоящей войне. Слышала пару рассказов.

- Да, я тоже. – Кал представил себе, как он швыряет огненный шар в самую гущу Рекдосовских головорезов, от этого ему захотелось еще больше оттачивать свои навыки владения магией. Он жаждал испытать себя. Все Груулы жаждали испытать себя.

* * * * *

Кал все еще вытаскивал репейник из шерсти своего ретивого верблюда, когда военный отряд вернулся в лагерь. Он отчетливо чувствовал напряжение в воздухе, наблюдая, как они взбирались по разрушенной насыпной дороге.

- Жур-Таа, общий сбор! – Прокричала Никья. Она спешила со своего ездового животного и взобралась на каменные глыбы Центрального Кургана. Никья выглядела мрачной, садясь, скрестив ноги на его вершине.

Дрожь прошла по телу Кала, и он почувствовал всеобщее волнение своих соплеменников. Вот-вот должно было случиться нечто важное. Кал взобрался на небольшой валун и наблюдал за сбором соратников, прислушиваясь к перешептыванию, волнами расходящемуся среди воинов.

Когда все собрались под Центральным Курганом, Никья заговорила. – Была пролита кровь. Невинные души были зарезаны. Наши земли осквернены. Согласно нашим законам, мы имеем право объявить это *кровым преступлением* и отомстить Рекдосам.

Услышав эти слова, клан взревел, соглашаясь со старейшиной. Рекдосы причинили достаточно боли повсюду, от Булыжного Вала, вплоть до далекой Утвары. Демонопоклонники и шайки убийц утоляли свою жажду крови во всех провинциях Равники, вне зоны действия законов, вдали от взора Азориус и Борос – в землях, которые Груулы считали своим домом.

Никья подняла свой посох и крики стихли. – Рекдосов не много, но их ведет за собой чудовище, разгуливающее по 'Валу в поисках легкой добычи, такой, как Селезнийцы. Мы должны изловить их до того, как они вернуться в свое дьявольское гнездо. Мы должны добиться отмщения.

Жур-Таа вновь разразилась ревом одобрения, подняв свое оружие и держа его высоко, ожидая знака старейшины. Никйа спустилась с Кургана, словно величественная маака, рыскающая в руинах 'Вала, и начала поочередно касаться поднятого вверх оружия – отбирая свой боевой отряд, как это делали старейшины клана на протяжении многих тысяч лет. Кал увидел, как Дурри опустилась на колени в знак благодарности за оказанную ей честь, когда Никйа прикоснулась к ее поднятому мечу, и надеялся, что он сможет сражаться с ней плечо к плечу. Казалось, прошли года, пока Никйа подошла к валуну, на котором склонился Кал, но вопреки всем его желаниям, ее рука так и не коснулась его протянутого оружия.

- Приготовьтесь, Жур-Таа, - командовала Никйа. – Мы выдвигаемся немедленно, пешим ходом. Охота на Рекдосов началась!

* * * * *

Кал следил за отрядом на расстоянии. Он прекрасно ориентировался в Булыжном Валу, но поспевать за воинами Жур-Таа, будучи незамеченным было не просто, это требовало как сноровки, так и выдержки – если его заметят, его ждет изгнание или смерть. Но каждый раз, когда Кал собирался уже было повернуть назад, он думал о Дурри, направляющейся к ордам Рекдосовских штыревиков, и эта мысль гнала его вслед за ней. Он не мог бросить свою подругу.

Кал сохранял дистанцию и уже не видел своих собратьев, но знал, что они были не далеко. Жур-Таа передвигались бесшумно, оставив своих массивных животных для того, чтобы внезапно напасть на Рекдосов, которые, в свою очередь, обычно вели себя шумно и не организованно.

Поспешно переползая через булыжник, обходя крупные руины обрушенного строения, он вдруг уткнулся в острие копья, направленное ему в голову.

- Крокт! – Прошипел Калу воин по имени Джаник. – Я едва не продырявил тебя. Что ты здесь делаешь? – Джаник схватил его стальной хваткой. – Никйа тебя за это на вертел насадит, мальчишка. Ты нарушил...

Прогремел выстрел, вслед за которым раздался рев Груульских воинов. Джаник выругался и выпустил Кала, когда залп огня осветил вечерний сумрак, очертив темные силуэты развалин близстоящих башен.

- Разберусь с тобой позже, - рявкнул Джаник. Он отпихнул Кала на землю и помчался прочь в гущу сражения. Воздух наполнился воем Рекдосовских огров, боевых криков Груулов и предсмертными стонами.

Кал побежал вслед за Джаником, перепрыгивая через балки и подныривая под нависающие куски каменных стен, пробираясь сквозь разрушенные улицы к месту битвы. Сгусток огня просвистел над его головой, сбив на лету визжащего беса в нескольких ярдах от Груула. Тот вскрикнул и залился безумным хохотом, корчась на земле.

Калу открылось все поле боя.

Никйа стояла на груде обломков, произнося заклинания. Огромная стена из лозы и стеблей опутала массивного огра Рекдосов, рычащего и вырывающегося из магической сети, словно взбешенное животное.

Рекдосы были повсюду, выползая из всех щелей и дыр, словно муравьи, и голова Кала бешено завертелась в поисках Дурри. Казалось, что его клан превозмогал противника. Груульские воины

выкрикивали древние военные гимны, целыми группами разбивая вопящих бесов и искалеченных уродов из культа Рекдоса.

Кал увидел вспышку со стороны заброшенного здания и заметил силуэт кровавой ведьмы. Он слышал об этих избранницах демона Рекдоса, колдуньях, держащих в своих руках всю власть над Рикс Маади. Кал не понимал, что здесь делала одна из кровавых ведьм, но знал, что это было куда большей опасностью, чем рассчитывала Никйя. Неподалеку он услышал визг группы гоблинов, вспыхнувших алым заревом, а за тем в одно мгновение превратившихся в тошнотворный сгусток кровавого месива, словно раздавленные гигантской невидимой рукой. Затем он почувствовал этот запах – зловонный, острый демонический смрад.

- Демоны! – Послышался крик кого-то из Жур-Таа, когда крупные влажные когти пробились из-под земли. Камни и почва разверзлись под натиском потусторонних сил, и из тьмы подземелья с оглушительным ревом и волной невыносимого смрада поднялись демоны со скользкими кожистыми крыльями.

- Жур-Таа! Все ко мне! – Закричала Никйя, всматриваясь сквозь распростертые крылья демонов. Из клубов дыма начали появляться Груульские воины, пробиваясь сквозь толпы Рекдосов. Кал выискивал глазами Дурри, по пути к старейшине племени, но что-то схватило его за лодыжку, и он рухнул на землю. Глубокая рана открылась на его ноге, и он наглотался грязи, упав лицом вниз. Рекдосовский огр-цеповик в жуткой маске поймал его цепью с грубым крюком, вонзив его глубоко в ногу, и подтаскивал извивающегося в агонии Кала к себе.

Кал пытался бороться, но боль мешала ему думать трезво. Каждое натяжение цепи пронзало все его тело нестерпимой агонией.

- Кал! – откуда-то послышался голос Дурри.

- Кал! – передразнил его имя огр, подтягивая его ближе.

Разум Кала метался по кругу. Рекдосов было слишком много. Слишком много демонов.

Внезапная вспышка озарения затмила боль Кала. Долгие часы наблюдений за магами Иззет. За тем, как они управляли молниевыми разрядами, направляя и рассеивая их. Он чувствовал ярость и отчаянье, пылавшие в нем диким огнем. Подобно молниям Иззетских магов.

Огонь был подобен молнии.

И то, и другое было первобытной неукротимой энергией

Что если...

Залп огня испепелил ухмылявшегося огра-цеповика. Его руки и ноги разлетелись в разные стороны, оставляя за собой в воздухе лишь спирали из дыма. Но это было не все. Волны энергии разошлись от Кала и вонзились в демонов, словно раскаленные молоты, в миг превратившие их в визжащие пылающие факелы. Пламя поглотило демонов и выжгло всю землю, оставив от Рекдосов лишь кости да пепел в одной ослепительной вспышке.

* * * * *

Когда Кал очнулся, он смотрел в ледяные глаза Никйи. – Мы убили ее? – прохрипел Кал.

- Та, которую называют Девочка-Резня, - прорывав, сказала Никья. – Мы не нашли ее тела. Но ты своим заклинанием убил одну из этих. – Никья подняла вверх обожженную голову кровавой ведьмы. – Хороший трофей.

Никья наклонилась к нему поближе. – Я владею магией Груулов дольше, чем ты живешь, Кал. Что это было? Где ты научился этому заклинанию?

- Я не знаю, что это было, - ответил Кал. – Думаю, я научился ему, наблюдая за Иззетами.

Затем над ним склонилась Дурри с улыбкой на лице. – Может, ты и научился ему у Иззетов, Кал, но посмотри вокруг. – Она обвела рукой обожженную землю. Кал видел дымящиеся трупы Рекдосов, разбросанные повсюду, словно порванные марионетки. – По мне, оно вполне в духе Груулов.

Убойные игрища

Trick Jarrett

Маритта захлопнула дверь и изо всех сил задвинула тяжелый засов, заграждая дверь своего дома и ограждая семью от Рекдосов на улице. Гильдия убийц шла маршем, наводняя улицы жуткой какофонией звенящих цепей, безумного хохота, и воплей агонии тех, кто был силой втянут в парад их отвратительного карнавала.

Маритта обессиленно села на пол, спиной к двери, и обняла своих двоих напуганных детей. Она шептала им успокаивающие слова, стараясь уверить их, что теперь они были в безопасности, и чудовища, громяющие мимо их дома, им больше не угрожали.

Ликующая, обезумевшая толпа текла за их стенами. Дома, магазины, храмы, и даже государственные учреждения запирали и баррикадировали свои двери, лишь завидя первых участников Рекдосовского шествия. Это была кошмарно долгая процессия, состоявшая практически из всех членов культа Рекдоса.

Посреди кровавого парада, в самом разгаре шел карнавал с вооруженными до зубов ходоками на ходулях, динамичным представлением воздушных цепей, покрытыми пирсингом акробатами, высоко взлетающими на своих трапециях, и другими жуткими зрелищами.

С лиц всех членов культа не сходила кровавая ухмылка, они были безумно счастливы, ведь сегодня был день начала их Убийственных Игрищ. Три Рекдосовских круга сражались за право обладания недавно освобожденной территорией, и для максимального обострения этого конфликта, было решено разыграть ее, как главный приз в Убийственных Играх.

Убийственные Игры полностью поглощали гильдию на все время их проведения, до тех пор, пока не оставались лишь окровавленные, но непревзойденные их победители. Лишь не многие из последователей культа Рекдос, готовы были принять участие в этих состязаниях. Для каждого участника, это означало бросить на кон свою жизнь. Они добровольно подвергали себя риску ради зрелищности игр и из преданности их демоническому повелителю.

Даракс был чемпионом среди нападающих на протяжении четырех лет, а, поскольку, игры проходили не ежегодно, то по факту, он выходил победителем в семи Убойных Игрищах, до прошлого года, когда он был свергнут с пьедестала выскочкой из круга Девочки-Резни: Вилдикой. Этой высокой поджарой женщиной, которая нанесла смертельный удар особо проворной жертве, отскочившей от смертоносного взмаха молота Даракса, и напоравшейся на заостренный сапог Вилдики, которым она грациозно поймала жертву ударом ноги с разворота. Даракс оказался поверженным, а Вилдику короновали чемпионкой игрищ года.

Предыдущим главарем круга Даракса был весьма незаурядный гоблин Строко, который всецело посвятил свою жизнь Рекдосу. Даракс был выгоден Строко, как нападающий, он охлаждал пыл остальных, что было на руку Строко, и создавал хаос, способствующий личным целям гоблина. После того, как Даракс был свергнут, он оказался бесполезен для Строко, и гоблин издевательски высмеял его посреди пиршества Убийственных Игрищ. Даракс, придя в ярость, вскочил на ноги так быстро, что опрокинул стол, разбросав повсюду еду и питье. Он сорвал с себя жилетку, на которой был нанесен символ круга Строко, и швырнул ее на землю перед тем, как убраться прочь.

Он решил возглавить собственный круг.

Он вышел из тента один. Многих возмутило публичное унижение Даракса, но никто не был настолько разъярен, чтобы выйти из круга Строко вместе с ним. У него ушло на это несколько

недель, но он сумел собрать свой собственный небольшой круг. Даракс сражался за свою территорию и сумел выбить себе нишу, недалеко от места проведения фестиваля.

Наконец, снова начались Убойные Игрища, и Даракс теперь шагал мимо двери Маритты, в окружении членов его круга. Теперь на нем был жилет с его собственной эмблемой. Вокруг его широких плеч была обвита цепь его нынешнего статуса, массивные звенья которой внушали страх всем, кто бросал взгляд на его и без того массивное тело. На одном плече он нес свой шипованный молот, а другой рукой вел за цепи своих последователей.

Даракс, может, и был бойцом, покрытый пирсингом гигант, возвышавшийся над членами своего круга, но он также открыл для себя неплохие навыки в ведении сделок. При всей своей злости на оскорбление Строко, он у него многому научился. Хаос и легкомысленность царили в рядах культа, и предводителям следовало грамотно управлять ими для всеобщего процветания. Главари кругов должны были организовать, профинансировать и провести карнавал ради ублажения самого Рекдоса. И хоть его не было видно, каждый главарь круга знал, что Рекдос с интересом наблюдал за игрищами.

Поэтому, Даракс надеялся, что его круг будет возвышен после того, как они проявят себя в Убойных Игрищах.

Всего пару недель назад он переманил к себе Вилдику от Девочки-Резни. Она шла теперь рядом с ним, с гордо поднятой головой. Она была в облегающем коротком платье с целыми гирляндами из пирсинга в ее изящных чертах лица и тела. За эти пару недель с момента ее перехода к нему, Вилдика проявила себя, как ценный союзник и советник в делах круга, и он чувствовал, что влюбляется в нее.

Как главарь круга, Даракс с сожалением и нескрываемой завистью принял решение не участвовать в состязаниях, позволив Вилдике представлять его круг в игрищах. Он свирепел от одной мысли, что ему придется быть зрителем в этом году, но понимал, что так будет лучше. Теперь ему предстояло добиться одобрения Рекдоса за пределами боевой арены.

Приближаясь к огромной арке, ведущей к фестивальной арене, он взглянул сквозь нее и увидел целое озеро крови. Животные, люди, кентавры, возможно даже, мэрфолки, все, кто был втянут в предшествующее играм веселье, теперь были зарезаны в знак приветствия последователей Рекдоса на Убойных Игрищах. Даракс схватил свой шипованный молот и поднял его над головой, когда его круг входил на арену, сопровождаемый язвительными криками и свистом.

Хотя сами игры были лишь для самых сильных духом Рекдосов, они привлекали к себе несметное число зрителей. Они стояли по краям арены, готовые быстро ретироваться или разбежаться, боясь неожиданно стать очередной жертвой игр. Они все пришли на просмотр этого кошмарного представления, которое никогда прежде их не разочаровывало.

Даракс повел свой круг к месту, где он решил разбить их лагерь, указывая им, где следует ставить тенты и вбивать колышки. Когда процессия завершилась, и все круги заняли свои места, на Равнику уже опустилась ночь. Ярмарочные ряды были освещены множеством огней, и обычно шумная и оголтелая гильдия немного затихла, готовясь к играм, которые должны начаться на следующий день.

Все члены круга разошлись, и у костра остались сидеть лишь Даракс и Вилдика. Даракс заточил свой шипованный молот и ударил им по скелету какого-то животного, служившего их ужином, проверяя остроту его шипов. Вилдика сняла свои сапоги и сидела, прислонившись к нему, рассеянно прокалывая свои пальцы и наблюдая, как из проколов выступает кровь.

- Ты скучаешь по Девочке-Резне? – спросил Даракс между ударами точильным камнем по молоту. Ему действительно было любопытно это знать. Она присоединилась к его кругу добровольно, но он также знал, что они с Резней многие годы были близки. – По ней, и по ее кругу?

- Редко, - без особых эмоций ответила Вилдика. И после короткой паузы добавила, - я перешла к тебе, потому что поняла, что она теперь рассматривала меня только, как бойца на играх, как трофей. Я стала ее парадным трофеем, а не соратницей, с которой можно было разделить радости карнавала. – По мере того, как она говорила, в ее голос все больше прокрадывалась злость, смешанная с грустью.

Даракс обдумал ее ответ. Главарям кругов было свойственно возводить своих победителей в Убойных Игрищах на пьедестал почета. Строко годами делал то же самое с ним, но тогда это ему нравилось. Он был прославлен, известен, и у него было все, чего он лишь мог пожелать – кроме сближения с кем-либо, кроме Строко. Конечно, у него были приятели для веселья на кровавых карнавалах и в цирке, а большего ему никогда и не требовалось, но теперь у него было много времени для того, чтобы оглянуться на то, кем он был тогда, и сравнить с тем, кем он стал сейчас.

- Ты готова к завтрашнему соревнованию? – Дараксу все еще не удавалось скрыть тот факт, что он сам бы желал завтра участвовать в играх.

Звонкий смех Вилдики прокатился по тентам круга, - Ты видел нападающих из других кругов? Они просто жалкие. Даже Эрзадалът, этот громила, на которого Ренейр убил годы тренировок. Он едва ли готов к играм, и я его выбью в два счета. В этом году игры едва ли вообще можно назвать испытанием. – Она проколола свой указательный палец тремя быстрыми движениями, наблюдая, как кровь выступает из ран и стекает в ее ладонь.

Даракс кивнул, он чувствовал то же самое многие годы - полную уверенность в своих силах. И даже в последний раз он не сомневался в своей победе, по крайней мере, до тех пор, пока Вилдика не удивила всех собравшихся.

- Сколько ты на меня поставил? – спросила она с явным любопытством в голосе. Главари кругов всегда делали ставки друг с другом на играх, иногда на деньги, иногда на людей, а иногда на клятвы.

- Больше, чем на кого-либо другого. – Даракс разделил ставки между всеми своими бойцами и другими участниками игрищ, но самую большую часть казны круга он поставил на Вилдику, чему вовсе не обрадовались его казначеи.

Вилдика, уколола свой палец еще раз и сжала окровавленные пальцы в кулак. По ее лицу скользнула улыбка. Завтра, наконец, начнутся игры.

Семь колоколов

Jenna Helland

Выдержка из перечня десяти самых разыскиваемых преступников палатой исполнительной власти Сената Азориус

№6 Бори Эндон

Гильдийная принадлежность:

Иззет

Краткая характеристика:

Подозреваемый весьма уважаем в среде Иззет. Исходя из свидетельских показаний, он высоко квалифицирован, но невероятно безответственен. Не смотря на его гильдийную принадлежность, мы не можем более игнорировать разрушительную природу его экспериментов. Он запустил вьязино сквозь бесценное витражное окно Базилики Гармонии. Его Оссморферный агрегат раскрошил Театр Вуали, включая их тысячелетнюю коллекцию масок. Он вызвал серию взрывов в районе Кальники, повредивших купол Черного Голубя. Эксперты полагают, что древняя кровля рухнет при ближайшем более-менее сильном порыве ветра. Орден Архитекторов требует его ареста.

Последнее совершенное преступление:

Нарушение общественного порядка; уничтожение имущества; незаконный запуск гуманоида.

Совет Измагнуса

Протокол заседания

Микас Вэй: Мы защищаем тебя... пока. Но Азориус требует правосудия.

Бори Эндон: Правосудия за разбитое окно? Я не знал, что кафедральные соборы настолько чувствительны.

Микас Вэй: Здесь нет ничего смешного.

Бори Эндон: Я провожу исследования, назначенные мне лично Нив-Миззетом.

Микас Вэй: Посмотри вокруг. Этот зал забит лучшими и блестящими умами Равники. Твои исследования не грандиознее наших. Они лишь более разрушительны.

Бори Эндон: Вас волнует не пара поврежденных зданий. Вас пугает мой успех. Подобные примитивные эмоции лишь мешают нашей общей цели, Верховный Измагнус.

Микас Вэй: Ты должен прекратить эту показуху. Ты должен прекратить привлекать к себе внимание законников.

Бори Эндон: Я следовал Вашим указаниям!

Микас Вэй: Сбавь тон, Эндон. Приказом настоящего совета все твои текущие проекты замораживаются. Огненный Разум назначил тебе особое задание. Его необходимо выполнить перед тем, как ты продолжишь свои личные исследования.

Бори Эндон: Какое еще задание?

Микас Вэй: Решить Теорему Синхронного Диссонанса.

Собравшиеся: [Выкрики, споры...]

Бори Эндон: Вы не можете сорвать мои исследования. Я на пороге...

Микас Вэй: Сядь на место, или тебя выведут из зала!

Бори Эндон: Это абсурд!

Микас Вэй: Это так называемая нерешаемая задача. Ты знаком с ней, Эндон?

Бори Эндон: Конечно...

Микас Вэй: Вопрос вот в чем: Может ли один человек одновременно прозвонить всеми семью колоколами в семи колокольнях? Многие великие умы пытались решить эту задачу, но не справились с ней. Они утверждают, что это невозможно. Достаточно ли ты умен, чтобы доказать их неправоту?

Бори Эндон: Вы не имеете права!

Микас Вэй: Это прямое указание Огненного Разума. Если тебе оно не по нраву, можешь разорвать отношения с Иззет.

Бори Эндон: Ты ублюдок, Вэй! Это все твоих рук дело. Что ж, я докажу, что ты...

Микас Вэй: Стража! Выведите этого человека из зала.

Собравшиеся: [Выкрики, споры... стража выводит Эндона из палаты]

Микас Вэй (обращаясь к совету): Что ж, он ушел. Его эго заставит его попытаться решить эту задачу. По крайней мере, это удержит его на какое-то время от неприятностей. И, что может случиться в худшем случае? Зазвонит семь колоколов.

Собравшиеся: [Смех...]

Журнал Бори Эндона: День первый

Я проснулся от звона колоколов. Из окна моей спальни мне видны две из семи колоколен района Кальники. Я здесь вырос и слышал колокольный звон каждое утро со дня своего рождения. На рассвете колокола звучат гармонично, но все веревки дергают разные звонари. Как может один человек звонить одновременно всеми семью? Совет просто пытается меня унижить. Они дали мне «нерешаемую» задачу. Что ж, я им покажу. Нет ничего нерешаемого.

Несмотря на то, что из моего окна все кажется серым и унылым, колокола звучат поразительно красиво. Спросонья я представил себя в громадной комнате, наполненной лестницами, ведущими в никуда. Должно быть, я снова отключился. Во сне я шел по бесконечным пустым коридорам. Я повернул за угол и в ужасе отшатнулся, увидев громадного стража, восседавшего на серебряном троне. Его глаза следили за мной, куда бы я не бежал.

Сон, это знак. Они будут следить за каждым моим шагом.

Отчет наблюдателя

Объект из квартиры не выходил

Журнал Бори Эндона: День второй

Я прошел два района, чтобы встретиться со старым другом, Забой, который делает лучшие карты во всей Равнике. Как я и надеялся, у него были подробные карты Семи Великих Колоколен. Его работа настолько подробна и детальна, что мне практически видны крысиные норы в их стенах. Неожиданно, мне становятся понятными переплетения подвесных тротуаров, мостов через несуществующие реки, и многоуровневые улицы, которые я знаю наизусть, но никогда раньше не мог подсчитать.

За чаем Заба развлекал меня легендой Кальники, великого паладина, именем которого был назван мой район. Я чувствовал себя ребенком на коленях у бабушки, когда Заба рассказал

историю древней Равники, о том, как король-лич тиранил народ. Паладин обучил крестьян тайному кодовому звону колоколов. Когда они услышали нужную последовательность, они знали, что пришло время восстать и свергнуть тирана. По словам Забы, башни колоколен расположены в особом порядке. Существует лишь один маршрут через район, позволяющий посетить башни в нужной последовательности. Он улыбнулся своим беззубым ртом и сказал, что если я смогу отыскать правильный путь, моя истинная любовь будет ждать меня за углом.

Когда я рассказал ему о своей проблеме с советом, Заба отдал мне карты бесплатно. Он что-то сказал о том, что значение имеет сам факт путешествия, и мы попрощались. На улице за мной три квартала шел человек с черными волосами. Меня не удивляет, что Вэй выслал одного из своих наемников следить за мной. Что ж, пусть следит, сколько ему влезет. Мне скрывать нечего.

Отчет наблюдателя

Допрос картографа выявил не многим больше того, что мы и так знали. Объект продолжает искать решение Теоремы Синхронного Диссонанса.

Журнал Бори Эндона: День третий

Я протер дыру в подошве, но сделал это. Наивные слова Забы об «истинном пути» навели меня на мысль. Я обнаружил единственный маршрут, проходящий по одному разу через каждую колокольню. Это было восхитительное упражнение по геометрии этого места, и взаимосвязанности башен, которое как утомило, так и вселило в меня надежду. Уф, такое чувство, словно крысы грызут задние стенки моих глазных яблок. Я должен поспать.

Отчет наблюдателя

Хождение. Хождение. И снова хождение. Объект разговаривает сам с собой. Он, похоже, растерян и часто пугает прохожих своими внезапными подпрыгиваниями, хлопаньем и бегом вокруг да около. Я искренне полагаю, что Теореме решение не грозит. Прошу выдать мне другое задание.

Журнал Бори Эндона: День пятый

Мой Гипно-визуализатор готов. Я разработал способ переноса «истинного пути» в трех-мерном пространстве с учетом естественных препятствий и исторической информации, полученной от картографа. Это позволит мне найти идеальный центр, равноудаленный от каждой башни. Я настроил визуализатор на передачу сонарных импульсов, которые ударятся о колокола и заставят их звенеть одновременно. Не могу дождаться, чтобы бы взглянуть на выражение лица Взя.

Отчет наблюдателя

Объект вышел из квартиры с латунным ящиком за спиной. Из ящика торчали провода, прикрепленные к крупным стеклянным сосудам. В сосудах содержалась некая голубая жидкость и пар. Объект прошел в центр рыночной площади Кальники. Знаете эту громадную статую кентавра? Ну вот, он взобрался на нее, и сел так, словно он собирался на нем ускакать. Затем он очень долго возился со своим устройством. Люди пялились на него, как на сумасшедшего (я думаю, он действительно псих). В какой-то момент из устройства вырвался луч синего света, но больше ничего не произошло.

Журнал Бори Эндона: День восьмой

Когда же уймется эта головная боль? Даже малейший шум кажется невыносимым. Мой Гипно-визуализатор не сработал, но я знаю почему. В следующей попытке нужно будет использовать элементы окружающей среды. Ключ в самом воздухе. Ветер будет моим невидимым сообщником. Мне удалось перенастроить визуализатор. Мое новое устройство, Гипно-Выталкиватель, вберет в себя большой объем воздуха и затем вытеснит его радиально, заставляя колокола звенеть. Меня немного тревожит перемещение такого объема воздуха. Предположительно, жители смогут почувствовать от легкого до умеренного порыва ветра, не более. Я не могу тратить время на испытания. Огненный Разум ждет.

Отчет наблюдателя

Подозрения по поводу здравого ума объекта подтвердились. Он снова сидит на кентавре. И у него с собой новое устройство. В нем все еще присутствует латунный ящик и стеклянные сосуды. Но теперь он дополнен странным компонентом, похожим на шапку. И под шапкой я имею в виду нагромождение медных проводов и трубок. Он возится с ящиком. Послышался странный гул. Хм, мусор в сточных канавах начал подниматься в воздух. У меня плохое предчувствие на этот счет.

Азориус: Рапорт о происшествии

Ровно после того, как часы пробили девять раз, жители района Кальники доложили о сильном ветре, возникшем посреди тихого, спокойного дня. Ветер усиливался и в итоге выбил практически все окна в квартале. Осколки стекла осыпались неподалеку от купола Черного Голубя. Внезапно, они превратились в цилиндрический вихрь из осколков, продолжив наращивать мощь. В пике своей силы, стеклянный смерч был выше, чем сам купол древнего здания. Жители трех окрестных кварталов были эвакуированы. Боевые маги объединили усилия для подавления и уничтожения растущей угрозы. Их усилия оказались успешными, и ни одного летального исхода не было зафиксировано в рамках данного происшествия. Окрестности Черного Голубя были усеяны осколками стекла, но само строение было спасено.

Журнал Бори Эндона: День десятый

Не так, не так, не так. Этот подход оказался непродуктивным, и колокола не зазвенели. Что еще больше осложняет дело – человек с черными волосами снова наблюдал за мной. Он наверняка уже донес совету о моем провале, и они все там смеются надо мной. К тому же, над головой все время летают птицы. Я слышал, что голубей можно научить шпионить. Теперь я вижу, что ветер был слишком прозаичен для того, чтобы быть реальным решением. Я должен преобразовать энергию человеческих мыслей и запустить ее в сторону колоколен, таким образом, заставив колокола звенеть. Сколько там весит мысль? Сколько энергии вырабатывает человеческий мозг?

Я снова перенастроил визуализатор. Устройство – Гипно-Облатрик – соберет и сгустит все мысли возле колоколен. Затем я переведу преобразованную энергию этих мыслей непосредственно к колокольням, таким образом, одновременно прозвоню во все колокола. Те, кто попадет под действие устройства, почувствуют зуд в районе лба... а, не важно. Я понятия не имею, что они там чувствуют.

Отчет наблюдателя

Они еще даже не закончили убирать осколки с улицы, а он уже вернулся. Он тащит новый прибор. Видимо, новый, потому что шапка на нем еще выше. Судя по лицам прохожих, он источает зловонный запах. Запрашиваю разрешения покинуть пост. Хочу залечь и наблюдать с безопасного расстояния.

Азориус: Рапорт о происшествии

Только что в Районе Кальники была произведена массовая психическая атака. Поступают жалобы о потере памяти, дезориентации, кровоточивости в области ушей. Подозреваемый или подозреваемые все еще на свободе.

Журнал Бори Эндона: День десятый, дополнение

Гипно-Облатриксу не удалось вызвать звон колоколов. Но вместо этого произошло нечто потрясающее. Я активировал устройство, и люди попадали на землю.словно тряпичные куклы. Как и планировалось, я перевел собранную энергию в сторону колоколен. И вдруг я увидел сотни светящихся линий, перекрещивающиеся в воздухе, словно метафизические нити. Со своего места мне было видно, что каждая линия пересекалась со всеми башнями колоколен. Что это могло быть? Границы? Связи? Сенсоры? Что означает все это безумие?

Меня пугают последствия. Я обнаружил какие-то тайные эфирные каналы, проходящие сквозь район. Колокольни служат их узловыми точками. Может быть, Нив-Миззет выдал мне эту теорему не в наказание, а для того, чтобы раскрыть этот таинственный секрет. Мне суждено было обнаружить это, Но что именно я обнаружил?

Отчет наблюдателя

Что ж, я шокирован. Ошарашен. Не знаю, что и сказать. У этого шарлатана получилось. Он не заставил колокола синхронно звенеть, но он нашел наши тайные линии связи! Он раскрыл нашу телепатическую сеть, включая использование колоколен в качестве узловых передатчиков. Нам нужно изъять у него это устройство и быстро убить его. Под угрозой вся операция Кальники.

Журнал Бори Эндона: День двенадцатый

Я пишу это в грязной съемной квартире на краю квартала. По возвращению в лабораторию я застал в ней взломщиков. Они схватили меня в фойе и продолжили рыться в моем оборудовании. Они были в масках и толстых перчатках, всюду был запах затхлости. У одного в руках был мой Гипно-Облатрикс, и он все допытывался о том, как он работает.

Они хотели похитить меня. Возможно, даже убить. Но меня спасла пара Боросовских сыщиков, появившаяся в дверях моей квартиры, и между ними и грабителями завязалась драка. Посреди хаоса и пылающего огня, я схватил мой журнал и запасной визуализатор, и сбежал через потайную дверь.

Я поселился здесь, в этой жалкой комнатке, в каких обычно скрываются воры и мошенники. Я уже собрал все необходимые материалы для перенастройки своего устройства. Теперь, когда мои враги показали свои намерения, я понимаю, что я должен был сделать все это время. Нив-Миззет хотел, что бы я не только нашел эти каналы. Он хотел, чтобы я их уничтожил.

Отчет наблюдателя

Мы были в квартире Эндона, но неожиданно появилась пара Боросов, расследовавших массовую психическую атаку. Пока мы их успокаивали, Эндон улизнул через потайную дверь. Кто знает, что он собирается теперь предпринять? Все оперативники должны бросить все силы на его поиски. И может кто-нибудь выслать энфорсера? Все это выходит из-под контроля.

Журнал Бори Эндона: День тринадцатый

Я пишу эти строки в грязной сточной трубе, неподалеку от входа в нижний город. Враги повсюду. Они хотят убить меня. Я опасаюсь, что они уже в моей голове, выворачивают наизнанку каждую мою мысль. Я должен записать события последней пары часов, чтобы не забыть их. Я не могу позволить им манипулировать собой. Совет должен услышать об этом. Да, сам Микас Вэй должен знать обо всем. Я должен предупредить их о том, что нам всем грозит опасность.

Я собрал новое устройство, рассчитанное на уничтожение эфирных каналов – для выжигания их огнем из этого мира. Через пару мгновений после того, как я активировал устройство, каналы зажглись, замерцали, а затем взорвались. Полосы огня со свистом пронеслись по улицам. Неожиданно, небо потемнело, затянутое грозowymi облаками. Земля затряслась под моими ногами. Неподалеку, прославленный Купол Черного Голубя разрушился, как песочный домик. Боль в моем мозгу была невыносимой, поэтому я повернулся и сбежал.

На бегу, что-то ударило мне в спину, и я упал на землю. Меня поднял и поставил на ноги человек с желтыми глазами. На нем была одна перчатка, покрытая шипами, и его голос звучал замогильно и потусторонне. Он сказал:

- Ты причиняешь Димир слишком много неприятностей.

Человек протащил меня через красную дверь, в темный коридор. Там я напал на него, но он был сильнее, чем я мог себе представить. Он поднял меня над землей, держа за горло, и ударил о стену. Когда он заговорил, я увидел истинную природу моего врага – это был вампир.

Затем он вторгся в мой разум. Он сказал, чтобы я слушал колокола. Колокола будут отдавать мне приказы. Но перед тем как он смог полностью проникнуть в мое сознание, я переключил тумблер визуализатора, привязанного к моей груди, и ударил чудовище сонарной волной. Опешив, он отпрянул назад, отпустив мое горло. Я сбежал в охваченные огнем улицы, где мне удалось скрыться от него во всеобщем хаосе. Я проведу ночь в зольнике на самой высокой крыше, какую только смогу отыскать. Надеюсь, я буду достаточно высоко, чтобы не слышать звона колоколов. Только бы не слышать звона колоколов. Только бы не слышать звона колоколов.

Отчет наблюдателя

Эндону удалось сбежать от энфорсера. Но это к лучшему, потому что энфорсер мог его сожрать. Теперь, когда новости о возможностях эндоновского устройства достигли самых высокопоставленных уровней, наши приказы снова изменились. Не убивать! Повторяю, не убивать! Задача – изловить и подавить. Бори Эндон должен стать одним из нас. Мне нравится мысль о собственном агенте в наивысших эшелонах Иззет. Психами всегда легко манипулировать.

Журнал Бори Эндона: День четырнадцатый

Я пишу это, сидя в зольнике на крыше доходного дома. Прошу прощения за почерк, поскольку свет, проходящий сквозь щели между досок, очень тусклый, а воздух забит пылью и сажей.

Они преследуют меня. Они пользуются тенями, как кодами для общения друг с другом. На каждой крыше стоит их страж, надсмехаясь надо мной. Но они не могут ничего сделать, потому что я забил уши смолой и гравием! Им не выманить меня своими чертовыми колоколами. Мне нужно добраться до Нивикса. Я должен найти дракона и сказать ему, что я не надежен. Но улицы уже потеряли для меня смысл. Я постоянно оказываюсь на мосту, который не могу пересечь. Куда бы я ни повернул, я оказываюсь лицом в другом направлении, идущим дорогой, по которой я только что пришел. Час подходит к концу. Время звенеть колоколам. Если я услышу звон, мои враги завладеют моим разумом, и я потеряю себя навсегда.

АЗОРИУС: Рапорт о происшествии

Все колокола в окрестностях района Кальники зазвенели одновременно. Мы получаем массовые жалобы о потере слуха, головных болях, и дезориентации. Колокола прозвонили с такой силой, что несколько из них раскололись пополам. Три из колокольных башен были повреждены звуковыми волнами. Согласно Статье 90903.35б, подобное классифицируется, как акт магического вредительства, а не случайное происшествие.

Журнал Бори Эндона: День первый

Я начал новый журнал. Я тщательно обыскал свою лабораторию, и, хотя, все находится на своих местах, я нигде не смог отыскать свой старый журнал.

Сегодня на совете меня приветствовали овациями, стоя. Все семь колоколов зазвонили одновременно, таким образом, Теорема Синхронного Диссонанса решена. Им хотелось узнать, как я это сделал, но я отказался отвечать. Я настаивал, что это сделал не я. Полагаю, они считают, что это было проявление моей скромности. Возможно, я и заставил их звенеть, но, честно говоря, я этого не могу вспомнить.

Пару минут назад в мою дверь постучал курьер. Он принес пакет, отправленный мне анонимно. Это, конечно же, подарок, поскольку сегодня мой День рождения. Внутри был изящный серебряный колокольчик с очаровательным звоном. Теперь он висит у меня в фойе. Надеюсь, однажды мне представится возможность отблагодарить моего таинственного дарителя.

Воровской лаз

Tom LaPille

Танек проснулся, лежа на спине без своей рубахи. Солнце, затянутое пеленой дыма, было уже высоко в небе, и из печной трубы рядом с ним струился пар.

Он осмотрелся – остальные, из тех, кто ночевал на крыше вместе с ним, уже давно ушли. Он проверил левый карман штанов на наличие кошелька, почувствовал под головой свою свернутую рубаху и сквозь дыру в правом кармане прощупал привязанное к ноге лезвие. Все было на месте. Отлично.

Крыша была удачной находкой. В хорошую погоду спать здесь было гораздо лучше, чем на земле, а в непогоду здесь было достаточно выступов и навесов, под которыми можно было укрыться от дождя. Те, кто ночевали на крышах, иногда обменивались опытом и бытовыми хитростями, но не часто. Ему здесь нравилось. Здесь было безопасно. По крайней мере, настолько безопасно, насколько это было возможно.

Желудок Танека рычал от голода. Платить за еду ему всегда было унижительно, но работать на пустой желудок было слишком опасно. Он сел, натянул свою покрытую сажей рубаху и вывалил содержимое своего потрепанного кошелька на крышу. Кто-то заточил края его пяти-зиновой Боросовской монеты, но большинство людей не даже не заметили бы этого. Он хранил ее на крайний случай. Три одно-зиновых монеты Азориувской чеканки были относительно новыми. Символы выступали немного выше от поверхности, чем на старых монетах; кто-нибудь с достаточно острым ножом и твердой рукой мог бы, возможно, заточить и их, хотя он еще не встречал тех, кто бы это сделал. Из кошелька также выкатилось несколько мелких монет, достоинством в пятьдесят и двадцать пять зибов. Всего за сорок зибов он мог купить целый шашлык и яблоко. Этого будет достаточно для завтрака.

Он спустился по сломанной боковой лестнице, спрыгнул на навес в нескольких футах под ней, и слез с него на улицу. Удивительно, что большинство людей даже не задумывались попробовать забраться на крышу, но, с другой стороны, большинство людей и не подозревали о существовании этого закоулка. Он пробежал до тупика узкого прохода между домами, прополз сквозь дыру в стене у самой земли, протиснулся между двумя кустами, и появился на открытой улице.

Танек пробрался сквозь шумные улицы к рынку Литейного района и окунулся в море звуков и запахов, бушующих в рыночных рядах, где безгильдийные механики и сталевары продавали свои товары, и где их подмастерья могли пообедать. Это место также было раем для воров, хотя здесь было не так много карманников, чтобы власти обращали на них внимание. Танек знал большинство из них, и парочка тех, что делили с ним крышу, как раз сейчас были на работе. Миген разговаривал с высоким мужчиной, пока Эрика уже удирала, сжимая что-то в руках. Айво наблюдал, затаившись в тени неподалеку. Танек улыбнулся и растворился в толпе.

Время было еще не обеденное, но некоторые отдыхающие рабочие были уже здесь. Группа трещащих гоблинов в коричневых робах сгрудилась вокруг лавки пекаря, громадный минотавр в испачканном угольной сажей переднике торговался с женщиной, продающей жареных кур. В толпе виднелись и несколько представителей гильдий, хотя в этой нейтральной части города они выделялись на общем фоне, словно шпили башен на ровном горизонте. Эльф в зелено-белых одеждах разговаривал с кузнецом-оружейником, а надменная ведалкенша, одетая в цвета Азориус о чем-то переговаривалась с ювелиром. Здесь также было несколько патрульных Борос – Танек заметил, по меньшей мере, троих. Похоже, они кого-то высматривали. Танек уже приготовился удирать, но они отвернулись в другую сторону.

Протиснувшись сквозь толпу, Танек смог разглядеть объект пристального внимания патрульных. Двое коренастых бритоголовых Оржовских громил приставали к Бусе, любимому продавцу курятины Танека. Все трое говорили на повышенных тонах, размахивая руками, но было очевидно, что Буса изо всех сил пытался защититься от вымогателей. Один из прохожих с открытой корзиной с фруктами остановился, отвлекшись на крики. Танек взял яблоко с верхушки корзины и, сунув его в карман, скользнул в сторону перепалки.

Громилы уже отошли, к тому времени, как Танек добрался до лавки, но толпа все еще широко обступала торговца. Танек подошел к нему с невинной улыбкой. – Один шашлычок, пожалуйста.

- Двадцать пять зибов. Сегодня действительно заплатишь, а?

Танек пожал плечами. – Не могу работать на пустой желудок. – Буса положил кусочек курятины на гриль. – И, кроме того, мне нравится твоя еда. Что здесь произошло?

- Снова мордвороты Амброза. – Вздохнул Буса.

Танек чуть приподнял его настроение, протянув Бусе монету. – Ты хотел сказать, мордвороты Повелителя Бенакова.

Буса рассмеялся, но его глаза не смогли скрыть его страха. – Они становятся наглее. Сегодня они удвоили сумму налога и сказали, что отрежут моей дочери пальцы на ногах, если не выплачу все вовремя. И угрожают не только мне. – Они взглянули через несколько палаток, где все та же пара вымогателей вела ту же беседу с кондитером. – Не думаю, что у таких, как ты, дела идут лучше с этими Боросовскими патрульными.

Танек взял шпажку с шашлыком. – Ага. Хотел бы я что-то с этим поделаться. – Пара вяжино с голодными глазами направились в их сторону. – Что ж, еще увидимся.

Он сел на обочине тротуара и принялся за свой завтрак, наслаждаясь каждым укусом и прикрыв от удовольствия глаза. Как только он, покончив с шашлыком, приступил к яблоку, поставленный военный голос прорезал шум рыночной толчеи. – Дорогу, дорогу!

Толпа расступилась. Первыми показались охранники в Оржовских накидках, за ними следовал тучный человек в черно-белых шелковых одеждах, за которым, в свою очередь шла красивая и едва одетая женщина, держащая раскрытый зонт над его головой. Лысеющий слуга, замыкающий шествие, подошел к толстяку и, указывая ладонью в сторону, сказал,

- Повелитель Бенаков, продавец выпечки, о котором Вы спрашивали, стоит вон там.

- Отведите меня к нему. – Кивком головы приказал толстяк.

Процессия в сверкающих черных и белых цветах прошествовала мимо Танека. У лавки пекаря, Бенаков остановился и долгие две минуты рассматривал выпечку на витрине, прежде чем выбрал один из пончиков. Он сделал два жадных укуса, и кремовая начинка брызнула на его пухлое лицо. Держательница зонтика вытерла крем платком, пока жирдяй продолжал жевать, едва не вымазав пончиком свой нелепый высокий воротник.

- Боже, как вкусно. – Он откусил еще кусок. – Тебе стоит порпробоварть, - обратился он к слуге, говоря с набитым ртом. – Он берспоборбен.

Мужчина поклонился, словно марионетка. – Я не голоден, благодарю Вас.

- Хорошо. Возвращаемся в офис. – Охранники развернулись, криками расчищая дорогу сквозь толчею. Бенаков также развернулся, и складки его мантии открыли Танеку небольшую выпуклость в форме набитого монетами кошелька, над его правым бедром.

Неподалеку от Танека, на земле валялся обломок доски. Он схватил его, сунул руку в дырявый карман и ладонью снял с ноги привязанное лезвие. Обернувшись, он оценил аллею за его спиной. Если он все помнил верно, там было два кривых поворота, упирающихся в итоге в тупик. Вскарabкаться по стене будет не просто, но вполне реально. Он снова повернулся лицом к улице, готовый к рывку.

Как только Бенаков поравнялся с ним, Танек швырнул ему под ноги доску. Толстяк споткнулся, упав лицом в грязь. Танек в мгновение ока подпрыгнул к нему и разрезал веревку, удерживающую кошелек под мантией на правом боку Оржовца. Бенаков заорал. Танек схватил кошелек и бросился в узкую аллею, боковым зрением заметив красно-белую фигуру, бросившуюся за ним. Обогнув первый угол, он уже слышал приближающийся топот сапог. Он бежал изо всех сил, на ходу сунув кошелек в левый карман. Добежав до второго поворота он едва не споткнулся о ведро с водой, стоявшее на пути.

Стена в тупике была двадцать футов в высоту, и на ее темных камнях было еще меньше зацепок для пальцев, чем он думал. Он выронил лезвие и начал карабкаться вверх. Топот за его спиной приближался. Неожиданно, он услышал, как наполненное водой ведро отскочило от стены над его головой, облив его и гладкую каменную кладку грязной жидкостью. Он попытался продолжать ползти вверх, но не нащупал рукой уступа, соскользнул, и рухнул на спину. Через мгновение, тяжелый сапог прижал его шею к земле, вслед за чем последовал укол острия меча.

- Деньги. – Прорычал мужской голос.

Танек округлил глаза. – У меня... их нет.

Острие меча вдавилось в шею Танека ровно настолько, чтобы пошла кровь. – Деньги.

- Ладно, ладно. – Он сунул руку в карман и извлек кошелек.

Давление на шею Танека ослабло, и лицо мужчины расслабилось. – Зачем ты это сделал?

- Этот жирдяй угрожал моим друзьям.

- Друзьям?

- Бусе, торговцу курятиной. И другим тоже. Те громилы, за которыми вы наблюдали сегодня, это люди Амброза Бенакова. Может, вы и присматриваете за ними сейчас, но вы не остановите их, когда они вернутся ночью. Они жестокие. Они будут пытаться тебя, и отрезать твоим детям пальцы на ногах. Они пойдут на все, чтобы забрать твои деньги.

Легионер Борос взвесил кошелек в руке. – И ты решил, что кража вот этого остановит его?

Танек немного подумал. – Я... я не знаю. Я не думал...

- Оно и видно. – Легионер сунул кошелек в карман и убрал ногу с шеи Танека, но оставил лезвие меча у его горла. – Что ты еще знаешь?

- Бенаков появился всего пару недель назад. Никто ему ничего не платил, пока не пропала жена пекаря, и после этого, теперь ему платят все. Сегодня он удвоил суммы сборов за свою протекцию.

Мужчина убрал меч в ножны и едва не улыбнулся. – Обычно мне не нравятся паразиты, но ты не так уж и плох. – Он протянул ему руку. Танек схватился за нее, и страж порядка помог ему встать. – Я Радомир из легиона Борос. Жаль, что ты не очень хорошо ползаешь по стенам, но, по крайней мере, я смогу вернуть владельцу похищенные деньги.

Танек моргнул. Легионер улыбнулся. – Ты умеешь писать? – Танек кивнул. – Если узнаешь еще что-нибудь, черкни мне пару строк и опусти в пустой горшок на крыше гоблинской кузницы. Я хорошо заплачу, и я бы не хотел, чтобы кто-то, у кого, похоже, есть голова на плечах, крал у своих «друзей».

Радомир развернулся на каблуках и направился к выходу из аллеи. Танек сделал один шаг за ним. – А за сегодня мне не заплатишь?

- О, и то верно. – Радомир достал из кармана кошелек, вынул из него две монеты, и швырнул их в сторону Танека; монеты зазвенели на камнях у его ног. – Думаю, большая часть денег их вполне удовлетворит.

Танек подобрал монеты. Каждая была достоинством в десять зино, Оржовской чеканки, с блестящими, ровными краями. Его глаза расширились. К тому времени, как он додумался поблагодарить легионера, Радомир уже ушел.

Двадцать зино. Не огромный улов, но достаточно для того, чтобы прожить в комфорте пару недель. Возможно, даже хватит на новую рубаху. Танек положил монеты в карман, подобрал лезвие, взобрался на другую стену, и крыша за крышей перебрался подальше от рынка туда, где спуститься на землю было безопасней. Отсюда он направился обратно к двум кустам, пролез сквозь дыру в стене, и влез на свою крышу.

Эрика и Миген уже вернулись. – Привет, Танек, - весело сказал Миген.

- Ты весь мокрый. Тот парень поймал тебя? – спросила Эрика.

Танек задумался на мгновение. – Нет, но я выронил деньги.

- Ээх. А у нас сегодня все отлично! – сказал Миган.

- Ты представить себе не можешь, сколько всего можно стащить у людей, пока они отвлечены маленькой хныкающей девочкой, - сказала Эрика с блеском в глазах.

У кого они сегодня украли? Хоть бы не у Бусы. Танек крал у Бусы прежде, но это было давно. Сможет ли он пойти на это опять? Он не был уверен.

- Мне нужно идти. Увидимся. – Танек повернулся уходить.

- Ладно, - сказали они в один голос. Он сполз с крыши. С ними он увидится не скоро. Уж точно не сегодня. Ему нужна была другая крыша. Крыша, на которой будет достаточно свободного места, чтобы все обдумать. И желательно, поближе к гоблинской кузнице.

Декрет о прозрачности

Brady Dommermuth

Назначение документа: Разведывательные данные

Категория документа: Стенограмма

Главный получатель документа: Ясен, командующий Академией Горизонта

Составитель документа: Сержант-секретарь Воджеков Богумил Бем

Краткое описание документа: Женщина расы мэрфолк по имени Зегана, называющая себя Верховным Оратором, заявила о своем намерении выступить перед Форумом Азора месяц назад. В назначенное время она явилась в сопровождении свиты, заняла место на центральной трибуне и произнесла речь перед аудиторией в двенадцать тысяч слушателей. Выступление завершилось прочтением указа о новом Синдикате Симик. Через несколько часов официальные геральды и уличные глашатаи дали указу название «Декрет о прозрачности».

Расшифровка стенограммы Декрета о прозрачности, Верховного Оратора Зеганы:

Граждане Равники, благодарю вас за то, что вы собрались здесь, на этой древней площади под дождливым небом^I. Мы прилагаем все усилия, дабы с должным почтением соблюсти традиции жителей суши, и потому я обращаюсь к вам с этой трибуны, как и предписано законом.

Многие тысячелетия прошли с тех пор, как сухопутные жители в последний раз видели океаны Равники. Но они существуют, скрытые под наслоениями разросшегося города. Маги-инженеры Иззет проникли к нам много веков назад, чтобы провести по Равнике систему водоснабжения. Иные обитали с нами по соседству, скрывая во тьме свои тайны^{II}. Но все это время мы не покидали нашей глубинной обители.

Наша раса руководствуется двумя принципами. Первый мы зовем Якорем. Так же, как водоросль связана с морским дном – корни не дают ей поддаться течениям, – так и мы неотделимы от самого моря. Якорь удерживает нас в родной глубоководной стихии, оберегая нас от амбиций, гордыни и несгибаемых догм. Этот принцип позволяет нам довольствоваться нашей жизнью – пребывать укрытыми толщей воды на протяжении долгих эпох.

Но Якорь уравнивается вторым принципом. Наши океаны живут, они дышат в своих великих циклах, и истощенные водные массы на поверхности должны вовремя подпитываться глубинными водами: это называется Восхождение Волн, и без него наши моря были бы лишь безжизненной гробницей.

Несколько лет назад мой народ^{III} обнаружил новую растительность, приникающую из почвы в наши моря – подобную растительность мы не видели уже много тысячелетий. Корни! Молодая корневая поросль^{IV} великих деревьев суши. Она пробивала камень и металл, добираясь до воды. Возвращаясь к истокам!

Тогда мы еще не знали, что это было делом ваших рук, сухопутные жители Равники. Мы искали знаний о вашем мире на протяжении столетий, и потому мы были осведомлены о Гильдиях и их целях. Мы не ожидали, что некоторые из вас объединили усилия для воссоздания дикой природы Равники. Совсем недавно мы узнали о ваших великих стараниях. И теперь мы заявляем всему миру о нашем восхищении и о желании поддержать ваши начинания.

В то время, как суша проникала в воду, мы ощутили тягу к поверхности, привлеченные благостью новой жизни. Мудрецы глубин изыскивали места для нашего собственного величайшего Восхождения Волн, – необитаемых территорий, где можно было бы проложить надежные туннели для связи нашего и вашего миров. Один из них уже известен вам как Зонот Один.

При помощи самой могущественной биомантии мы открыли этот первый зонот и укрепили его насаждениями морских растений. Поначалу мы не были уверены в его прочности, несмотря на тщательно проработанные планы. Но он выдержал все нагрузки, и стал нашим порталом для выхода на поверхность. Туннель, напоминающий вывернутую и погруженную в воду башню отлично подошел нашей природе. Мы понимали, что вызовем неприкрытое любопытство у сухопутных жителей, и что мы рискуем стать объектами агрессии за сам факт выхода на поверхность [V](#). Однако, мы посчитали, что Равникийцы будут благодарны нам уже за то, что они вновь смогут увидеть свои океаны, хоть и в небольших объемах. И мы оказались правы.

С тех пор мы создали еще несколько зонотов [VI](#), и продолжаем открывать новые. Каждый зонот станет отдельным сообществом, и у каждого будет свой собственный оратор для коммуникации с поверхностью. Среди всех ораторов, в свою очередь, будет и главный, Верховный Оратор, и в данный момент эту роль выполняю я.

Как Верховный Оратор я за прошедшие месяцы общалась с лидерами многих Гильдий. От них я узнала, что рост корней, проникших в наши глубины, был не случайным, но возвращенным согласно Программе Возрождения Дикой природы [VII](#). Пусть же эти благородные порывы не останутся в тайне. Вот те, кто своей магией создал основу переменам: это шаманы Голгари и Груулов и друиды Селезнии. Они действовали в согласии много лет, чтобы культивировать леса в нашем мире. Совместные усилия Гильдий, не санкционированные, тем не менее, гилдмастерами официально, имеют все шансы изменить форму жизни в Равнике, воистину возродить Природу нашего мира. Вот оно, великое Восхождение Волн!

Знайте же, что они среди вас, сухопутные жители, – те, кто запустил цикл обновления. Это вы вызвали нас из глубин и сами воссоединились с безбрежным океаном. Но надо принимать во внимание и еще один элемент, если мы надеемся на успех: остатки прежнего Синдиката Симик.

Вести о том, до чего довели Момира Вига спесь и высокомерие, глубоко опечалили нас. Его непростительная деятельность опустошила мир. Цитопласты, Эксперимент Краж... Последователи Вига слишком отклонились от своих первоначальных задач. Они оставили роль хранителей природы и взамен воспринимали ее, как игрушку.

Они утратили Якорь.

Мы разыскали то, что осталось от Синдиката, и донесли до новых соратников наши принципы и цели. Теперь те, кто верит в несомненную миссию Симик [VIII](#), присоединяются к нам, осознавая, что с нашей помощью дикая природа будет процветать, и нас больше не унесет приливом гордыни, прогресса и самоуверенности, как это случилось с Вигом.

Наш дом – там, в глубинах, и мы навсегда останемся привязаны к нему. Но мы стремимся к долговременной связи между высочайшими вершинами и глубочайшими впадинами Равники, и посему мы ищем вашей поддержки.

Мы – Гильдия Симик [IX](#).

Резюме составителя: Официальный представитель, говорящий от имени большинства мэрфолков, но, возможно, являющийся подставным лицом, в своем выступлении затронул темы возрождения своего народа, открытия новых «зонотов», а также намерения реорганизовать и взять под контроль обновленный Синдикат Симик.

Рекомендованные меры: Уточнить у ключевых фигур, где именно появятся очередные «зоноты». Выставить патрули рядом с уже существующими. Отслеживать деятельность и структуру нового Синдиката Симиков.

Текущее состояние: Ожидаю дальнейших инструкций от командующего Ясена касательно потенциальных превентивных мер в отношении дальнейшего восстановления Гильдии Симик.

* * * * *

^I Дождь начался внезапно незадолго до того, как прибыли Зегана и ее свита. Похоже, он был вызван при помощи магии. [\[назад\]](#)

^{II} Намек на деятельность Димир в более глубоких районах Нижнего города, чем мы подозревали ранее. Возможно, следует провести дополнительные расследования. [\[назад\]](#)

^{III} Гильдия Борос в данный момент исследует общую популяцию мэрфолков. Ранние сведения указывают на ее рост, но общее их число в целом пока невелико. [\[назад\]](#)

^{IV} Прошу обратить внимание на необходимость проверки главных крепостей Борос на предмет проникновения корней в их основания. [\[назад\]](#)

^V Лига Воджеков не располагает сведениями о насилии в отношении мэрфолков на суше, кроме случаев разгона толпы зевак. [\[назад\]](#)

^{VI} Из полевых донесений нам известно о трех «зонотах» на данный момент. [\[назад\]](#)

^{VII} Перехваченные нами меморандумы Гильдии Азориус подтверждают существование такой программы. [\[назад\]](#)

^{VIII} По данным нашей разведки, раса мэрфолков не всегда действует слаженно. Лига Воджеков докладывает, что отдельные представители мэрфолков ведут индивидуальную деятельность в различных округах города. [\[назад\]](#)

^{IX} Зегана не давала комментариев после выступления. Однако ее секретари и ассистенты, с которыми удалось позже поговорить, согласны с мнением, что Зегана намерена провозгласить себя новым гилдмастером Синдиката Симик. [\[назад\]](#)

Прощание с Пактом Гильдий

Adam Lee

Горев Хадзак откинулся в своем кресле и провел рукой по седой щетине, наблюдая за тем, как публика заполняла ряды, рассаживаясь по своим местам перед сценой. Горев был стар во всех отношениях – лицом, одеждой, манерами. Он был воджеком, и, хотя уже много лет находился на пенсии, он все равно считал себя воджеком. Точный возраст Горева никому не был известен – магия гильдии Борос могла поддерживать жизнь воджеков гораздо дольше срока, отпущенного природой обычным людям. Несмотря на свой возраст, седину, и обветренные черты, он все еще выглядел так, словно был способен скрутить и вытолкать из бара пьяного огра, или голыми руками одолеть штыревика Рекдосов. Его запястья были такими же крупными, как икры большинства людей, а руки были сплошь покрыты шрамами. Его лицо выглядело так, словно если его ударить деревянной доской, то на нем не осталось бы и царапины... во всяком случае, новой царапины. К тому же, лицо Горева выдерживало удары куда более жестких предметов, чем доска.

Рядом с Горевом сидел его племянник, Пел Джавья, зеленый новобранец воджеков только что из академии, гладко выбрит и весь во внимании. Его форма являла собой безупречно выглаженный шедевр, а все, что могло блеснуть на солнце, было идеально отполировано – ботинки, пуговицы, нагрудный знак. Пел очень старался попасть в ряды воджеков и мечтал стать образцовым следователем. Он совсем недавно был назначен напарником и уже приступил к патрулированию Десятого Района. Пел с юношеским энтузиазмом перечислил своему дяде Гореву каждое происшествие, от опрокинутой тележки с яблоками до пьяной потасовки, надеясь на одобрительный кивок, какой-нибудь мудрый совет, или историю давно минувших дней.

Сегодня была очередная годовщина со дня прекращения действия Пакта Гильдий, магического договора между десятью гильдиями Равники, пребывавшего в силе более десяти тысяч лет. Спектакль представлял сжатую версию событий, приведших к расколу Пакта Гильдий. Горев хорошо помнил то время. Пьеса начиналась с выхода на сцену главного героя, Агруса Коса, под радостные выкрики и бурные аплодисменты зрителей. Затем декорации менялись, с помощью волшебства и неплохого сценического оборудования, показывая крыши домов и сцены убийств, которые Агрусу предстояло расследовать. Внимание публики всецело поглощалась тем, как Агрус Кос начинал раскрывать тайну, ведущую к столь волнительным событиям.

Спустя некоторое время, Пел наклонился к дяде. – Как тогда работали гильдии? Каково это было, под действием Пакта Гильдий?

- Равника была совсем другой. Гильдии правили миром. Их слово было законом, и об этом знал каждый. Если ты жил в районе, находящимся под защитой одной из гильдий, ты следовал ее правилам. Если ты был безгильдийным, как мы, ты жил на задворках района, изо всех сил борясь за выживание. Но большинство Равникийцев рады были вступить в одну из гильдий. Большинство жаждало порядка, защиты, и чувства причастности к чему-то большему. Поэтому я пошел в воджеки. Тогда мне нравились ценности и идеалы Борос.

Горев откинулся на спинку кресла. Его глаза наблюдали за представлением, но в душе он погрузился в воспоминания прежней гильдии Борос, во времена Разии и ангелов ДомаСолнца. Легионы воджеков, быстрых клинков, и небесных рыцарей стояли на широком плацу, сверкая сталью, отражающей лучи солнца, являя свою бесконечную преданность их ангельскому лидеру – их паруну. Горев был одним из них, он взирал на свою крылатую предводительницу, купаясь в яростном, взгляде ее пламенных глаз.

- Какие ценности были тогда у Борос? – Вопрос вырвал Горева из глубин его воспоминаний.

Выдержав паузу, Горев ответил, - Их ценностью был Пакт Гильдий. Их ценностью были десять тысяч лет порядка в Равнике.

Какое-то время они смотрели спектакль, но слова Горева не выходили у Пела из головы. Молодой воджек слышал истории, которые обычно рассказывали по ночам у домашнего очага. Друзья его отца обычно оставались допоздна и много говорили о прежних временах, и на редких семейных собраниях Пел часто слышал, как пара стариков повторяли легенды о гибели Разии, разрушении Прахва, или расколе Пакта Гильдий. Но Пел никогда не слышал, чтобы его дядя, который сам был воджеком и входил в гильдию Борос, хоть раз говорил об этих вещах.

На сцене Агрус Кос встретился с Сздеком, бывшим гилдмастером Димир. Публика в зале начала шипеть на вампира. Актер зашипел им в ответ. Это вызвало редкие смешки и еще больше шипения в толпе.

Горев наклонился ближе к Пелу. – Поэтому Борос сейчас еще более важная гильдия, чем раньше. Сейчас нет Пакта Гильдий, стоящего на страже законов, и способного остановить таких чудовищ, как он, от обретения власти и могущества. Мне плевать, какое лицо у Димир сегодня, они всегда будут причинять одни неприятности. Ты должен быть очень осторожным, ты должен думать иначе и изучать магию, не только по книгам и руководствам. Самые глубинные слои Димир лежат за пределами книжных знаний.

Пел кивнул. Описания Димир в руководствах Борос было весьма подробным, но в академии все время создавалось ощущение, что вся эта информация была устаревшей. Казалось, они всегда были на три шага позади, а то и вовсе утратившими истинный след и заблудившимися в потемках.

Спектакль достиг кульминации, но Горев все свое внимание перевел на племянника. Он смотрел на Пела с чувством долга, с ощущением крайней важности. – Подумай об этом, Пел. Сздек и Азориусовский психопат уничтожили закон. Они разрушили все, что удерживало Равнику в равновесии на протяжении десяти тысяч лет. Ты вырос уже после этого, и потому не знаешь другого пути, но для нас, живших в то время, это было подобно концу света... крокт, да это и был конец света. Я поражен, что гильдиям вообще удалось сохраниться.

Горев положил руку Пелу на плечо. – Теперь это твой долг. Твоя стойкость, твоя пылкость должна перевесить их желание уничтожить и контролировать. Поэтому, этот спектакль – трагедия, а не триумф Коса и Борос над Сздеком и Августинном – это трагедия. О разрушении величайшего творения, когда-либо записанного на бумаге. Могущественнейшего заклинания из когда-либо созданных.

Слова Горева затихли, но его взгляд донес заключительную мысль. Пел теперь знал, что истинная битва за Равнику протиралась в подземельях Нижнего Города, где скрывались Димиры, дергая незримые нити своих марионеток, организовывая новые нападения. Он теперь понимал, что ему следует перевестись из патрулирования внешних улиц, для того, чтобы ударить в самый корень главной проблемы Равники.

«Прощание с Пактом Гильдий», возможно, было обычным спектаклем, но для одного воджека в зале в нем содержалось послание, положившее начало делу всей его жизни.

Навязчивость воспоминаний

Adam Lee

Сарузин сидел в тускло освещенной каморке глубоко под брусчаткой улиц Равники. Он узнавал атмосферу подземелья – запахи и звуки были здесь совершенно другими, не как на поверхности. Но вот где конкретно он находился, Сарузин не понимал, и это было странно. Он неплохо знал туннели под Седьмым округом. Еще бы – он же там вырос.

Но сейчас он осматривался вокруг и не находил ничего знакомого. Это были не те самые подземелья, а некое другое место, и при этом Сарузин не помнил, как он здесь оказался. Только он вознамерился подняться со стула, как из темноты, которую не могло разогнать пламя свечи, прошелестел вкрадчивый голос:

– Не вставай. - Что-то заставило Сарузину остаться на месте. Что-то успокаивающее и вместе с тем смертоносное.

– Тебя избрали для весьма важного предприятия, – с этими словами из тьмы шагнул незнакомец с бледным лицом. Опасность просто сочилась из его белой, как голая кость, кожи. Она светилась, резко контрастируя с черными глазами незнакомца, его черными волосами и черным кожаным одеянием. Сарузин был далеко не из последних среди агентов Димир, но тут и ему не хватило самоконтроля. Он вздрогнул и отшатнулся. Вампир.

– Я здесь, чтобы вручить тебе инструменты для осуществления твоего задания. Так что считай меня своим... учителем, – вампир протянул к Сарузину руки и поклонился, не отводя от него холодного, мертвого взгляда.

– Где я? – Сарузин слышал свои слова, словно звучащими из чужих уст.

– Об этом месте не знает никто. Даже я не знал о нем, пока ты сам не рассказал мне, – вампир протянул руку в темноту, извлек из нее кожаный футляр и положил его на стол, под свечу.

Сарузин почувствовал резкую головную боль, его ноги и руки онемели. – О чем ты говоришь? Я никогда в жизни здесь не был!

Из футляра вампир осторожно достал колбу со светящейся жидкостью. Сарузин присмотрелся и увидел, что светится не сама жидкость, а то, что в ней плавает – нечто вроде обрывка бумаги, испещренного причудливыми узорами. Вампир откупорил склянку, при помощи тонких серебристых щипчиков бережно извлек бумажную полоску и поднес ее ближе к глазам Сарузина.

– Эта запись содержит все твои воспоминания об этом месте. О том, как я выделил их из твоего сознания, как мы прибыли сюда, как мы встретились. Я здесь для того, чтобы научить тебя рассечению памяти.

* * * * *

Вампир представился, как Мирко Воск. Сарузин понимал, что он не сможет унести с собой никаких сведений о вампире. Он знал – любая информация о Мирко представляет собой исключительную ценность, и даже подумал мельком, не записать ли ему позже тайком все услышанное. Но Сарузин быстро выкинул эту идею из головы. Слишком рискованно. За ширмой светских манер Мирко скрывалась его сущность, напоминавшая голодную змею, сжимавшей свои кольца вокруг беспомощной мыши, и Сарузин против воли дрожащими пальцами нервно теребил кожаные кисточки своей туники.

– Воспоминания не так хрупки, как можно подумать, – начал Мирко. – Они, по сути, являются недугом, заболеванием. Приятное воспоминание, к примеру об осуществленном желании или реализованной амбиции, может превратиться в одержимость. Мрачные мысли о прошлом, те, что врезались в мозг страхом и болью, загоняют человека в могилу. – Вампир поднял повыше клочок бумаги, зажатый щипчиками.

– Безвредных воспоминаний не бывает. Все они, по сути своей – болезни. Прямо сейчас твой рассудок пытается восстановить те связи, которые я пресек. Если бы я выполнил мою работу не столь тщательно, ты бы начал воссоздавать воспоминания, формировать их заново из остаточных сведений и случайных мыслей. Вскоре у тебя бы сложилось условное представление о нашей встрече, визите в это место, и вся моя работа пошла бы прахом. В нашей работе, разум твоей жертвы и есть твой злейший враг, а любопытство – его любимое оружие.

Чем глубже Сарузин погружался в кроличью нору разветвленной сети гильдии Димир, тем больше он узнавал о различных сортировщиках и хирургах психики – магах, специализировавшихся на выборочном уничтожении памяти и на посредничестве в торговле информацией. Другие Гильдии Равники не поспеют на вознаграждение за преимущество над соперниками. В особенности Лига Иззет, столь отчаянно алчущая все новых и новых знаний...

– Как мне научиться этому?

Мирко снова открыл футляр и вынул еще один небольшой светящийся сосуд. – Вот воспоминания, которые тебе потребуются. – Он вытащил запечатанную пробку и потянул из пузырька длинную мерцающую прядь. – Эти воспоминания были изъяты несколько... поспешно, поэтому они местами сбивчивы.

– Погоди, – перебил его Сарузин. – Ты хочешь сказать, что...

– Так и есть. Это мысли твоего предшественника. Могущественного хирурга мыслей, который повел себя слишком беспечно. Что, кстати, напоминает мне... – Мирко с нечеловеческой скоростью выбросил вперед руку и ухватил Сарузину, больно, как в тиски, а лицо его стало похожим на маску смерти. – Не становись беспечным.

Мирко оттолкнул трясущееся тело Сарузину обратно, на стул, и человеческий облик, словно вуаль, вновь сгладил жуткие черты лица вампира. – Ты готов?

– Как ты собираешься...

Сарузин не закончил фразу. Мирко вогнал воспоминания в его разум резко, как будто вонзил в череп ледяной шип. Образы и мысли хлынули в сознание потоком плавучего мусора, ворвавшегося в шлюз. Сарузин ощущал, как его голова взрывается, а тело бьется в судороге на стуле, но его мертвой хваткой удерживает холодная рука Мирко.

Он видел, он заучивал соглашения, образы жертв, различные техники воздействия, и все это лишь в течение нескольких мгновений. Сарузин переживал эти вспышки как свои собственные воспоминания, но по некоторым переживаниям становилось ясно: это чужой разум. Сознание, одержимое властью и контролем. Амбициозные мысли, простиравшиеся куда дальше того предела, за который Сарузин когда-либо отваживался заглянуть. Он пытался отделить свой рассудок от пришлого, но вскоре перестал улавливать разницу между воспоминаниями другого человека и собственными. Под грузом информации, видений, «другой» реальности Сарузин едва боролся с алчным чужим сознанием, которое царапало и вгрызалось в решетки своей новой тюрьмы.

* * * * *

Жертва обмякла, сползая со стула, когда маг Димир извлек последние нити воспоминаний из ее головы. Они покидали свое прежнее вместилище так же, как корни ценного растения покидают землю, когда его вытягивает из земли опытный садовник.

Маг запечатал заклинание и подошел к зеркалу. Оттуда на него на мгновение глянул кто-то другой. Кто-то чужой и незнакомый. Мысли никак не соотносились с обликом, который он видел.

Он вцепился в раковину умывальника под зеркалом. Тот, «другой», снова прокрался внутрь.

Маг рассеянно теребил пальцами кожаную кисточку, украшавшую его тунуку, пытаясь частью себя самого ухватиться за что-то знакомое, но чужие воспоминания продолжали просачиваться. Он чувствовал, как его защита ослабевала под напором новой личности, формировавшейся в его сознании. Более могущественной личности.

Новое тело будет ей впору.

Ради большего блага

Adam Lee

Когда массивные двери в штабной зал распахнулись, волна энергии окатила Гидеона, подобно нестерпимому жару от плавильной печи. Пульсирующие потоки магической силы ударными волнами пронизывали его тело. На долю секунды эта мощь заставила его отпрянуть назад. В свое время он виделся со многими ангелами, но аура ее величия превосходила всех, с кем он сталкивался до сих пор.

Ухмылка скользнула по лицу сопровождавшего Гидеона гильдейского мага Борос, когда они переступили порок зала. Эскорт отдал честь в Боросовском приветствии и объявил, - Предводитель. Гидеон Юра прибыл для аудиенции с Вами. – С этими словами он поклонился и вышел.

Аврелия подняла взгляд от широкого металлического стола, испещренного символами, миниатюрными башнями и строениями, которые покрывавшими всю его поверхность. Гидеон был не в силах отвести глаз от гилдмастера Борос. Ее волосы, глаза, доспехи – буквально все – казалось, мерцало, подобно жаркому воздуху, восходящему над выжженным солнцем горизонтом. Гидеон не мог понять, был ли этот эффект вызван крошечными завихрениями энергии по всему ее телу, или же она была окружена щитом клубящейся маны.

Он понял, что пауза затянулась, а его взгляд был чересчур пристальным.

- Гилдмастер, - сказал он, положив руку на грудь и слегка склонив голову.

- Гидеон Юра. – Ее голос был могущественным и завершенно ясным. – Твой акцент, облачение, и само имя говорят о том, что ты не из этого района. И все же... До меня дошли слухи о том, что ты спас целый отряд моих солдат от нападения Рекдосов, в котором все они до единого могли погибнуть.

- Они все были отлично подготовлены к битве. Я лишь указал им, куда нужно было ударить, и когда.

- Какая скромность. – улыбнулась Аврелия. – И все же, я не ошибусь, если скажу, что ты также принимал участие в сражении. – Аврелия вышла из-за стола и встала перед Гидеоном. – Для меня остается загадкой, Юра, почему я не слышала о твоих боевых навыках до сегодняшнего дня. У меня такое чувство, что такие люди, как ты, не склонны скрываться и избегать доблестных сражений.

- Я не местный, гилдмастер. Большая часть моих странствий прошла... в других краях.

Аврелия восприняла ответ Гидеона со смесью любопытства и ангельского равнодушия, но Гидеон чувствовал, как мысли с бешеной скоростью пронеслись в ее разуме.

- Логично. – Она расправила крылья и указала на миниатюрные строения на столе. – Ты знаешь это место?

- Нет, - ответил Гидеон.

- Это Девятый район. – Аврелия положила руку на крышу одного из ближайших зданий. – Он начинается за Сотней ступеней. Это зона влияния Азориус. Конечно, Азориус не спешат его занимать. Это слишком... рискованно... для них. Рекдосы и Груулы рвут его на куски, словно труп

верблюда, пока Димир... ну... они делают то, в чем они мастера: прячутся в тени и дергают за нитки своих марионеток.

Гидеон взглянул на четкие, чистые, пустые модели строений, и представил себе состояние людей, пытавшихся мирно существовать посреди зоны военных действий. – То есть, это спорные земли. Гражданские, должно быть, платят дорого за то, что просто живут там.

- Именно, - мрачно сказала Аврелия и взглянула на Гидеона. – Мирные жители всегда платят самую высокую цену. Я бы с удовольствием зашла бы туда с парой Углевых Элементалей и спалила каждого Рекдоса, Груула, и Димира, но безгильдийные Равникийцы жили там в относительном мире сотни лет. Тогда, это еще были земли Азориус. Но когда древний Пакт Гильдий раскололся... - Аврелия умолкла. – Я не буду нагружать тебя уроком истории, Юра, но в итоге Азориус пришлось покинуть Девятый район с тем, чтобы отстроить Новый Прахв. Естественно, Рекдосы и Груулы пробились туда и начали драться между собой, как тупоголовые увальни. Большая часть Девятого района была утрачена.

- А где все это время были Борос?

- Я тогда не была гилдмастером. – В ответе Аврелии звучала ледяная сталь. Похоже, Гидеон задел большое место. – Нами правило олицетворение позора Легиона. Я вынуждена была наблюдать, как целые кварталы Девятого района рушились перед нашими глазами. Их утрата, наряду с другими непростительными ошибками и вынудили... сменить... руководство гильдии. Прошу прощения, Юра. Я все еще остро ощущаю горечь тех времен. Позволь мне кое-что тебе показать.

Аврелия взмахом руки пригласила Гидеона пройти с ней по отполированному мраморному полу просторного штабного зала на высокий балкон, выходящий на внутреннюю площадь ДомаСолнца. Воздух здесь был чистым и свежим. Глаза Гидеона не сразу привыкли к яркому солнечному свету. Далеко внизу, легионы рыцарей Борос тренировались и маршировали в лучах солнца, а флаги и военные баннеры развевались на ветру. Это было великолепное зрелище.

После осмотра грандиозности ДомаСолнца и его армий, Аврелия заговорила вновь. – Я не могу в полной мере насладиться этим видом, Юра. При всем этом великолепии, я могу думать лишь о тех несчастных жителях Девятого района, брошенных на растерзание убожеству, нищете, и глупости. – Она взглянула на Гидеона. – Юра, Девятый район – это пятно на теле Равники, пятно на теле Борос, и пятно на моей душе. Я жажду очистить его.

- И Вы хотите, что бы я вам помог?

- Нет, Юра, я хочу, чтобы ты возглавил мои войска. – Аврелия повернулась и положила руку на его плечо. Ее рука оказалась намного тяжелее, чем ожидал Гидеон. – Я способна распознать лидера, когда вижу его перед собой. В тебе есть это величие.

Она указала на сотню солдат, сверкающих в лучах солнца на парадном плацу. – Я готова отдать в твое командование батальон, если ты станешь сражаться с нами. Или еще лучше, если ты присоединишься к нам. – Взгляд Аврелии замкнулся на глазах Гидеона, и он почувствовал в нем всю ее мощь.

- Батальон будет моим, даже если я решу не вступать в гильдию Борос? – спросил Гидеон.

Выражение лица Аврелии оставалось непреклонным, но она ответила не сразу. – Да, Юра. Но командование я оставлю за собой. Это ясно?

- Конечно. – Гидеон ощутил, как чувство долга и преданности ангельскому гилдмастеру вскипели в глубине его души. С такими солдатами, он мог свернуть горы.

Но Гидеон видел в своих странствиях нечто и похуже Девятого района. Нечто хуже, чем даже то, на что был способен сам демон-бог Рекдос.

Он видел, как немыслимые чудовища пожирали целый мир.

Но в то время, как Зендикар был охвачен вселенскими ужасами, улицы Равники были переполнены невинными жителями, попавшими под перекрестный огонь боевых действий гильдий – так называемые «безвратные». Он был нужен здесь. С помощью Аврелии он сможет спасти бессчётное количество жизней.

Гидеон осознавал опасность безоговорочного следования чужим приказам. Он не был готов вступить в ряды Борос. Но он был готов взять в руки их оружие ради большего блага.

Гидеон поднял взгляд с карты Девятого района и улыбнулся хищной волчьей ухмылкой.

- Когда приступаем?

Гильдия сделок

Adam Lee

Боско отпер небольшую, но прочную глухую деревянную калитку. Это был боковой вход, дававший возможность пройти сквозь внешнюю стену на территорию поместья. Он миновал пару стражей, выдав каждому по монете, и проследовал к флигелю, где квартировали уборщики и садовники. Оттолкнув старую дверь, Боско вошел в холод сырых каменных стен и инстинктивно потер замерзшие руки. Он был невысоким, тонкогубым, с темными волосами, которые казались еще чернее из-за бледной кожи. Боско было чуть за двадцать, и он уже много лет работал на Оржов – отскребал ступени, начищал латунь, драил полы. Но у Боско были свои планы, и долго задерживаться в должности уборщика он не собирался. Молодой человек налаживал нужные связи и не сомневался, что скоро он выбьется в люди.

Боско начал собирать свои швабры и ведра, когда, волоча ноги, в помещение забрел тралл Йожицы. Йожица была наемным инфорсером хозяина поместья. Ее Боско боялся, а ее тралла ненавидел.

– Три монеты... – глумливо произнес тралл из-за своей золотой маски. – Поломойкин налог! – договорил он высокомерно, пуская слюни от наслаждения, как и в первый день, когда он явился к Боско. Требовательное нытье тралла и его удовлетворенная ухмылка со временем сделали его смертельным врагом уборщика.

На долю секунды Боско представил себе, как он одним пинком отшвыривает тралла прочь через все помещение, а потом пробивает его раззолоченную маску древком швабры, но он тут же передумал. Это был личный тралл Йожицы, и Боско знал, как она его ценила.

Стоит раз оступиться – и он задолжает ей за очень долгий срок, или еще чего похуже.

Тралл извивался всем телом и шипел с присвистом на Боско, опуская три монеты в копилку. Примитивные чувства существа словно уловили желание уборщика раздробить ему все кости. Когда деньги звякнули в ящике, тралл крепче ухватил его своими мерзкими, серыми руками и поспешил прочь, хихикая, как будто он совершил идеальное ограбление. Боско подавил в себе новый порыв догнать тварь и засунуть его в копилку по частям. Вместо этого он схватил швабру с ведром и отправился надраивать обширные каменные полы главного зала особняка. Шлепающие звуки шагов тралла все еще доносились в отдалении.

Дождись своего часа, Боско, думал уборщик. Скоро наступит твое время.

* * * * *

– Пять веков, – проговорил Боско, уткнувшись в кружку бумбата.

– Сколько-сколько? – у Дрово бумбат чуть не брызнул через нос.

– Столько я должен Гильдии. В общей сложности за пятьсот лет.

– Ты с ума сошел. Как так вышло?

– Ну, я тогда еще только вошел в ряды Оржов, это зовется «новоявленный». За их защиту и стабильность, за все прочие преимущества и возможности, я должен был внести существенный

залог. Я не был рожден в Гильдии, поэтому у меня не было предков, которые бы могли отработать мой долг. Пришлось принять пару штрафов.

– Крокт. Зачем ты вообще к ним полез?

– Ну ты же знаешь, что такое быть безгильдейным: тебе каждый может дать пинка и всем на тебя наплевать. А Оржовцы разгуливают по улицам в роскоши, как истинные правители. Да сам погляди! - Боско отодвинулся от стола вместе со стулом, чтобы его друг мог оценить новенькую форму уборщика, черно-белую, расшитую золотом, с серебряными пуговицами и запонками, всю изукрашенную символикой Гильдии Оржов. – Я всего лишь полотер, но у меня есть такие наряды! Народ кланяется мне, и я всегда могу получить ссуду от Оржовских монетчиков за годок службы вперед! - Уборщик плюхнул на стол увесистый кошель с монетами.

От вида безупречного одеяния и мешочка с деньгами в душе Дрово вскипела зависть.

Но... Пять столетий?..

– А что с тобой будет, если ты... в смысле... умрешь? – осведомился Дрово с легкой опаской.

– Мне без разницы, – отреагировал Боско несколько резковато. – Я хочу получить свое, пока я жив, Дрово. Кому какое дело, что будет после смерти? Оржовцы приветствуют целеустремленность и тех, у кого хватает воли подняться! – Боско сжал кулак, жестом подтверждая выразительность своих слов. – Я буду пользоваться любой возможностью, какая мне представится. Я им покажу, что без меня им не обойтись. Возможно, я даже смогу выплатить часть своих посмертных долгов. И после смерти я тоже буду жить в роскоши, если сейчас разыграю свои карты правильно.

– Ого! Ты и вправду стал Оржовцем. Я помню, в последний раз, когда мы виделись, ты уже говорил обо всем этом, но я не думал, что ты вправду отважишься на это. Я думал, ты пойдешь к Безвратным, или что-нибудь в этом роде...

– Безвратные, тоже мне... Я собираюсь стать частью чего-нибудь могущественного. Оржов владеют Равникой. Их ни одна Гильдия не потеснит. – Боско придвинулся к Дрово. – Я быстро пойду на повышение. Оржовцы умеют вознаградить амбиции, а я знаю того, у кого есть влияние, чтобы мои дела сложились удачно... да, и ты тоже можешь поучаствовать, если готов.

* * * * *

– Присаживайся, Боско, – произнесла Йожица. Боско терпеть не мог ощущение, что ему все еще было неуютно в обществе Оржовского инфорсера. Он почти осознал все те смертные муки, которые она причиняла, и то, с какой легкостью он это делала. Уборщик старался на нее не смотреть.

Высший Священник восседал за столом из черного дерева, на золотом троне, покрытом гравировкой в виде эмблемы Оржов, с пышными вышитыми подушками. Тралл подвинул Боско стул и шмыгнул за тяжелый бархатный занавес, но сразу вновь возник рядом со священником. С урчанием он поднес хозяину блюдо винограда.

Боско сел. Высший Священник выглядел безжизненным. Его век, проведенный во лжи, сомнительных сделках и взяточничестве, стер черты лица человека, превратив их в вялое месиво, выражавшее отныне лишь апатию и отвращение. Глаза Священника, казалось, смотрели в пустоту. Боско решил было, что старик витает где-то в своем мире, но, как только он перевел взгляд на Йожицу, взор Священника оживился, и тот уставился на уборщика немигающими, как у рептилии,

зрачками. Его острый разум все еще таился под складками обвисшей плоти, и он оценивал Боско так же, как мясник оценивает кусок говядины.

Боско сглотнул.

Йожица извлекла документ контракта и по столу подтолкнула его Боско. Высший Священник перехватил лист, глухо прилепнув его жирным пальцем со врезавшимся в него перстнем.

– Это магическим образом свяжет тебя с твоим словом и делом, – прокряхтел священник. Его речь прерывалась напряженными хрипами. – Ты подпишешь это, выполнишь задание, и твой долг будет значительно урезан в соответствии с оговоренными условиями. – С этими словами старик подтолкнул документ уборщику. Лист неприятно захрустел от трения по столу. Когда Боско потянулся за ним, священник вперился в молодого человека своими подтекающими, угольно-черными глазками. – Возможно, у нас впоследствии будет еще работа для тебя.

Боско торопливо расписался под контрактом и ощутил пощипывание Оржовской магии вместе с трепетом перед новыми возможностями.

* * * * *

– Вон тот, – вполголоса проговорил Боско, указывая на канделябр на стене. – Потяни за него.

– Ты уверен, что не поднимется тревога? – уточнил Дрово.

– Уверен. Я же сказал, что, после того, как мы проскочим стражу, все пойдет гладко.

– Надеюсь, ты прав, – Дрово вцепился в канделябр и с некоторыми усилиями потянул его на себя. Раздался скрежет, а затем механические щелчки, похожие на звук вылетающих обойных гвоздей.

– Вот так! – прошептал Боско с воодушевлением. Он бросил взгляд на зал, освещенный свечами, чтобы удостовериться, что их никто не заметил – особенно Йожицын тралл. – Полезли!

Сдвинув деревянную панель, Боско и Дрово обнаружили за ней узкую каменную лестницу, спиралью уходящую в темноту.

– Быстрее! – шипел уборщик, шагнув за Дрово и оглядевшись напоследок. Он задвинул панель и зажег короткий факел при помощи кремня и стали.

- Не останавливайся, - шипел Боско сквозь треск факела и брызги искр. – Оно там, внизу!

Чем ниже они спускались к подвалам, тем холоднее становился воздух. В конце лестницы их ждал коридор, настолько узкий, что едва можно было протиснуться в одиночку. Он простирался далеко за пределы света факела. Дрово нервно оглянулся.

– Не стой! Нам еще ниже! – Боско подтолкнул Дрово в спину.

Они спустились в холодный мрак коридора. Пахло землей и винной плесенью; свет факела оживлял тени Боско и Дрово, превращая их в пляшущие привидения. В конце концов коридор завершился круглым мавзолеем. На полу мозаикой из оникса и слоновой кости была выложена громадная эмблема Гильдии Оржов. Каждый луч указывал острием на тяжелую, окованную железом дверь. Боско с Дрово прошли в центр мавзолея и огляделись.

– Которая? – спросил Дрово.

Боско ткнул пальцем в сторону двери наискось от входа. – Вон та.

Они подошли ближе. – Заперто. У тебя есть ключи?

Уборщик усмехнулся и достал увесистый железный ключ. – Я же сказал, что я подготовился!

Дрово отступил в сторону, Боско передал ему факел и вставил ключ в скважину. Поворот, и внутренняя задвижка заворчала, выползая из гнезда.

Уборщик распахнул дверь и достал из рюкзака еще один факел. – Иди проверь, – приказал он Дрово. – А я должен убедиться, что за нами никто не увязался.

Дрово вошел в гробницу. Перед ним покоились два каменных саркофага. На их крышках было что-то вырезано, похоже, образы знатных Оржовцев. В этих гробах должно быть полно сокровищ для них обоих, подумал Дрово. Подлезть под крышку без лишнего шума будет непростой работенкой, но это возможно. Дрово скинул рюкзак.

– Нам надо как-то аккуратно сдвинуть эти крышки, Боско. Я принес пару ломов и веревку. Их можно привязать к тем кольцам в потолке. погоди, ты где...? – Дрово повернулся, увидел, как дверь закрывается, и услышал отдавшийся эхом скрип замка.

Он подбежал к двери. – Эй, Боско! Во имя Крокта, что за игры?

По другую сторону двери раздался приглушенный голос друга. – Прости, Дрово. Пять столетий – это много, ты был прав.

За спиной Дрово послышался свистящий шум. Он резко обернулся и увидел, как из-под крышки саркофага сочится черный дым, похожий на чернила, растворявшиеся в чистой воде. Он вихрился и раскручивался, постепенно заполняя все помещение запахом холодных болот Шестого округа. Он разом отравил весь воздух, как будто дым тянулся прямо оттуда.

Пряди дыма начали обретали очертания оборванных лоскутов материи, вокруг которой кружились маски, огибая фигуру, напоминая скелет в балахоне. Дрово давился от вони, но дотянулся до рюкзака и нашарил один из своих ломов. Когда он его выхватил, ткань рюкзака лопнула, и все инструменты разлетелись по каменному полу. Маски все быстрее вертелись по кругу, издавая звуки, подобные стонам, и в центре балахона проявились угрюмые черты черепа. С него стекала гнилая вода. Пустые глазницы остановили страшный взгляд на Дрово, который пытался взломать замок двери, надеясь вырваться, как зверь из клетки.

– Что это? – прошипел призрак, заглушая гул вертящихся масок. Руки Дрово кровоточили; лом выскользнул из пальцев и звякнул об пол.

– Кровь. – Кошмарный фантом вдохнул с ощутимым удовольствием, когда Дрово протянул к инструменту ободранную, мокрую ладонь. – Кровь.

* * * * *

– Он накормлен? – Спросил старик.

– Как Вы и приказывали, о Высший Священник, – ответил Боско.

Священник бросил на стол в направлении уборщика небольшой кожаный мешочек монет. – Ты доказал свою пользу. В будущем тебя ждет еще работа.

– Благодарю, о Высший Священник, – Боско забрал мешочек. Он весил больше, чем все те, что уборщик раньше держал в руках. Выходя из зала, он отважился взглянуть на Йожицу, которая с бесстрастным видом стояла у трона Высшего Священника. К удивлению Боско, страха он больше не испытывал. Дверь за собой Боско закрывал с усмешкой на лице.

– Не думала, что он на такое способен, – проговорила Йожица.

– Со временем я пришел к пониманию того, что скрывается в глубине души каждого человека. Этот мальчишка доверху переполнен амбициями.

Эксперимент №1

Kelly Digges

Вход в лабораторию представлял собой неприметный люк в сырой, поросшей мхом стене. Лиане пришлось дважды возвращаться, пока она его обнаружила, и когда она в него постучала, люк сам отворился со скрипом.

- Здравствуйте? – позвала она.

Диана перепроверила адрес, сделала глубокий вдох запертого воздуха и вошла внутрь.

Когда ее глаза привыкли к полумраку, она увидела, что в лаборатории было не очень темно, она была тускло освещена свисавшими с потолка зелеными биолюминесцентными сферами. Ее шаги эхом отражались от холодных каменных стен и пола.

Из глубины лаборатории послышалось бесцельное мычание.

- Здравствуйте? – повторила она. – Меня зовут Лиана. Я хотела бы стать ученицей мастера Озболта. Он здесь?

Мычание прекратилось.

- Лиана, - произнес хриплый голос из соседней комнаты. – Приятное имя.

Она нахмурилась, но сказала, - Спасибо.

- Озболт, с другой стороны, - продолжил голос. – Довольно странное. Почти отталкивающее, не правда ли?

Худощавый, растрепанный мужчина по большей части человеческой расы, судя по его внешнему виду, вышел из комнаты, вытирая руки пористой тряпкой.

- Зови меня Флорин, - сказал он, улыбнувшись из-под впечатляющей пары бровей, и вся его видимая грозность испарилась. – Это мое первое и гораздо более дружелюбное имя.

Флорин моргнул и осмотрелся. – Пресвятые боги, прошу прощения. Здесь же просто кошмарно. – Он коснулся покрытой мхом панели на стене, и сферы под потолком зажглись ярче, пока их свет был почти неотличим от солнечного.

- Приятно познакомиться, мастер Флорин, - сказала она.

- Мастер, - фыркнул он. – Уф, ну, если ты настаиваешь.

Он был пожилым человеком, возможно того же возраста, что был бы сейчас ее отец, с редкими волосами и седеющей щетиной. Для Симиковского мастера-биоманта естественное старение можно было назвать эксцентричностью, хотя, похоже, оно не сопровождалось чем-то действительно экстравагантным, как сутулость или хромота.

- Кажется, у Вас не очень много учеников, - сказала Лиана.

- Вообще нет, - ответил он. – Не могу сказать, что сильно нуждаюсь в них, да и ораторы не часто обо мне вспоминают. – Вдохнул он. – По-видимому, я твое наказание за что-то.

- Все нет, - сказала она. – Я сообщила им, что меня больше интересует практическая философия, чем любое другое направление исследований, и мастер Мурат сразу назвал Ваше имя.

- Философия, - сказал он, подмигивая. – Ну, это совсем другое дело. Расскажи мне свою философию.

- Мы обладаем потрясающей властью над жизнью, - сказала она. – И мы ответственны за создание нечто большего с ее помощью, нежели просто биологической экзотики. Мы можем создавать вещи, как эта Ваша система освещения, которые смогли бы улучшить уровень жизни людей. Мы можем дать им лучшие медицинские препараты. Мы можем улучшить жизнь каждого во всем городе.

- Ахх, - вздохнул он. – Опасные идеи. Гораздо проще скрестить несколько зверушек, и посмотреть, что из этого выйдет. Это куда безопасней. Это дает тебе продвижение в рангах, публичность, славу. Гранты на исследования.

Он ухмыльнулся.

- Но если ты пришла сюда не за этим – если твоя философия волнует тебя больше, чем карьера – тогда, может быть, возможно, ты действительно сможешь изменить мир.

- В таком случае, - сказала она. – Думаю, я именно там, где должна быть.

* * * * *

Передняя лапа крысы была оторвана до локтя, но это, похоже, ничуть не замедляло ее скорость. Наконец, ладонь Лианы, покрытая плотной перчаткой, сомкнулась вокруг мохнатого тельца, и она вынула грызуна из клетки, не обращая внимания на его писк.

- Образец 23 готов, - сказала она. Образец 23 подергал усами и завизжал на нее.

- Продолжай, - сказал Флорин.

Лиана окунула тампон в склянку с гелем, стоящую перед ней, и осторожно нанесла субстанцию на обрубок крысиной лапы. Она протянула животное Флорину, чтобы тот смог сделать перевязку покрытой гелем конечности, после чего она поместила крысу в новую, отдельную емкость.

Это было не сложная работа, но довольно нервная. Она не спрашивала мастера Флорина, где он нашел так много искалеченных крыс, но подозревала, что это как-то связано с Иззетским техником, заглядывавшим сюда каждую пару недель.

- Это последняя из этой партии, - сказала она, стягивая перчатки.

- Прекрасно! – Сказал Флорин. – Думаю, здесь у нас прослеживается прогресс.

Лиана кивнула и сняла вторую перчатку. Под «здесь» подразумевалась инновационная терапия по восстановлению конечностей. Она слышала о попытках пересадки новых конечностей, некоторые из которых были успешными, но это было нечто другое. Они использовали миметический гель, который считывал и в итоге восстанавливал образ утраченной конечности. Это казалось ей слишком похожим на запрещенное использование цитоплазмы для передачи генетического материала, но мастер Флорин заверил ее, что гель сам по себе не передавал и не нес в себе никакого генетического кода, и это позволяло им продолжать эксперименты.

Пока, по большей части результатом были крысы, заляпанные жижей, несколько из которых погибло из-за побочных эффектов. У одной из крыс выросло крыло; они отметили эту партию грызунов для дальнейших исследований, хотя от них явно разило инфекцией и разложением.

Мастер Флорин снял свои перчатки, помыл руки в раковине, и позвал Лиану в смежную комнату. Она знала, что это значило.

За пару дней ученичества, Диана успела выявить его привычку вступать в философские дебаты сразу после проведения практических экспериментов.

- Конечно, - объяснял он. – Проблема философии в том, что с ней легко оторваться от реальности и погрузиться в абстрактные размышления. Всегда сперва поработай руками. Чтобы напомнить себе, что кто-то должен приводить твои идеи в действие.

- Зачем мы делаем то, что делаем? – спросил он ее на этот раз.

Она сделала вдох, обдумывая ответ. Она быстро усвоила, что необдуманный ответ мог направить беседу в непродуктивное русло, или, хуже того, обернуться домашним заданием. Осознанно невежественный ответ, с другой стороны, мог волшебным образом прояснить любой вопрос.

- Декрет о прозрачности говорит довольно ясно...

- Аа, - прервал ее Флорин, махнув рукой. – Я знаю ответ Верховного Оратора на этот вопрос. Я хочу услышать твое мнение.

Личная философия, значит. Это куда интересней.

- Я бы сказала, что Симик, как гильдия, действует, исходя из желания понять и защитить жизнь в ее естественном виде, - сказала она. – Вы и я, больше других, осознаем тот факт, что естественная жизнь включает в себя жизнь разумную.

- Все это так, - сказал он. – Но что именно означает с моральной точки зрения, защита разумной жизни? К примеру, у акул и крокодилов нет собственных планов на жизнь; чего не скажешь о людях.

Диана насупилась. – Верно. Тогда... Полагаю, лучшее, что мы можем сделать, это попытаться облегчить их груз, дать им возможность жить лучшей жизнью. Мы не можем вмешиваться в жизнь людей так же, как мы это делаем с животными.

- Мы не можем вмешиваться в жизни *других* людей, - сказал Флорин.

Он сделал глубокий вдох, явный признак того, что он собирался рассказать историю.

- Я когда-то был знаком с одним химиком. Очень умной женщиной. У нее была дюжина гениальных идей, на разработку каждой из которых можно было потратить целую жизнь. Естественно, она не могла выбрать лишь одну, поэтому, вместо этого, она построила... ну, она назвала это «нейронный хроноакселератор». Весьма типично.

- Она потратила года на его создание, и когда, наконец, он заработал, она настояла на испытании его на себе. Это был не внезапный приступ этичности; Иззеты постоянно испытывают свои устройства на беспомощных гоблинах. Она хотела этого потому что мысли, которые ей интересно было ускорить, были ее собственными, и она не могла дождаться, когда она к ним приступит.

- Спустя несколько часов, она была мертва. Мозг был выжжен полностью. Но за это время, она сделала записи, огромное количество записей, по ее разогнанным мыслям. Рядом с ней были найдены схематики революционных энергетических систем, трактаты по экспериментальным теориям, и чертежи устройств, чье назначение все еще остается не ясным. В один день она проделала научную работу нескольких жизней.

- Мой вопрос к тебе следующий: правильно ли она поступила?

Мысль о том, чтобы выбросить всю свою жизнь вызвала у Лианы легкую дрожь. Но польза...

- Я бы не стала винить кого-либо за нежелание идти этим путем, - сказала Лиана. – Но, да, думаю, она поступила правильно.

- Отлично, - сказал Флорин. – Я тоже так думаю. Но, полагаю, ее успех выглядел не совсем так, как она его себе представляла. В этом и состоит урок этой истории: Когда ты стремишься улучшить окружающий мир, тебе следует начать с улучшения себя самого. А когда ты улучшишь себя, ты можешь измениться настолько, что твоя изначальная сущность нашла бы это удивительным. Даже пугающим.

Он подался вперед со своего места, и в это мгновение она увидела нечто чужеродное и кошмарное в его глазах.

- Готова ли ты к этому?

- Я... Я думаю, да, - пробормотала Лиана.

- Превосходно! – Сказал он, и в следующее мгновение он снова был добродушным, эксцентричным стариком. – Думаю, на сегодня достаточно. Может, тебе провести этот вечер с твоим другом Джованом?

- Что...с чего Вы взяли, что я встречаюсь с ним?

Мастер Флорин закатил глаза.

- Сила биомантии, - сказал он, перебирая пальцами. – И еще то, что ты только о нем и говоришь в последнее время.

Лиана залилась краской. – Это так очевидно?

Мастер лишь снова закатил глаза и выпроводил ее из лаборатории,

На следующий день, гелевая конечность образца 23 начала отрастать. В течении недели крыса уже прыгала на четырех лапах – три мохнатых, одна желатиновая. Когда Лиана показала его мастеру Флорину, он улыбнулся шире и радостнее, чем когда-либо раньше.

- В таком случае, - сказал он, - я бы сказал, что мы, наконец-то, готовы начать.

* * * * *

На самом деле, его загадочное заявление было слегка поспешным. Прошло еще несколько дней экспериментов и поправок, прежде чем мастер Флорин был удовлетворен и перешел к

секретному проекту, который он называл «Эксперимент №1». И даже тогда, он сказал Лиане взять пару выходных, пока он сможет подготовить все детали.

Она вернулась в лабораторию серым дождливым утром, ее плащ едва укрывал ее от влаги и холода.

Внутри все было так же жутковато, как в самый первый день: темно, сыро и пустынно. Она повесила свой промокший плащ у двери.

- Мастер Флорин? – Позвала она.

В опытной комнате горел свет. Вся лаборатория выглядела точно так же, как в тот день, когда она впервые вошла в нее, но на этот раз она никак не могла избавиться от чувства, что что-то здесь было не так. С тревогой в сердце она двинулась в сторону света.

Опытная комната выглядела так же, какой она ее видела в последний раз: ряды клеток, столы с препаратами, и несколько желатиновых цистерн, в жиге которых выращивалась смесь по отращиванию органов.

Жига в одной из цистерн... пошевелилась.

Пол был скользким, и она, осторожно ступая по нему, подошла к странной цистерне. Она заглянула в нее, готовая отпрянуть, если жига в ней пошевелится еще раз.

В желатиновой массе просматривались силуэты и цвета, несовершенства, которых там не должно было быть. Красноватое пятно, темный кусок...

Ребра. Человеческие ребра.

В это мгновение жига рванулась вверх с тошнотворной скоростью. Она бросилась назад по мерзкому, скользкому полу, боковым зрением заметив темный силуэт, поднявшийся из цистерны.

- Флорин! – Заорала она. – Вы здесь?

Затем силуэт открыл глаза, и она поняла. Мастер Флорин был здесь, в том или ином смысле.

Желатиновая масса приняла его очертания, точно так же, как она принимала форму утраченных крысиных конечностей. Она воссоздала округлость его головы, гелеобразной, лысой, и две просвечивающиеся руки удерживали его скользкое тело над спутанной массой жижевой массы. Сквозь поверхность его кожи она различала кости и растворяющуюся паутину органов. Но лицо... лицо было безошибочно его собственным, и глаза его светились тем же разумом.

- Здравствуй, Лиана, - сказала существо, которое прежде было Флорином Озболтом. Его голос оставался все таким же хрипловатым.

Она отползла назад, нащупала сухой пол, и спешно поднялась на ноги у открытой двери.

- Что Вы наделали?

- То, что я делал всегда, - сказала гелеобразное существо. – Я улучшил себя.

- Улучшили? Чем же это стало лучше?

Он засмеялся, знакомый звук казался жутким в устах комка слизи.

- Я теперь могу лучше думать, - сказал он. – У меня теперь нет гланд. Я могу соскабливать пропитание прямо с пола, просто перемещаясь по нему. Ты только подумай! Ни голода, ни адреналина, ни страстей, ни страха.

Существо слегка сползло вперед, не сводя с нее глаз, киша желатиновыми щупальцами.

- Я уже вижу ошибки в своих предыдущих экспериментах. Я пытался заменить утраченные органы. Теперь же я вижу, что истинная проблема в хрупкости и несовершенстве наших естественных органов, включая мозг. Особенно мозг.

- Это ужасно, - воскликнула она. – Вам нужна помощь. Мы обратимся к совету. Они смогут исцелить Вас.

- Я уже исцелен! – Вскричал он. – Я говорил тебе, моя дорогая. Чтобы улучшить мир, улучши себя. А когда ты улучшишь себя, изменения могут удивить тебя...

- Даже напугать, - сказала она с содроганием.

- Ты хотела сделать жизнь лучше, - сказал он. – Я никогда не сомневался в твоей преданности и самоотдаче. Давай же, милая моя. Погрузить в цистерну. Переделай себя, и вместе мы переделаем весь этот несовершенный мир.

Он рванулся вперед, протягивая к ней свои скользкие руки.

Она повернулась и понеслась сквозь мрак лаборатории, мимо своего все еще мокрого плаща, за дверь, на улицу, не смотря на дождь.

Она не смогла найти в себе силы даже оглянуться.

Фыблтып

Matt Tabak

Звук, который издал Фыблтып, больше всего походил на хныканье. Он не говорил ни на одном языке из тех, которые были знакомы жителям Равники, но этот вскрик агонизирующего отчаяния был моментально узнаваем. К несчастью, проулок, где очутился Фыблтып, на первый взгляд казался совершенно безлюдным, - за исключением присутствия того, кто и заставил его захныкать.

Обветренные ладони подхватили крошечного гомункула под ручки и подняли его так, что он оказался лицом к лицу с человеком, крепким и жилистым. Суровое, покрытое пирсингом лицо человека исказилось в ухмылке. Фыблтып мгновенно замолк. Происходящее было самым страшным из всего, что с ним когда-либо случалось. Кроме того, так высоко его еще ни разу не поднимали. Человек, поймавший его, засмеялся, и это прозвучало, как шарканье сапог по брусчатке. Он засунул Фыблтыпа под мышку тем манером, которым обычно посыльные носят пакеты, и начал прокрадываться прочь из квартала, в соседний, где по слухам властвовал Культ Рекдоса. Все должно было произойти вовсе не так.

Фыблтып снова захныкал.

* * * * *

Фыблтып был бесконечно благодарен за то, что его служба при Сенате Азориусов не требовала покидать безопасное и относительно непритязательное местечко в Магистерском Саду. Обязанности Фыблтыпа также были сравнительно простыми: убирать осколки камней с широких тропинок, которые вели к разнообразным фонтанам и каналам, начищать именные пластинки, - те, которые находились пониже, - на статуях знаменитых законотворцев, и предупреждать офицеров безопасности о любых нарушениях. Поскольку все нарушения на территории были запрещены постановлениями, последнее указание выполнять приходилось крайне редко.

Как и многим из тех, кто состоял на службе у Сената, Фыблтыпу по закону была предоставлена основная неприкосновенность и выписано довольствие в соответствии с его статусом. На самом же деле он привык к тому, как к нему относились хозяева, а именно, не замечали. Фыблтыпу полагалась еда и нечто вроде непритязательного жилья. Работа с садовой флорой временами вызывала аллергию, так что Сенат заботился и о средстве, благодаря которому глаз гомункула не слишком чесался. Это было мирное, чудесное существование.

Для членов других Гильдий было необычным делом посещать Сад Магистра, и внешний вид гостей обычно пугал Фыблтыпа. Селезнийские друиды, покрытые листьями, не были такими уж плохими, хотя они вечно лезли тискать гомункула, бормоча при этом неразборчивые молитвы. Исследователи Симиков порой переговаривались между собой о возможности скрестить Фыблтыпа с летучей мышью или морской актинией. В такие моменты гомункул вспоминал о каком-нибудь позабытом деле в другом конце сада и спешно семенил прочь.

Однажды, когда Фыблтып обходил западную границу сада, собирая в совочек раскиданные объедки и прочий сор, к нему приблизилась женщина человеческой расы. Он узнал, кем была эта внушительная фигура, по ее одеянию - доспех в печатях и кобальтовых знаках отличия. Она была арестером. Это показалось, в самом деле, странным. Большинство арестеров, приходивших в сад, в упор не замечали Фыблтыпа, порой нечаянно пиная его, если гомункул попадался под ноги. Но арестер наклонилась и пристально взглянул в единственный глаз гомункула.

- Вы - Тхылтпытх? - осведомилась она. При произнесении этого слова в лицо гомункулу полетели брызги слюны.

Фылтып дважды моргнул и слегка наклонил голову.

- Я арестер Париша. Я служу на Девятом Участке. В соответствии с Положением IV.126.3 Эдикта Исперии, я требую Вашей помощи. Прошу Вас пройти со мной.

Женщина протянула гомункулу руку. Фылтып захныкал.

* * * * *

Фылтып никогда не был ни в одной из трех величественных башен, которые окружали Новый Прахв. Они были невероятно высокими, сияющими и чистейшими. Без единого слова Фылтыпа препроводили в строго обставленный кабинет на первом этаже под конвоем стройного ведалкена. Фылтым нервно осмотрелся в новой обстановке. Стены были голыми, а простая мебель - слишком высокой, чтобы он мог ею воспользоваться. Поэтому гомункул стоял и ждал.

Наконец, Париша отворила деревянную дверь и вошла в кабинет. Решительно и непреклонно, однако безо всякой злобы, она уселась за стол и положила на него два свитка. Арестер выжидательно смотрела то на Фылтыпа, то на стул напротив. В конце концов, поняв невозможность выполнения ее молчаливой просьбы, Париша встала и, подняв Фылтыпа, усадила его на стул. Так высоко его еще ни разу не поднимали.

- Это, - провозгласила Париша, разворачивая первый свиток, - Вадакс Гор. Уже несколько месяцев, как он вступил в некую группировку Ракдосов. Предположительно, она называется "Клуб Диверсий". - Название она выговорила с отвращением. Фылтыпа пробрала легкая дрожь при виде изображения странного человека. Его лицо было обезображено шрамами, проколами и татуировками. Растрепанные лохмотья, которые и одеждой нельзя было назвать, небрежно свисали с его худосочных плеч. Фылтып никогда не сталкивался ни с кем похожим, и искренне понадеялся, что и не придется.

- Вадакс Гор практикует все возможные способы нарушения порядка, - продолжила Париша, - но в последнее время его вкусы стали особо извращенными. Ему уже не хватает рамок Культа, чтобы проявлять свою дурь. Гора подозревают в причастности к исчезновению двух горожан. С Вашей помощью, третьего не будет. У седователей пока нет прямых доказательств причастности Гора к похищению людей. Нам нужно взять его с поличным.

Фылтып выпучил глаз от удивления еще сильнее, чем обычно. Он мельком прикинул, сможет ли он добежать до двери, прежде чем Париша сумеет его поймать, но все же понял, что это неразумно. Ему не позволят вернуться к своим обязанностям, если он откажется подчиниться арестеру. Кроме того, гомункул все еще сидел на этом высоченном стуле и не был уверен, что сможет соскочить с него, ничего себе не повредив. Лишенный других вариантов, Фылтып тихо захныкал.

* * * * *

- Два предыдущих похищения произошли в двух кварталах от этой кожевенной лавки, - заговорила Париша, указывая на карту. - Мы думаем, что владелец лавки имеет к этому некое отношение. Возможно, он подает знак Гору, когда появляется подходящая мишень. Ты должен

явиться в лавку, чтобы выдать им эти документы на уплату налогов. Их необходимо заполнить на месте в трех экземплярах. Если наши подозрения подтвердятся, Гор засуетится после того, как ты уйдешь.

Если бы на этом беседа закончилась, Фылтып точно сбежал бы, и неважно, допустят ли его после этого до излюбленной работы в саду или нет. Но взгляд Париши смягчился на мгновение, и она продолжила. - Не бойся, малыш. Мы с моими агентами оцепим район, и не упустим тебя из виду. Мы не подвергнем тебя опасности. Гор и пальцем тебя не тронет. Через пару дней ты вернешься в Магистерский Сад. Эдикт Исперии не позволяет мне подставлять тебя, - она едва заметно улыбнулась.

Гомункул не понял, верит ли он этим словам, но хныкать перестал и медленно кивнул.

* * * * *

Фылтып всегда ненавидел толпы. Он проскочил вниз по оживленному проспекту, проходящему через всю Равнику, и его взгляд метался от прохожего к прохожему. На него особо никто не обращал внимания, и это пришлось Фылтыпу по душе. Правда, никто также не старался его обходить. Его едва не пнули с полдюжины раз, пока он, наконец, не добрался до цели.

Кожевник и собственник лавки был человеком, но только по формальной расовой принадлежности. Грузный, как огр, и вдвое уродливее любого огра, он возвышался на Фылтыпом, как башня, и ворчал. Тот боязливо протянул ему папку. Кожевник снова зарычал, развязывая ее, и из его жидкой бороды вываливались кусочки еды, пока он зачитывал бумаги. Зрелище было впечатляющим. Когда человек развернулся и направился в складское помещение, он издал громоподобный звук. Фылтып заморгал и с подозрением уставился на крошки на полу.

Через некоторое время хозяин появился снова и сунул Фылтыпу заполненные формы. Гомункул поклонился и собрался уходить. Человек заворчал снова, но Фылтып не понял, с чего. Как его и проинструктировали, он свернул в проулок позади лавки. Париша, переодетая в торговку с ближайшего фруктового базара, встретилась с гомункулом взглядом, когда он собирался затеряться в проулке. От этого ему стало легче.

Фылтып пошел вниз по проулку, медленно, но с растущей уверенностью. Гомункул представлял себе, что Париша и ее команда начнут аресты в любой момент, а он сможет вернуться в сад. Он вспоминал тихо струящиеся воды садовых каналов, когда сзади вдруг раздался ужасный треск. Фылтып молниеносно обернулся, думая, что увидит Паришу или одного из арестеров, но вместо этого из тени выдвинулся страшный силуэт Вадакса Гора. Фылтып уронил папку и захныкал.

* * * * *

Самоуверенность и скорость передвижения Гора росли по мере того, как он уходил все дальше от места преступления. Фылтып закрыл единственный глаз, не желая видеть ту часть, что его ожидала. Он почувствовал, как Гор свернул налево на перекрестке. Потом направо. Потом внезапно остановился. Фылтыпа слегка встряхнуло, и он приоткрыл глаз. Гомункул извернулся и увидел, что Гор застыл на месте. Он перестал жмуриться, но был не в состоянии понять, что происходит.

Арестер со всей скоростью бежала к ним откуда-то сзади. - Вадакс Гор, - прокричала она, задыхаясь, - Вы арестованы! - Поравнявшись с ними, Париша вытащила Фыблтыпа из-под мышки задержанного. Гомункул разглядел голубое свечение вокруг Гора. Тот все еще не мог двигаться.

- Мои извинения, малыш, - тихо произнесла Париша. - Этот кожевник, видимо, что-то подозревал и напал на одного из моих агентов до того, как мы смогли начать преследование. Это нас ненадолго задержало, но опасности для тебя не было. - К ним быстро подошли несколько других арестеров, и потащили громоздкий груз по имени Вадакс Гор обратно по проулку к площади.

* * * * *

Фыблтып стоял в вестибюле на шестом этаже Колонны Лева. Так высоко его еще ни разу не поднимали. Париша встала рядом. Она молча нагнулась, повернулась к гомункулу и кивнула. Мраморная дверь, которую Фыблтып не заметил, повернулась на скрытых петлях, и в комнату вступил приземистый чиновник в просторном одеянии.

Париша отсалютовала ему. - Сенатор! - с благоговением произнесла она. Фыблтып заморгал.

- Арестер, поздравляю Вас с успешно выполненной миссией. Этот тот, кого Вы упоминали в отчете? - Сенатор заглянул в лист пергамента. - Ктиллчип?

- Да, Сенатор.

- Очень хорошо. - Пожилой чиновник обратил взгляд на гомункула ростом в фут. - В соответствии с положением III.875.2 Эдикта Исперии, прошу принять мои благодарности от имени Сената и законопослушных граждан Равники. Несмотря на то, что материальная награда запрещена, Ваши потомки после Вашей смерти смогут подать прошение в Сенат о выпуске мемориальной таблички с подробным изложением Ваших благородных деяний. - С этими словами он повернулся и покинул вестибюль.

Париша двинулась к южному выходу из помещения. - Идем, вернем тебя к твоим обязанностям. - Фыблтып почти вприпрыжку побежал к двери. Ему не терпелось вновь увидеть сад.

- По крайней мере,, до следующего раза.

Фыблтып всхлипнул.

Погребение

Adam Lee

Дабы приблизиться к Древним Богам, ты должен погрузиться под землю. Там ты услышишь их голоса и ощутишь их могущество. Одни могут прошептать тебе священные слова, другие - показать видения, иные наполнят тебя страхом, но все это их способ сделать тебя цельной личностью, слушающую свое сердце. Оставь свой страх.

—Сабаст, Груульский шаман

Трое юных Груулов заворуженно глазели на единственное уцелевшее витражное окно в форме символа гильдии Оржов. На него струились лучи утреннего солнца, наполняя золотистым сиянием руины заброшенного собора. Зрелище подобной красоты было большой редкостью в Булыжном валу.

Домри Рэйд, перекачивая в ладони тяжелый камень, смерил взглядом безупречное стекло стилизованного солнечного диска. Его лучшие друзья, Кнут и Лакки, в напряженном ожидании стояли рядом с ним.

Это будет круто.

Домри взглянул на друзей. – Вы готовы?

Кнут сверкнул зубами и кивнул.

- Ага. Вмажь ему, Дом. – Лакки усмехнулся сквозь боевую раскраску, которую нанес на его лицо Кнут. И классно нанес, подумал Домри.

Домри повернулся, завел руку назад, и метнул камень в воздух. Весь опыт его юной жизни – попадания в ящериц, птиц, Голгари, торговцев и их повозки – направил камень к цели, подобно неумолимому снаряду самой судьбы. Домри еще до броска представлял в уме эффект и последствия попадания камня, но ничто не способно было всецело подготовить его к удовольствию от звука бьющегося стекла, взорвавшегося от удара тяжелого булыжника. Оглушительный звон эхом раскатился по обрушенным залам собора. Осколки витража разлетелись повсюду. Две огромные желтые секции окна обрушились вниз, на каменный пол, разбившись в очередном залпе умопомрачительного грохота.

Это было потрясающе.

- Крок! – Воскликнул Кнут, и они все залились воем ликования и хохотом, пританцовывая, словно гоблины после удачного налета.

Трое друзей расселись на полу, подбирая разноцветные осколки витражного стекла, выискивая лучшие куски и привязывая их к заготовленным ранее деревянным рукояткам. Получалось нечто, подобное волшебному, золотому оружию.

- Мы можем назвать наше племя Осколочные Клинки, - сказал Домри, любясь своим жутковатого вида ножом.

- Да, и такие штуки будут только у вождей. – Лакки протянул свой законченный кинжал. Его отец знал, как делать полезные вещи из простого тростника и травы, и Лакки здорово удавалось приматывать стекло к деревяшкам.

- Этот смотрится круто, - с восхищением сказал Кнут. Он протянул Лакки свой осколок и рукоятку. – Примотай мой тоже.

Домри смастерил достойный двулезвенный кинжал с осколками на противоположных концах рукоятки. Закончив оружие, он продемонстрировал его эффективность против воображаемых врагов, сперва в рассекающем выпаде, затем в рубящем, двигаясь с неподдельным умением и мастерством.

Лакки закончил работу над кинжалом Кнута. Домри взглянул на своих друзей и ухмыльнулся.

- Давайте разнесем что-нибудь.

* * * * *

Закат застал их на пути в лагерь, и ранние летучие мыши уже начали кружить вокруг, в надежде полакомиться жужжащими повсюду сумеречными насекомыми. Темное время суток было опасным в Булыжном Валу, где встречались дикие звери, способные проглотить воина целиком, или одной лапой раздавить целую повозку. Ребята инстинктивно ускорили шаг. Кнут отгонял веткой огневых жуков, а Домри присматривал за тенями под разрушенными постройками. Лакки шел, как обычно витая в мире своих мыслей и фантазий. Домри однажды спас его от клыков макки, а в другой раз вытащил его из-под копыт верблюда, и часто думал, сможет ли Лакки когда-нибудь приспособиться к Груульской жизни. Он скорее походил на Селезнийца.

Как по заказу, Лакки вдруг сказал, - Интересно, каково это? Ну, Погребение.

- Лакки! Гоблинская ты башка. – Кнут полоснул его своей веткой, оставив на предплечье жгучий синяк.

- Крокт, больно же! Мне просто любопытно, вот и все. – Лакки почесал руку, глядя на Кнута.

- Это не вселенский потоп, - сказал Домри. – Я к нему готов. – Он надеялся, что его голос не выдавал той слабости, что сковывала его при одном лишь упоминании о ритуале.

Он знал, что Кнуту было так же любопытно, как и Лаки. Всего через год им обоим предстоит решить для себя, будут ли они проходить через Погребение. Истории о переходном обряде посвящения Груулов были окутаны тайной и страхом.

Погребение предстояло всем, кто желал стать Груулом. По словам древних шаманов, этот ритуал обрывал все узы с жизнью в урбанистической Равнике, рабыне законов, олицетворяющей уничтожение самой природы. Считалось, что тот, кто сможет вынести Погребение, вернется в племя перерожденным, с ясностью собственного предназначения и готовым к Груульской жизни. Обряд хранился в тайне, и все посвященные клялись никогда не раскрывать его подробностей тем, кто еще его не прошел. Эта клятва запечатала Погребение в саркофаг неведомого страха, леденящего создание всех юных Груулов, приближавшихся к назначенному дню и часу.

Этот страх звенел в душе Домри подобно рою шершней. Его Погребение начнется на рассвете.

* * * * *

Утро прошло в подготовке Домри к обряду, покрывании его погребальным одеянием и краской из пепла и глины. Шаман бормотал заупокойные заклинания, пока снаружи шатра все племя стонало и рыдало так, словно он умер этой ночью. В их скорби было что-то настолько реальное, что ему стало не по себе.

- Зачем они это делают? Я в порядке. – Домри чувствовал раздражение, принесенное страхом.

Шаман по имени Сабаст, возившийся с ним, взглянул на него сквозь маску из охры и пепла. – Они оплакивают утрату мальчика, которого они знали. Так или иначе, этот мальчик сегодня умрет.

На мгновение Домри почувствовал приступ паники. Возможно, это было для него уже слишком. Возможно, это было слишком опасно. Но Домри знал, что другие проходили этот обряд до него. Если они справились, справится и он.

Днем Домри и Сабаст отправились далеко в Утвару, обширную область Равники, неоднократно подвергавшуюся полному разрушению на протяжении последних столетий и служившую домом для многих Груулов, несмотря на старания застройщиков Оржов утверждать обратное.

- Гляди, как природа берет свое, - произнес Сабаст, когда они пробирались сквозь древние развалины. – Со временем все это вернется в почву. Голгари говорят мудрые вещи. Они понимают жажду природы сравнить город с землей, но их сердца омертвели. В них нет страсти к жизни.

Домри смотрел на неуловимо медленную мощь природы. Камень был повержен деревьями. Их стебли прорывались сквозь кирпичную кладку, их корни вращались в каждую щель или трещину. Жизнь разрывала на части мертвые камни и постройки города.

- Приближенность к смерти дает Груулам многое: ясность предназначения; свободу от всего тленного; видение тщетности правил; и, прежде всего, обновленное чувство жизни. Энергия и жизненная сила достигают своего пика лишь тогда, когда воин сталкивается лицом к лицу со смертью. Здесь расходятся пути Голгари и Груулов. Они погрузились в смерть, отдав ей свою жизненную силу, но мы использовали круговорот природы для обогащения страстью к жизни. Сегодня ты испытаешь это на себе.

- Что должно произойти?

- Твоя голова никогда не сможет подготовить тебя к тому, что твое сердце понимает всецело. Твой разум цепляется за мои слова. Но твое сердце алчет жизни. Не вслушивайся в мои слова, иначе ты станешь Азориусом. Ты должен прочувствовать свой путь.

С приближением сумерек заросшие руины начали отбрасывать зловещие тени. Домри в своих юношеских вылазках и путешествиях никогда не заходил так далеко в Утвару. Здесь все было чужим. Они подошли к кажущейся непроходимой стене из лиан и спутанных корней, однако Сабаст легко прошел сквозь толщу растительности, скрывавшую вход в потайную пещеру. Сабаст снял со стены факел, пробормотал воспламенившее его заклинание, и они начали спускаться по крутой тропе, вдоль стен, украшенных Груульскими символами и пиктограммами.

После долгого скользкого спуска по туннелям, через подземные потоки, и вокруг сталагмитов, они, наконец, достигли ямы в темной земле, окруженной погребальными тотемами Груулов.

Сабаст с облаком искр швырнул факел на землю и встал перед могилой. Его глаза были обращены к Домри, и в гаснущем свете факела он был подобен призраку, явившемуся из загробного мира.

- Домри Рэйд. Пришло время твоей ложной сущности умереть. Пришло время твоей истинной сущности родиться.

* * * * *

Домри Рэйд был погребен заживо.

После того, как тело Домри было покрыто магическими символами и закутано в саван из шкур животных, шаман уложил юного Груула в церемониальную могилу. Как только Домри почувствовал первую горсть земли, осыпавшуюся на его тело, он услышал, как Сабаст начал зачитывать защитное заклинание. Оно сохранит жизнь в теле Домри, но его сознание останется беззащитным, открытым, и одиноким.

Голос шамана становился все приглушеннее с каждой грудой песчанистой глины, брошенной в могилу. Холод медленно подкрадывался к его телу. Вес земли не давал пошевелиться. Вскоре он оказался в кромешной темноте и тишине. Подростковая бравада поддерживала его первые несколько секунд, он знал, что ему нужно было лишь продержаться одну ночь, и на рассвете Сабаст откопает его.

Нужно только продержаться.

Однако ощущение прошедшего времени начало постепенно ускользать от него. Казалось, прошла вечность, и его разум одну за другой истощил свои слои своей ментальной защиты. Со временем, он уже не знал, чем занять свои мысли.

Затем, более глубокие, мрачные мысли начали всплывать на поверхность.

Прошло несколько минут? Или часов? Возможно, на Сабаста напала маака на его обратном пути в лагерь, и теперь никто никогда не узнает, где я? Может ли закончиться действие защитного заклинания? Могу ли я задохнуться? Возможно, на племя напали Рекдосы, и всех перебили.

Возможно, я навсегда останусь один.

Возможно, я умру здесь.

Он знал, что Древние Боги были мифом – чем-то таким, во что верили лишь старики. Но теперь, когда трещины неуверенности расплзались по его ментальной броне, он почувствовал, как его разум стремиться поверить в них, сделать реальными, чтобы умолять их об освобождении от этого ужаса. Его мысли и эмоции метались, словно крысы, загнанные в ловушку, пожирая друг друга, пока его разум не выключился, и его место заняли слепые инстинкты. Домри боролся, как утопающий, но его тело было прижато землей. Окоченевшее. Неподвижное.

Его охватила непреодолимая паника... и тогда что-то начало брать над ним верх. Давление изнутри пронзило все еще тело, звеня в его мозгу, подобно хору из горнов, угрожавших разорвать его на куски. Его позвоночник, казалось, превратился в жидкий огонь, голова заполнилась ослепительным светом, а затем... произошло главное. Он вылетел в Мультивселенную, наблюдая бесконечную пустоту Сплошной Бесконечности. Ее бескрайность была непостижима для его новых глаз – глаз, которые никогда уже не будут закрыты.

Все миры Мультивселенной лежали перед ним, словно грани искрящегося бриллианта.

* * * * *

Домри очнулся в странном месте, по ощущениям напоминавшем парниковую палатку Груулов. Он поднялся с рыхлой земли, покрытой опавшей листвой. Все пахло как-то иначе. Он сел, протер глаза и взглянул на мир, который до него не видел ни один Груул.

Его разум едва мог поверить в отсутствие домов, когда он, шатаясь, поднялся на ноги – ни камней, ни развалин, ничего. Он моргнул и потряс головой, но сцена не изменилась. Строения и башни не появились волшебным образом вокруг него. Он находился в глубине первобытного тропического леса; массивные деревья, покрытые густым мохом, папоротники и бромелии окружали его со всех сторон. Повсюду бурно цвели растения, которых он никогда прежде не видел. Потрясенный, он подошел к просвету между деревьями, и там внизу увидел глубокую долину, покрытую бесконечным ковром зеленых крон деревьев бескрайних джунглей. И ни единого строения во всем поле его зрения.

- Крокт. – Слово слетело с его губ, когда он в полнейшем изумлении пожирал взглядом горизонт, наполненный необузданной растительностью. В нем начало зарождаться чувство, будто его Груульские предки сейчас ликовали от восторга. Он взирал на землю их надежд – землю без стен, зданий, и проклятых Азориусов с их каракулями и книгами. Это была неукротенная жизнь с абсолютной свободой, и он был в самой ее гуще. Из какой-то первобытной части души Домри поднялся крик радости в ответ на ликование его предков.

Он изо всех сил заорал, - Даааааааааааааааааааа!

Возможно, это была не лучшая идея.

Он услышал незнакомый рев, содрогнувший каждую кость в его теле. Мимо него пронеслись три эльфа в странной одежде, каждый из которых выглядел более удивленным и обеспокоенным, чем предыдущий.

Первый эльф бросил сердитый взгляд на Домри. – Идиот!

Второй мрачно пробежал мимо. – Идиот!

Проносья мимо него, последняя эльфийка выкрикнула, - Беги, идиот!

Он почувствовал, как земля задрожала под его ногами. Что-то огромное ломилось сквозь деревья, и их стволы и корневища с треском раскалывались под его массой. Домри бросился бежать. Он пригнул голову и помчался за невероятно быстроногой эльфийской девушкой, несущейся сквозь полосу препятствий из свисавших лиан и поваленных стволов деревьев.

Деревья трещали вокруг них, и он быстро потерял эльфов из вида, слепо несясь сквозь бескрайнее море папоротников и листьев. Пробегая мимо завесы плюща, он и не заметил, как из нее метнулась пара рук, схватила его и втащила в темную пещеру за ползучими стеблями. Здесь он услышал дыхание эльфов.

- Ни слова. – Прошептал один из них.

- Идиот. – Сказал другой.

* * * * *

- Я не хочу возвращаться, - сказал Домри своим трем эльфийским компаньонам, смотрящим на него со смесью недоумения и умиления. – Это место потрясающее.

Три эльфа сидели и смотрели на этого подростка в лохмотьях, покрытого грязью, пеплом и охровыми символами какого-то странного, неизвестного им племени, лепечущего о пересечении бескрайней пустоты и другом мире. Старший из них, Хазал, говорил с незнакомцем, пока двое других с любопытством наблюдали за ним на расстоянии.

- Он сумасшедший, - прошептал Макло Элиште.

- В нем есть сила. Я чувствую ее. Возможно, Силия послала его нам в помощь для охоты на гаргантюанов.

- Думаю, это очередной лазутчик, потерявшийся в лесу, и съевший слишком много кружевики.

Хазал понимал, что этот человек не принадлежал ни к одному из известных ему соседских племен. Большинство людей-путешественников – будь то барабанные охотники, или простые торговцы – передвигались сквозь джунгли группами, и никто так далеко не заходил в одиночку. Даже Сирианские боговоды, такие, как они сами, старались не отрываться друг от друга в этом глухом лесу. Этот человек, решил Хазал, был не в своем уме.

Хазал тихо задавал вопросы юноше, пытаясь понять смысл, скрывавшийся за его утверждениями о другом мире, но чем больше вопросов он задавал, тем больше Домри описывал ему сумасбродные подробности мира, который он называл Равника.

Домри сидел в счастливом недоумении, впившись глазами в бурный, бескрайний лес, пока эльфы совещались друг с другом. Спустя несколько минут шепота и взглядов через плечо, Хазал сказал, - С тобой захочет поговорить наша анима. Расскажи мне еще раз о том месте, откуда ты пришел. Ты говорил о целом мире, покрытом... домами?

- Да. Там, откуда я родом, люди только и делают, что уничтожают природу строя из нее дома. Мое племя уничтожает их постройки и возвращает их природе.

Макло смотрел на него с подозрением. Элишта – с очарованием.

Хазал просто смотрел. *У этого парня явно были галлюцинации.*

Домри продолжал нести чушь, адреналин от прохождения между мирами, а затем, убегая от Крокт-знает-чего наполнял его тело; его глаза были величиной с блюдца, и он все продолжал говорить. – В смысле, представьте, если бы каждое дерево здесь было бы каким-нибудь зданием, а проходы между ними были бы переулками, вымощенными брусчаткой. Это Равника. Это же кошмар, и мы, Груулы, просто хотим разрушить его, но Азориус и остальные гильдии сражаются с нами. Они все увязли в правилах и законах, но у нас есть Булыжный Вал. Это мой дом. Я люблю зверей, которые там живут.

Пока Домри нес вздор обескураженным эльфам, он начал представлять Булыжный Вал и широкие кварталы руин, пещер, и котлованов, оставшихся от войн, нападений чудовищ и других катастроф. Образы нахлынули на него, и он почувствовал силу, разгорающуюся, словно пламя в печи. Чем больше Домри думал об этом, тем больше силы росло в нем, пока все заслоны не прорвались, и он не почувствовал, как огромный поток маны обрушился на него, подобно разъяренному хищнику. Он был хаотичным, как ураган из земли, сплетенной с деревьями и лианами. Домри вспотел от стресса, сковавшего его, при взгляде на это новое видение. Он чувствовал, словно вновь был погребен заживо. Глубоко под землей корни впивались в его тело и разрывали его плоть, пока от него не остались лишь кости. Затем и они были раздавлены в пустоте. Он едва

слышал, как Хазал звал его по имени, и чувствовал, как его физическое тело тряслось. Оно теперь казалось ему чужим, а его сознание блуждало где-то далеко.

Затем, в головокружительной встряске невероятной силы, он снова вылетел в Сплошную Бесконечность.

* * * * *

Полночные улицы Равники любому могут показаться запутанными, особенно Груулу, который никогда не заходил так далеко в город. Домри пришлось красться наугад сквозь кажущиеся бесконечными милями переулков и улиц, прежде чем он смог найти знакомую башню, знакомую дыру в стене, и знакомую тропу, ведущую в Булыжный Вал, в лагерь его племени.

Стояла глухая ночь, когда он приплелся в лагерь, неопрятный, опустошенный, похожий на какого-то канализационного зомби Голгари, выползшего из сточной трубы.

- Айииии! – В долю секунду, четверо воинов Груул приставили копья к его горлу.

- Это я, Домри. Убери копье, Маргул.

- Это невозможно, - пробормотал Маргул. – Ты все еще должен быть в могиле.

- Ах, да. Это.

- Ты будешь ждать здесь, пока не вернется Сабаст, - прорычал Маргул, тыча копьем в Домри.

Назри смахнула куски засохшей грязи с волос Домри. – Думаю, он теперь какой-то Голгари.

- Я тебе скажу, какой я, Назри, - с раздражением в голосе сказал Домри. – Голодный.

* * * * *

Сабаст пришел с рассветом и, успокоив воинов, втащил Домри в свою палатку. Впервые, Домри видел Сабаста настолько ошеломленным.

- Как ты сюда попал? Я вырыл всю землю из могилы, но тебя там не было. Какое заклинание ты использовал? Как ты ускользнул от испытания?

Домри был не промах. Он знал, что Сабаст по Груульской традиции верил древним легендам и мифам, а то, через что прошел Домри, развеивало все эти мифы на корню. Если же станет известно, что он не прошел через всё испытание, он утратит доверие гильдии. Но, если он расскажет Сабасту правду, его, скорее всего, выгонят, как безумца или шарлатана, или, как и то, и другое. В любом случае, добром это не кончится. Самым неприятным было то, что Домри всегда чувствовал, что он отличался от всех своих соплеменников, и теперь произошло нечто действительно удивительное, в доказательство его особенности, но он не мог ничего рассказать об этом, без риска стать изгоем. От этого Домри чувствовал себя взбешенным, как маака.

Он видел озадаченное лицо старейшего шамана, ожидавшего его ответа. Домри решил, что, то, что он сейчас скажет, будет не так уж и важно. Все изменилось.

- Я не могу рассказать, что произошло, - сказал Домри, потупив взгляд.

- Что?

- Я не могу рассказать, потому что ты все равно мне не поверишь. – Домри чувствовал, как в нем разгорается ярость. – Делай, что считаешь нужным. Изгони меня, прокляни, это не имеет значения. Все равно в меня никто никогда не верил. – Домри повернулся к выходу.

- Я не собираюсь изгонять тебя, - сказал Сабаст, взяв Домри за руку. – Сядь. Я хочу рассказать тебе кое-что, чего я не рассказывал никому в племени. Для Груулов не существует законов, кроме законов дикой природы. Я вижу, что с тобой что-то произошло, и в этом кроется истинная сила Погребения. Не мне судить, добры или злы хаотичные силы природы, как это делают другие гильдии; я лишь веду Груулов, я поддерживаю их связь с этими силами, и поддерживаю жизнь этих сил в каждом из нас. До тех пор, пока ты будешь следовать за своим сердцем, Домри, ты – Груул, и у тебя будет место у центрального костра.

В редком наплыве эмоций, Домри обнял старика. Он чувствовал, словно с его плеч упал груз. На своем долгом ночном пути в лагерь, Домри и не подозревал, насколько сильно его грызла тревога о том, как отреагирует на все это его племя – особенно Сабаст. Он вышел из палатки шамана и, проходя мимо глазающих на него соплеменников, чувствовал, как ухмылка проявляется на его лице. Наконец, спустя годы безвестности, простой парень с тягой к диким животным Равники, Домри теперь чувствовал, что он знает что-то такое, о чем не может знать ни один Груул. Ни Сабаст, ни Никйа, ни Борборигмос – никто. Он знал о существовании другой реальности, другого мира, совершенно не похожего на этот, и это был мир, о котором Груулы могли лишь мечтать. Домри чувствовал жгучее желание совершить еще одно путешествие в дикие места – по-настоящему дикие. Одна лишь мысль о путешествии в потрясающий мир тропического леса вызывала в нем трепет.

Его ожидало великое путешествие, и он был готов столкнуться с чем угодно на своем пути.

Билагру придет за тобой

Ari Levitch

Арестеры явились на место преступления всего лишь несколько мгновений спустя после того, как все произошло. Уже начала собираться толпа, она зажимала долговязого мужчину, стоящего над безжизненным телом. Хлестала кровь, ее поток струился по щелям между булыжниками мостовой и собирался в лужу вокруг сапог тонкой работы на ногах человека. Тот не двигался с места и не прилагал никаких усилий для побега. Он стоял, ссутулившийся и растрепанный, но невероятно встревоженный. Взгляд его метался туда-сюда по лицам в толпе, и кончик меча словно следовал за ним, нервно подергиваясь.

Арестеры протолкались через толпу, и их призывы к порядку перекрыли крики ярости и ужаса. Один из Азориусов, возможно, что-то зачитывал, однако человек был всецело поглощен поисками кого-то среди зрителей. Затем его челюсть взорвалась болью, меч вылетел из руки, и человек рухнул на тело, отчаянно закрываясь от нового удара.

– Симонд Халм, я приказал Вам бросить оружие и подчиниться приказу о задержании в соответствии с законом номер один-один-четыре!

Симонд открыл глаза, услышав голос. Над ним стоял арестер с деловитым, кислым выражением лица, кулак в кольчужной перчатке сжимал дубинку. Симонд внезапно почувствовал вкус крови во рту, но он просто смотрел на арестера и улыбался.

Второй арестер вздернул его на ноги, и Симонд понял, что его конвоируют под присмотром полудюжины вооруженных солдат. Остальные офицеры Азориус рассредоточились вокруг места преступления. Зеваки выстроились вдоль улицы, глядя на то, как Симонда уводят в Камеру Задержания. Среди суеты толпы его внимание привлекла одинокая неподвижная фигура. Задержанный повернул голову. На коне восседал человек, закутанный в плащ, который скрывал пластинчатый доспех в золотой филигрании. Лицо всадника было скрыто шлемом, но забрало с одним, словно глаз циклопа, белым драгоценным камнем, безошибочно выдавало его принадлежность к гильдии Оржов. Взгляд Симонда был прикован к человеку, пока его не завели за угол. Он расслышал откуда-то сзади слово «должник», словно эхом донесшееся до его слуха, хотя и не был уверен в этом.

– Тысяча благодарностей за позволение предстать перед Вами, о великодушная Илона, – заговорил я, снимая шляпу перед тем, как театрально поклониться. Властительница Оржов приподняла одну бровь. Я склонился еще ниже, не желая оскорбить особу столь высокого статуса. Но ответа не прозвучало, и я остро ощутил ущемление собственного достоинства. Я выпрямился, прижал к груди шляпу, внезапно чувствуя себя неуклюжим.

Илона восседала на троне с высокой спинкой и пышными подушками, на верхней площадке подиума, который поднимался над уровнем пола на двенадцать ступеней. Ее силуэт обрамляла огромная арка, одна из тех, что вздымались за подиумом, и я знал, что мое присутствие здесь неуместно. Уголок рта сановной особы чуть приподнялся в кривой усмешке. Она сложила руки на коленях и секунду глядела на меня, напомнив мне кошку. – Твои пьесы развлекают меня, Симонд.

– Вы исключительно благосклонны, – выпрямившись, произнес я. – Я не могу и помыслить о более изысканном комплименте, чем осознания, что мои слова доставляют Вам удовольствие.

Улыбка Илоны стала шире. Она поднялась и сошла по ступенькам, остановившись на самой последней, смотря на меня сверху вниз. – Подойди же. Что я могу сделать для тебя?

– Я пришел к Вам, Илона, как к самой искренней покровительнице искусств, – начал я и водрузил шляпу обратно на голову, – потому что я хочу поставить пьесу. Видите ли, я написал сценарий по эпическому сказанию о Зандре, девочке, возглавившей Легион.

– Это драматическая история?

– Это рассказ, трогаящий душу, о храбрости и искуплении.

– Ты пишешь комедии, Симонд.

– О да, но это мой шедевр.

– Понимаю. Ты лишился поддержки.

– У них был узкий кругозор. Если в своем сердце Вы найдете...

– Тебе нужны деньги. Я поняла. - Она обернулась к пустому трону и позвала: – Лорд Казимир! – Некрупная серая фигура, украшенная золотой маской и такими же золотыми цепями, выбралась из-за трона. Лорд Казимир был траллом Илоны. Имя, которое она выбрала для личного тралла, выдавало склонность Оржовской сановницы к театральным эффектам; тогда я считал этот знак многообещающим.

– Принеси контракт, – отдала приказ Илона. – Этот человек, Симонд Халм, желает взять займы денег. – Лорд Казимир развернул пару кожистых крыльев и улетел прочь. – Три твои предыдущие пьесы имели положительные рецензии критиков и коммерческий успех. – Я кивнул, наслаждаясь ее осведомленностью.

Тралл вернулся несколько минут спустя со свитком пергамента, пером и чернильницей. Я взялся за перо. – Вы столь любезны, Илона, – произнес я.

– Это вложение на будущее. Ты берешь на себя долговое обязательство, – она протянула мне чернильницу. – Я намерена взыскать долг, и рабство не будет засчитано как выплата в этот раз. - Я окунул перо в чернильницу и поставил подпись.

Лорд Казимир проводил меня, и, когда дверь закрылась за мной, я услышал, как тралл прошептал, – Билагру придет за тобой.

Дверь камеры захлопнулась с грохотом, и щелчок задвижки, вставшей на место, эхом разнесся по каменному помещению. Камера была небольшой, с толстыми стенами. Три круглых окошка были прорезаны во внешней стене одно над другим, и каждое защищалось решеткой из переплетенных железных прутьев, предотвращая всякие мысли о побеге. За решетками угадывались отрезки бесконечного горизонта Равники. Симонд попробовал металл на прочность, но прутья не подавались. Он вернулся к двери и проверил и ее прутья. Прочно и основательно. Симонд приник к прутьям и уставился в коридор. По обе его стороны располагались камеры, предположительно, такие же, как у него. И стражники. Вооруженные стражники.

Присев в углу своей каморки, Симонд следил взглядом за искаженной узорчатой тенью решетки, которая тянулась по полу от света, приникавшего в нижнее окошко. День клонился к закату. Он был в безопасности.

Моя пьеса требовала реализма. На солдатах были настоящие, проверенные в бою доспехи. Я настаивал на том, чтобы все костюмы соответствовали заявленной эпохе.

И сцена. Двое Иззетских магов разработали и построили сцену, у которой, в финальной части, провалится пол, оставив лишь мост. На нем Зандра вступит в поединок с Демоном Шпилей.

Я так видел.

В ночь премьеры занавес открылся, и Зандра появилась на сцене со своими легионерами.

Я выглянул из-за кулис, надеясь разглядеть среди зрителей Илону. К моему ужасу, это было нетрудно. Занята была только четверть мест, а Илона восседала в своей ложе.

Неожиданно до меня дошло, до чего же дорогой была каждая деталь, и что именно я, в конечном счете, несу за это ответственность. На мне был долг.

Нужно было выбираться отсюда. Похоже, зрители хотели всего лишь комедии.

Я с трудом запахал в сумку доверху еды и одежды и прицепил к поясу меч. Затем я тихо открыл выход на улицу и шагнул наружу.

– Билагру идет за тобой, – раздался голос сверху. Я повернулся и увидел тралла, Лорда Казимира, примостившегося на выступе каменной кладки. – Билагру идет за тобой, – повторил тралл и добавил еще одно слово. – Должник. – Он ткнул пальцем, указывая на меня, и я помчался прочь.

Тьма, распространившаяся по камере, была непроницаемой. Когда Симонд проснулся, он, как слепой, пошарил вокруг себя вытянутыми руками, проверяя, не затаился ли кто-то или что-то во мраке. Он на четвереньках прополз по тесной камере. – Илону бы это позабавило, – подумал Симонд, и с его губ сорвался короткий истеричный смешок.

Глаза его приспособлялись к темноте, и обозначились очертания стен камеры, подтверждая, что Симонд и в самом деле был один. Ну, конечно, один. Обретя уверенность, он встал на ноги и прошелся по своему обиталищу. На это потребовалось три с половиной шага. На последнем, опуская ногу на пол, Симонд услышал резкий царапающий звук и замер. Он отскочил, но потом нагнулся и поднял с пола монету. Хоть он и не видел ее, но мог осязать чеканный диск с симметричными лучами солнца гильдии Оржов.

Мерцающий свет на мгновение отвлек Симонда. Он исходил из круглого окошка. Симонд медленно приблизился и скрючился на полу, заглядывая в нижнее окно. Он увидел перемещавшуюся туда-сюда фигуру, темный силуэт на фоне света. Она повернулась лицом к Симонду. Лорд Казимир тараторил на него. Затем Тралл заговорил. – Билагру придет за тобой.

Симонд впал в ступор от ужаса.

Возня за дверью камеры вывела его из оцепенения. Он резко обернулся. Стражники выкрикивали приказы. Трещали и вспыхивали и ярко-голубым светом заклинания Азориусов, озаряя на краткие мгновения охваченный паникой коридор. Несколько стражников пробежали мимо камеры Симонда. Крики других заключенных вливались в общий гам.

Слышался визг, и неумолимое, безжалостное: – Билагру придет за тобой.

Я бежал, не останавливаясь. Мои легкие горели. В голове стучало. Но я прокладывал себе путь вперед через задворки и закоулки, так хорошо мне знакомые.

Мне надо было сбежать как можно дальше. Очень далеко. Необходимо добраться до места, где Билагру не найдет меня. И Илона. И вообще никто из Оржов.

Я на полном ходу заскочил за угол, и, прежде чем смог изменить направление, я врезался в посыльного. Мы оба рухнули на мостовую, а его свитки разлетелись по улице. Я с трудом встал, и тут увидел, что столкнулся с ведалкеном. При обычных обстоятельствах это не привлекло бы моего внимания. Однако сейчас я огляделся и понял, где нахожусь. Это был Десятый Округ Азориус. Во внезапном приливе вдохновения я понял, как мне выпутаться. Я знал, где самое безопасное место, – куда не дотянется рука Оржов, – и как туда попасть.

Ведалкен все еще сидел посреди улицы, ошеломленный. Я протянул ему руку, чтобы помочь встать, и, когда он поднялся, я выхватил меч и всадил лезвие ему в грудь. Ведалкен попытался закричать, но голос подвел его, и он повалился на меня без признаков жизни. Я позволил телу упасть на мостовую и стал ждать аретеров, чтобы они забрали меня.

Спрятаться было негде, и Симонд вжался в дальнюю стену камеры. Его закрытые глаза были его единственным средством защиты. Наступила тишина. Тяжелые шаги слышались все громче. Вот они остановились. Ключ проник в скважину и повернулся. Замок открылся, и Симонд поднял веки. Дверь распахнулась. Билагру, весь в кровавых брызгах, в броне, заполнил собой дверной проем. Лезвия его обоюдоострого топора были скользкими от крови. Гигант пригнулся и осмотрел камеру. Когда он нашел взглядом Симонда, он увидел, как тот, весь сжавшись, сполз на пол.

– Симонд Халм, – заговорил Билагру, входя в каморку. – Ты задолжал Илоне из Гильдии Оржов.

Он занес топор. – Долги должны быть уплачены.

Жесткая продажа

Kelly Digges

Бартек с хрипом взгромоздил последний тяжелый деревянный ящик на повозку. Тяжело дыша, он прислонился к стене склада, пот градом струился по его лицу. Солнце было уже высоко, выше, чем он надеялся, и уже становилось довольно жарко.

Переведя дыхание, он накинул брезент поверх ящиков и крепко привязал его к телеге.

Босс Цифка, также покрытый потом, несмотря на то, что всю погрузку сидел в тени, обошел телегу, проверяя работу Бартека. Как обычно, он одобрительно кивнул. Бартек подрабатывал грузчиком у Цифки уже довольно давно, и знал, что было нужно торговцу. Среди прочего, Цифке было нужно, чтобы Бартек молчал о случайных несоответствиях печати на ящике и веса или звуков его содержимого. Бартек хорошо умел молчать. Цифка хорошо ему платил. Они отлично ладили.

После последнего узла, Цифка кивнул еще раз.

- Спасибо за помощь, - сказал он, как всегда, пожав парню руку. В его руке ощущался холодный вес монеты. Только самый фанатичный или неопытный страж закона стал бы вмешиваться в беспроцентную дневную работу, которая кормила весь рыночный район, но осмотрительность никому еще не вредила.

Бартек взглянул на монету, пряча ее с глаз. Это был ломаный одно-зиновик, более чем достойная плата за пару часов погрузочных работ. С ним богатство Бартека выросло до шести зино – четыре в кошельке, плюс по одному в каждой ботинке – вместе с восьмидесятью с лишним зибов и одеждой. Он шел пританцовывая. Забавно, как увесистый кошелек придает ощущение легкости.

Улица Жестянщиков была залита ярким светом и бурлила рыночными звуками и запахами теперь уже несомненного полудня. Коробейники кричали о шляпах, зельях и дюжине прочих вещей, запахи рыбы, фруктов, и сыров смешивались между собой в странных сочетаниях, а вербовщик Борос предлагал достойную плату сильным юношам – «Вот, как этот крепкий парень!» – сказал он, когда мимо проходил Бартек – желающим завербоваться в ряды воджеков. Бартек заторопился. Он знал, что случалось с «сильными юношами», останавливавшимися у таких вербовочных стендов, если у них находились неоплаченные счета. Он задумался, не для этого ли вообще здесь стояли эти вербовочные стенды.

- Украшения! – Выкрикнул один из торговцев, долговязый мужчина с хитрыми глазами. – Ты, там – у такого высокого парня, как ты, непременно должна быть девушка, сердце которой нужно покорить.

Бартек почти прошел мимо. Но чего стоили деньги, если ты не мог их потратить? Он подошел ближе, всем своим видом демонстрируя незаинтересованность, и осмотрел товары долговязого торговца. Большинство вещей были ему не по карману, но его взгляд задержался на тонком металлическом орнаменте, дешево сделанном, но с элегантной формой, он неплохо смотрелся бы в виде подвески на головной повязке или на ожерелье. Он указал на него.

- Сколько? – Спросил он.

Торговец осмотрел его с головы до ног своими хитрыми глазами. – Она твоя девушка?

Бартек покачал головой.

- Кто я такой, чтобы стоять на пути твоей любви? – Сказал мужчина и театрально вздохнул. – Один зино и забирай.

Бартек нахмурил брови. – Даю восемьдесят зибов, - сказал он. – Вещица красивая и все такое, но есть мне тоже нужно.

Торговец тоже нахмурил брови. – Я романтик, дружище, а не благодетель. Девяносто зибов. Это все, что я могу уступить.

- Восемьдесят, - сказал Бартек. – Пожалуйста.

Торговец сжал губы. – Ладно, - сказал он. – Восемьдесят зибов, и скажешь, что купил это у Имрича на Улице Жестянщиков.

Бартек улыбнулся. – Договорились. – Он выудил из кошелька восемьдесят зибов и протянул их мужчине. *Ровно шесть зино*, подумал он и сунул небольшую подвеску в карман.

- Это для твоей девчонки? – Пропищал голос за его спиной.

Он повернулся и увидел Нико, вороватого мальчугана, который, похоже, думал, что они были друзьями. Бартек нахмурился и положил руку на кошелек.

- Она не моя девушка, - пробормотал он и отправился дальше. – Ты разве не должен быть в тюрьме, или еще где-нибудь?

Нико не отставал от него, делая три шага на каждые два шага Бартека. Он действительно должен был быть в тюрьме за кражу и вандализм, но то же можно было сказать обо многих друзьях Бартека.

- Но она красотка, хм? – Спросил Нико.

- Ты бы не знал, что с ней делать, - сказал Бартек.

Ему было противно так говорить о своей подруге, но он говорил на языке Нико. *С бандитами говори, как бандит*, как-то сказала ему его мать, *а с леди, как джентльмен*.

Нико пожал плечами. – Уверен, она бы знала, что делать со мной.

Лицо Бартека вскипело.

- Заткни свой рот, - сказал он. – Или тебе заткну его я.

Нико пробежал перед ним и преградил дорогу. Бартек бы оттолкнул его плечом и прошел, но что-то в лице мальчишки заставило его остановиться. Он выглядел странным образом неподдельно озадаченным.

- Ты правда запал на нее? – Спросил Нико. – Тебя ждет разочарование. Она торговка, Бартек. Ее работа – флиртовать с тобой, чтобы ты почувствовал себя особенным. Ей нужны только твои деньги.

Теперь Бартек действительно оттолкнул Нико с дороги.

- Она знает, что у меня нет никаких денег, - сказал он, уходя прочь.

- Уверен, она бы лучше взяла твои восемьдесят зибов, чем эту глупую брошку, - сказал Нико, но уже не пошел за ним.

После долгих поворотов и изгибов, узких переулков и широких дорог, он оказался в гораздо более комфортном для себя окружении. Здесь люди смотрели лишь себе под ноги, и вот уже минут десять, как он не встретил ни одного арестера или воджека. Это была Проклятая Аллея. Его дом был в ее конце, но ему сперва нужно было заскочить кое-куда.

Невзрачная маленькая палатка стояла, покосившись на один бок, ее легко было не заметить, если вы точно не знали, что она там. И все же, это было гостеприимное местечко, и здесь всегда был интересный выбор... но не из-за него Бартек приходил сюда каждый день.

Ее звали Андра, и она была прекрасна, дружелюбна, с правильной речью,. Казалось, она каждый день мастерила разные наряды из разных обрезков – но каждый раз как-то модно, и не слишком скромно.

Когда он подошел, она болтала с женщиной в плаще, показывая обложку особенно дорого украшенной старинной книги. Не прекращая свою рекламную речь, она встретила глазами с Бартеком из-за плеча женщины и одарила его улыбкой, подобной полуденному солнцу. Он нервно сглотнул.

Вскоре, женщина в плаще приняла решение и выложила на прилавок больше денег, чем Бартек мог заработать за месяц, купив что-то, что она не сможет ни съесть, ни одеть, ни использовать в сражении. *Ровно шесть зино*, снова подумал он.

Женщина в плаще ушла, и Андра вновь улыбнулась ему.

- Бартек! – сказала Андра. – Я уже начала беспокоиться.

- Ух, - сказал он. – Прости.

Она рассмеялась.

- Знаешь, ты не обязан заглядывать сюда каждый день. Ты же занятой парень. Я бы поняла.

- Конечно обязан, - сказал он, ударив себя в грудь. – Я твой лучший покупатель.

- Постоянный уж точно, - сказала она.

Это была старая шутка. Он заглядывал к ней почти каждый день, но едва ли купил у нее хоть что-то за это время. Обычно он пытался заскочить, когда она только раскладывала товары, чтобы было не так неловко, за то, что он ничего не покупает. Простая правда состояла в том, что у нее было мало того, что он мог бы себе позволить. Андра знала это, и не торопилась его прогнать.

- У меня есть кое-что для тебя, - сказал он.

- Забавно, - сказала она. – Я собиралась сказать тебе то же самое. Ты первый.

Он осторожно вытащил небольшой орнамент и протянул его ей. Андра улыбнулась и приняла украшение, коснувшись своими пальцами его ладони. Она подняла и осмотрела подвеску в утреннем свете.

- Дешевые материалы, но прекрасная работы, - сказала она. – Кто-то с любовью относился к этому кусочку олова.

- Тебе нравится? – Спросил он.

- Она прекрасна, - ответила Андра. – Но, не думаю, что смогу тебе много за нее заплатить.

Он покраснел.

- Это.. в смысле, я купил это *для* тебя, - пробормотал он. – Это подарок. Купил у Иприча, или как там его, на Улице Жестянщиков. Он не продал бы мне ее, если бы я не пообещал сказать тебе, где я ее купил.

- Ты купил это для меня? – Спросила она.

- Ну, да, - сказал он. – Думаю, да. Она просто... напомнила мне о тебе.

- Простенькая, но неплохо сложена? – Сказала она, приподняв одну бровь.

Он снова залился краской, и она рассмеялась.

- Бартек, она прекрасна, - искренне сказала она. – Спасибо.

Она убрала волосы назад, нашла свободное место на своей бандане, и прицепила к ней подвеску.

- Как она смотрится? – Спросила она.

- Красиво, - сказал он. – Хорошо подошла.

Она закатила перед ним глаза. Когда он говорил ей комплементы, ей нравилось притворяться, что он шутит, или преувеличивает, или просто пытается смутить ее. Иногда это его расстраивало. В этот раз он был в слишком хорошем настроении.

- Ты сказала, что у тебя есть что-то для меня? – Сказал он.

- О, - сказала Андра. – Да, есть, но, боюсь, это не подарок.

- Я его и не ждал, - сказал он.

Она достала из-под прилавка обернутый тканью сверток.

- Я припрятала это для тебя, - сказала она. – Я знаю, ты на мели, но мне он достался дешево, и я хотела, чтобы ты на него взглянул. Он просто... напомнил мне о тебе.

Она развязала сверток и протянула ему кинжал тонкой работы с изящно изогнутым лезвием. Метал был темным, почти черным, и гладко отполированным. Это был роскошный клинок, правильного размера – довольно небольшой, чтобы носить его открыто и не выглядеть наемным убийцей, и достаточно крупный, чтобы окружающие слегка занервничали.

Его сердце сжалось. Он никогда не сможет позволить себе нечто подобное.

- Пять зино, - сказала она. – Специальное предложение для лучшего покупателя.

- Ты серьезно? – Спросил он. – Он явно стоит вдвое дороже.

- Как я сказала, мне он достался дешево. И я правда думаю, что он будет на тебе отлично смотреться.

Ей нужны только твои деньги, звучал в его голове голос Нико. Но она, возможно, могла получить за него и двенадцать зино, если бы не торопилась. Это были большие деньги, чтобы отказываться от них лишь ради того, чтобы обчистить лично его.

Вывод оставался один: она действительно предлагала ему дружескую сделку. Он нервно сглотнул.
Ровно шесть зино.

- Примерь, - сказала она, протягивая ему кинжал.

Он взял клинок и аккуратно вложил его за пояс. Он ощущался приятно – тяжелый, но не слишком. Бартек попробовал его вынуть. Метал был гладкий, и изгиб лезвия был настолько изящным, что совсем не препятствовал быстрому извлечению оружия. Он снова вложил кинжал за пояс.

- Как он смотрится? – Спросил он.

- Ослепительно, - сказала она. – Круто. Немного опасно. Он очень тебе подходит.

Он закатил глаза.

- Ну, это уже перегиб, тебе не кажется?

- Бартек, я серьезно, - сказала она. – Он правда очень хорошо на тебе смотрится.

Он снова залился краской.

- Договорились, - сказал он. – Пять зино. Я разорюсь, но хоть буду выглядеть круто при этом.

Он выудил один зино из правого ботинка и высыпал четыре монеты из кошелька на прилавок.
Остался один зино, подумал он.

Одним плавным движением она смахнула монеты и улыбнулась.

- Спасибо, - сказал он. – Может, это и не подарок, но ты не обязана была это делать.

- Неа, - сказала она. – Но мне этого хотелось.

Он широко улыбнулся.

- Ну, я пойду, - сказал он. – Меня еще много всяких важностей ждет.

- О, да, - сказала она. – Ты занятой парень. Я понимаю.

Он в последний раз сверкнул улыбкой и направился домой. И если в его шаге чувствовалось немного хвастовства, можно ли было его за это винить?

* * * * *

Стояло раннее утро, первые лучи рассвета прокрадывались в переулок, когда солнце выходило из-за окружающих зданий. Андра присвистывая раскладывала товары в своей лавке, высматривая Бартека.

Она только успела все разложить, когда заметила его высокий силуэт среди редких утренних прохожих. Сегодня он был вовремя.

Над одним глазом у него красовался большой синяк, и изысканного кинжала нигде не было видно. Похоже было, что он мог в спешке пройти мимо нее, но она поймала его взгляд и помахала рукой, и он подошел к ее маленькой лавке.

- Бартек! Что случилось? – Спросила она. – Ты в порядке?

- Поправлюсь, - сказал он. Его голос звучал жутко уставшим. – Пара парней набросились на меня прошлой ночью, по пути на работу. Треснули меня по голове, прежде чем я успел на них посмотреть. Не могу сказать, что им много чего досталось, но они забрали мой новый кинжал.

- Мне так жаль, Бартек. – Вздохнула она. – Слушай, я обычно так не поступаю, но если ты хочешь вернуть свои пять зино...

Он покачал головой.

- Это не твоя вина, - сказал он. – Сам виноват, что потерял.

- Мне так жаль, - сказала она. Он устало кивнул.

- Я выкручусь, - сказал он. – Будь осторожна с теми, у кого покупаешь, ладно? Думаю, этот кинжал был краденным, и эти парни пришли его забрать. Они ведь могли и тебя поколотить.

- Ты такой милый, - сказала она. – Я буду осторожной.

- Пойду отосплюсь, - сказал он. – Пусть у тебя будет хороший день, ладно?

- И у тебя, - сказала она.

Андра проводила его взглядом. Он был еще ребенком, но невероятно милым для бывшего бандита.

Посетителей пока не было, поэтому она села за прилавок, достала бумагу, чернила, и перо и начала писать зашифрованное послание своему начальству.

Предмет уже у третьей стороны. Свяжитесь, если желаете знать подробности.

Она не знала был ли этот кинжал орудием убийства, ворованным или каким-то еще, и она не хотела этого знать. Все, что она знала, это то, что Дом Димир желал, чтобы он был продан кому-то конкретному, и они не хотели, чтобы между его новым владельцем и ей прослеживалась связь.

Курьер выжил, но остался вневедени о своей роли в доставке.

Это был ее любимый трюк: продать кому-нибудь нелегальный предмет, затем организовать его кражу настоящими покупателями. Это обрывало все нити, ведущие к ней, но главное, ей платили дважды за один и тот же товар. Обычно, курьер проигрывал в сделке и дела его были плохи, но на этот раз, она попросила покупателя оставить парня в живых. Она с облегчением увидела лицо Бартека, хоть и таким потрепанным.

Прибыль по первичной продаже: 20 зино. Прибыль по вторичной продаже: 5 зино. Ценность дополнительных товаров, обретенных в процессе вторичной сделки:

Она повертела пальцами свою маленькую подвеску на бандане и улыбнулась.

незначительная.

Она подула на чернила, просушив их, сложила письмо, и убрала его с прилавка.

Он и вправду был милым парнем.

За черным солнцем

Adam Lee

Пламя свечи замерцало.

– Я – врата в жизнь, – произнес священник. Танцующий свет прибавил сверхъестественной серьезности его словам.

Священник улыбнулся, заметив неосознанную реакцию, которая, должно быть, промелькнула на моем лице.

– Большинство смотрят на меня косо, когда я говорю им это. Вероятно, потому, что я ношу Оржовское одеяние, а все верят в преувеличенную клевету в адрес нашей Гильдии. Мы не настолько эгоцентричные и жадные, – священник вздохнул. – Невежды всегда предполагают самое худшее, мне кажется. Людьюми легко управлять при помощи бездумной страсти или намеренной хитрости, Вы так не считаете?

– Думаю, да, – согласился я. – Но Вы должны признать, что Оржов известны далеко не как честные игроки.

Священник откинулся назад в кресле, повернул кисти рук ладонями кверху и пожал плечами. – Мы все подробно расписываем. Все детали перед глазами. Люди просто не читают мелкий шрифт, прежде чем ставить подпись.

Я чувствовал, что собеседник занял оборонительную позицию, и корил себя за то, что позволил себе высказать собственное мнение. Было довольно сложно обнаружить доказательства существования этого ордена, уж не говоря о том, чтобы получить аудиенцию с одним из его представителей. Я чувствовал, как годы моей работы буквально крошатся в моих руках. Придется проглотить гордость и собственное мнение, если я собирался добиться чего-то от этой беспрецедентной возможности.

– Именно так. Люди зациклены на том, чего им хочется, и у них редко есть терпение подождать и оценить все до того, как потворствовать своим желаниям.

Это, кажется, вернуло расположение священника.

– Мало кто может увидеть в этом истину, и я рад, что Вы ее видите. Мой выбор, давать ли Вам сведения о нашем ордене или нет, зависит от того, будете ли Вы смотреть на него с открытым разумом. – Он налил вина в золотой кубок и предложил мне, но я вежливо отказался. – Оржов весьма ценят терпение. Эта добродетель преподается нам с того момента, как мы начинаем службу Гильдии. Задание, для которого нас избрали, требует не только терпения, но также преданности, доверия и самоотверженности. Наше дело, наше призвание – сложить головы за Синдикат. У нас есть нечто большее, нежели простые материальные ценности Гильдии. Мы – врата, через которые способно явиться нечто большее, чем мы сами.

Вот мы и подошли к главной теме. Меня всегда завораживало, как истинная вера способна одержать верх над врожденным желанием сохранить свою жизнь – нашим инстинктивным эгоизмом. Воджек Борос, приносящий себя в жертву, ради выживания невинных, всегда был для меня загадкой, беглым взглядом на иную систему ценностей, которая пролегает глубоко и действует за пределами нашего критичного, поглощенного самим собой рассудка. Для Борос и Селезнии проявление подобного поведения казалось естественным, но для Оржов? Подобные слухи относительно Гильдии Сделок показались мне нелепыми.

Теперь я узнаю о таинственном культе в стенах Синдиката, и задокументирую критический момент времени в этом замкнутом мире, окутанном мифами и домыслами.

Священник опустил кубок на стол и встал.

– Пройдемте в святилище.

* * * * *

Мы вошли в помещение с высоким потолком, где пахло древесными благовониями и горящими факелами.

Одеяние священника взвивалось вокруг его тела и кружилось у тяжелых золотых дисков, свисавших с его ворота, как густой дым. В неверном свете факелов я мог различить огромный символ гильдии Оржов на полу, выложенный крупными каменными плитами. Священник опустился на колени в центре круга и указал мне присесть на небольшое креслице без ручек на некотором удалении от него. Как только я достал перо и бумагу, он начал повествовать, и голос его эхом разносился во мраке.

– Наш орден представляет чистейшие идеалы Оржов, и потому столь немногие из нас избраны. Мантия ордена слишком тяжела для большинства, но я обнаружил, что, после того, как меня отобрали, моя жизнь озарилась великой целью. На сегодняшний день, цель эта – самое главное мое устремление.

В этот момент двое священнослужителей с закрытыми капюшонами лицами вышли под свет факелов, словно молчаливые призраки. Один из них поставил перед священником свечи и зажег их при помощи длинных спичек. Второй расположил перед ним несколько чаш, в которых лежало что-то тяжелое. Я понял это по тому, с каким глухим звуком они стукнули об каменную плитку. Затем служители удалились так же молча, как и явились.

Из складок одеяния священник извлек стеклянную трубку с крышечками на обоих концах, висевшую на золотой цепочке. В ней клубился беспокойный белый дымок, неким образом казавшийся живым.

– Это Смертный Договор, – произнес он, глядя на трубку. Свечение из нее играло на лице священника, как солнечные отблески на воде. Он заворожено всматривался в глубину трубки. Зловещий отсвет делал и без того бледные черты лица священника еще бледнее, от чего чернота его глаз стала преувеличенно обсидиановой; он был подобен призраку цвета слоновой кости, размышляя над клубящейся глубиной субстанции в трубке. – В честь него назван наш священный орден. Сложно представить себе, что в этом маленьком цилиндре находится столь могущественная сила.

Священник снял тонкую трубку с цепочки и благоговейно положил ее перед собой. Затем он снял крышки с золотых чаш и выгреб из них по пригоршне монет, которые разбросал по полу. От звука разлетевшегося по залу, я почувствовал себя внутри гигантского колокольчика. Мрачное, первобытное предчувствие поднялось во мне, и мои руки и ноги затекли.

О какой силе он говорит? Это опасно для меня?

Я инстинктивно отшатнулся от священника и с трудом подавил порыв сбежать из зала. Я глубоко вздохнул, когда он продолжил говорить, и записывал своим пером каждое слово, несмотря на свой ужас. Привычку писца, – знание любой ценой, – нелегко подавить.

Я размышлял, какую роль выполняли эти монеты, если они вообще служили для чего-то, но я не решался прервать ритуал вопросом. Это было бы грубо. Кощунственно. Я указывал в записях любую деталь, какую только мог, а священник жестикулировал и бормотал все чаще. Его транс медленно углублялся, царапанье пера по бумаге казалось мне помехой ему, но упустить какую-либо подробность было страшнее.

Внезапно священник затих.

Спустя несколько долгих мгновений, в которые слышался лишь звук горения факелов, он прошептал:

– Я готов.

Затем он открутил одну крышечку от трубки.

Мой мозг бешено метался в ожидании. *Готов к чему? Что сейчас произойдет? Каким секретам я стану свидетелем?*

Сначала это казалось обманом разума, но потом...

Вихрящийся дымок осторожно, как живое существо, выполз из трубки. Священник сделал несколько долгих, глубоких вдохов, когда белый дым витал вокруг его лица. Он толкнул священника в грудь, тот невольно дернулся, но держал глаза закрытыми. Дымок обвил его шею, и, когда снова потянулся к лицу, скользя снизу вверх к носу священника, я разглядел ониксово-черную прядку в нем. Она была похожа на тонкий потек смолы и блестела в свете факелов. Сбивчивая молитва священника оборвалась, как только он вдохнул носом. Дымок, как будто услышав звук дыхания, нырнул в ноздри человека и пропал. Священник издал придушенный звук и согнулся пополам.

Я вскочил с места, но мой рукав смахнул чернильницу, и она лязгнула об каменный пол. Чернила брызнули в факельном свете, как черная кровь. Я подскочил к священнику, который корчился на полу, и перевернул его. Он вцепился в свой золотой ворот, лицо его превратилось в мешанину из лиловых вен и посиневшей плоти. Я позвал на помощь. Все, что я услышал – многократное повторение моего голоса по огромному залу.

Затем черный дым повалил изо рта священника. Это сразу же напомнило мне о химическом огне Иззетов, который я наблюдал несколько лет назад.

Голова его запрокинулась, шея выгнулась назад, и священник мгновенно застыл. Дым все еще вытекал из его носа и ушей и начал обретать форму прямо передо мной. Я отшатнулся, прикрывая лицо рукавом.

Тело священника съеживалось и усыхало на моих глазах, из него исходили плотные белые испарения. Они образовывали человеческую фигуру. Руки, ноги, голова и тело складывались в цельный образ величественной женщины, с кожей, как алебастр. Черный дым сформировал два гигантских крыла у нее за спиной, а клубы белого дыма облачили ее в подвижное одеяние. Золотые монеты и их золотые вместилища превратились в лужи жидкого металла, которые создали сияющие доспехи и массивное изогнутое острие косы. Действие разворачивалось перед моим неверящим взором в мистическом акте сотворения, и все, что я мог сделать – смотреть в лицо неземному созданию, которое внимательно разглядывало меня, бесстрастно, но с крайним любопытством.

Она протянула руку, и ее бледные пальцы сомкнулись на древке косы, точно в то мгновение, когда последние струйки дыма свернулись в черное дерево.

Ангел сжала кулак свободной руки, будто проверяя, как работают пальцы, взглянула на свою блестящую броню и затем оглядела окружающую обстановку. Я застыл на месте. Я не хотел шевелиться, чтобы не вызвать ее гнев, но и оставаться здесь я тоже не желал.

Она взмахнула крыльями из вороновых перьев и повернулась ко мне лицом к лицу.

– Ты. Писец Оржов. Запиши это. - Хоть это был почти шепот, ее голос прорезал воздух, как лезвие бритвы. Спустя мгновение колебания, я нашарил мою рукопись, перо и опрокинутую чернильницу. К счастью, в ней осталась пара капель.

– Я пришла из призрачных залов Обзедата с посланием к Таисии Карловой. Лабиринт – это нечто большее, нежели то, что мы о нем знаем. Таисия Карлова должна найти верный путь и преодолеть лабиринт любой ценой.

Таисия Карлова

Adam Lee

Они правили слишком долго.

Таисия опустилась в свое любимое, сделанное из Утварского черного дерева кресло и позволила себе ненадолго погрузиться в богохульные мысли. Она наслаждалась ощущением того, как они зарождались в ней – волнующая смесь святотатства и свободы.

Конечно, ее подстерегала опасность. Обзедат дал ей титул верховного посла, но Таисия прекрасно осознавала, что сделано это было лишь с тем, чтобы они могли пристальнее следить за ней – непрерывно испытывая ее лояльность и занимая все ее время бесконечными «официальными делами». Таисия была знакома с правилами этой игры и понимала, что на стороне смертных она не могла обрести большого влияния до того, как почувствует натяжение призрачных нитей Обзедата, затягивающих ее в их владения. И Таисия уверенно увеличивала свою власть. Она чувствовала натяжение их нитей все чаще.

Она была сыта по горло этими мертвыми стариками.

На ее рабочем столе лежал *Манифест поколения о Будущем гильдии Оржов*. На этот древний том не садилось ни пылинки с тех дней, когда она еще была молодым адвокатом. Таисия неоднократно перечитала его от корки до корки, но в этот раз она прочла его в новом контексте. Слова обрели совершенно иной смысл. Глаза Таисии были раскрыты; она уже не была амбициозным молодым адвокатом, вошедшим в мир власти и лжи. В последнее время Таисия начала рассматривать себя, как альтернативу текущей власти для чего-то нового в гильдии Оржов, и это наполняло ее разум глубокими убеждениями, верой и новыми идеями. Она хотела вспороть гильдию и придать ей новый вид, новое обличие власти, невиданный ранее в Равнике.

Она подняла тяжелую книгу и открыла ее на цитате, не выходившей у нее из головы последнее время.

Свобода от земной привязанности смертных к мещанству и богатствам позволяет членам Обзедата преследовать истинное и священное могущество, не скованное мирскими заботами. Так почему же они все равно продолжают гнаться за деньгами с прежним рвением?

—Аноним

Простые, но смелые слова, которые в результате привели к травле и казни «Анонима». За пределами элиты Оржов никто не знал всей истории, но те, кто входил в семьи гильдии знали, что Анонимом была аристократка по имени Тиана Жарик. Жарик была известной среди элиты Оржов своими высказываниями против Обзедата. Поначалу это приписывали эксцентричности Оржовской крови Жарик, и ее знатная фамилия оберегала ее, пока она не начала публиковать критические очерки в адрес призрачного совета. Эти очерки и ее отказ прекратить их публикацию привели к ее задержанию, суду, и публичной казни через дезинтеграцию на Форуме Оржовы.

Таисия заплатила небольшое состояние золотом и услугами своему надежному связному в Димир за то, чтобы тот тайно добыл редкие и провокационные записи Жарик. И они вошли в коллекцию Таисии, спрятанные глубоко, под замком и несколькими мощными магическими оберегами. Располагать словами Жарик означало быть виновным в тех же преступлениях, за которые она была казнена. Но Таисии давно уже было безразлично то, что с ней мог сделать Обзедат, и она начала концентрировать свой острый разум на том, что она могла сделать с ними.

* * * * *

Лабиринт.

Пару дней назад Обзедат использовал Смертный договор, чтобы доставить ей сообщение. Перепуганный писарь выложил это сообщение Таисии, находясь в круге истины. Таисия слушала его с напряжением кошки, следящей за мышьиной норой. Этот лабиринт для Оржов начинался как мимолетное любопытство к очередной странной одержимости Иззет, за которой следовало наблюдать, но не принимать всерьез. Таисия чувствовала, как эта новая информация могла изменить правила игры. Лабиринт становился чрезвычайно важным, он был чем-то таким, чего Обзедат не планировал. И она это знала.

Величайшая слабость Обзедата заключалась в том, что он состоял из призраков, ведущих материальную игру – им нужен был кто-то по другую сторону занавеса, кому они могли бы доверять дела огромной важности. До сих пор Таисия была их вынужденным решением. Она чувствовала их раздражение от необходимости озвучивать Таисии крайнюю необходимость прохождения лабиринта и раскрытия его древнего секрета. Будет ли это безграничная власть? Несметные сокровища? Право на правление Равникой? Таисия знала, что Обзедат был не на шутку взволнован тем, к чему все это могло привести; лабиринт был недостижим для них, а время шло. Таисия была их лучшей ставкой для прохождения и разгадки лабиринта. Теперь у нее было преимущество – у нее было что-то, чего желал Обзедат.

Выглянув на улицу со своего балкона, она не могла сдержать ухмылку от удовольствия.

- Слабник, - позвала Таисия.

Ее тралл прохрипел и поклонился своей госпоже.

- Вышли гонца и приведи ко мне в кабинет Мастера Тажика из Легиона Борос.

* * * * *

Тажик сидел в кабинете Таисии. Стук ее трости о плиточный пол возвестил о ее прибытии. Когда Таисия вошла, рыцарь Борос встал и улыбнулся, его белые зубы казались хищными на фоне смуглой кожи и черной бородки. Он предложил Таисии руку, помогая ей сесть в кресло. Его рука казалась выкованной из стали.

Таисия видела, как его глаза мельком осмотрели окружающую обстановку. Она чувствовала интеллект Тажика, но также явно ощущала, идущую от него опасность. Хотя Таисия вовсе не была воином, она полагала, что Тажик мог разорвать на куски охранников, стоящих за дверьми в кабинет, равно как и любого другого в ее имении, если он того пожелает.

Таисия жестом предложила Тажикуну сесть. – Я перейду сразу к сути. Я знаю, что Вы человек слова, Тажик, и безусловная честность, это то, что я ценю превыше всего – денег, земель, и даже власти. Мы оба знаем, что честность это сила, и тот, кто бесчестен, не обладает силой.

Глаза Тажика сверкнули. Ему нравилась эта аристократка Оржов; она была бойцом и прорицательницей. – Вы всегда были другом для Борос, Таисия Карлова, даже когда наши гилдмастеры не смотрели друг другу в глаза. – У него был тяжелый акцент, и он произносил его с упорством, которое, несомненно, докучало его преподавателям по дикции в Академии Борос. –

Ваши усилия в лечении Куга Мота, восстановлении Утвары, свержении Зомажа Хока, создании нового *Пакта Гильдий* – все они говорят о вашем характере. Я знаю, Равника для Вас не просто потребительский рынок.

- Я рада, что Вы смотрите на меня без привычного цинизма. – Таисия отпила глоток чаю. – Большинство даже не способно представить меня в роли обычного человека, не говоря уже о том, что бы допустить мысль, что я способна бескорыстно печься о благосостоянии нашей столицы. – Таисия взглянула на рыцаря поверх края чашки.

Тажик подался вперед в своем кресле. – Я знал, что Вы цените закон и то, что он значит для Равники. Поэтому я принял ваше приглашение сегодня. – Он откинулся назад. – Я должен быть честным с Вами, Таисия Карлова, я всегда восхищался Вашей смелостью на расстоянии, но теперь, находясь рядом с Вами, я чувствую, что сделало Вас великим лидером. – Тажик произнес эти слова без малейшего намека на лесть или коварство; Таисия почувствовала легкий румянец на щеках.

- Вы делаете мне честь, Сэр. – Она сделала застенчивый глоток чаю.

- Я знаю, что воодушевляет людей, - прозаично сказал Тажик.

В воздухе повисла долгая пауза. Они оба сидели в тишине, попивая чай, Тажик с выражением сфинкса, не выдающим никаких эмоций, и Таисия, думающая о том, что это, вероятно, самый необычный командующий Борос, которого она когда-либо встречала. Он превосходно подходил для задания. Это был человек, который мог бы помочь ей в достижении ее цели.

Таисия сделала вдох, такой, какой делают перед тем, как открыть дверь, откуда нет возврата.

- Я бы хотела организовать с Вами альянс. Особый союз, требующий полной отдачи и верности.

Тажик улыбнулся, словно он ждал этих слов от Таисии. – Вы хотите, чтобы я помог Вам пройти лабиринт и вырвать главный приз из ненасытных лап Нив-Миззета? С удовольствием.

- Нет, - сказала Таисия. – Я хочу, чтобы Вы помогли мне уничтожить Обзедат.

Рурик Тар

Jennifer Clarke Wilkes

- Почему стражники всегда выглядят такими удивленными, когда мы их бьем? – спросил Рурик.
- Думаю, они ожидают подкупа, - сказал Тар.

Рурик отбил своим огромным кулаком поток огненных стрел. – Ты сказал, это будет легко.

- Нет, это ты сказал. Ты всегда говоришь, что с ними легко. – Проворчал Тар, с усилием переворачивая колесницу.

- Ну, эти ребята, должно быть, этого не слышали, потому что они сражаются по-настоящему.

- Правда? Не заметил. Так, у тебя есть план?

- Почему сразу у меня? Это ты всегда был маминим любимчиком, со всеми ее сказками, сюсюканьем и прочим. Разве у Древних нет на все ответов?

- Ты маму в это не впутывай. Тебя разве папа не научил никаких боевым фокусам? Или его Клан Камнетесов не такой уж крутой?

Несколько копий отскочило от груди громадного огра, одно из которых, едва не угодило в большую голову.

- Ой! Это было уже близко. Нам пора пробиваться отсюда, - выкрикнул Рурик.

- О, ну, конечно, у тебя на все один ответ. Нам нужна стратегия.

- Ууух, какое длинное слово. Тебя мама ему научила?

Отряд закованной в доспехи пехоты с треском врезался в громадную фигуру Рурик Тара. На несколько мгновений, воздух наполнился лязгом, воплями, и тяжелыми ударами. Затем наступило мгновение странной тишины.

- Здесь слишком много этих ребят из Борос для нас. Мы тут не пройдем.

- Мы их сделаем. Ты что, цыпленок?

- Кто-то сказал «цыпленок»?

- Это ты сказал?

- С чего бы мне это говорить?

- Это я сказал. Я здесь.

Рурик и Тар оба посмотрели в сторону. Затем одна голова запрокинулась, чтобы посмотреть сзади, пока вторая наклонилась вперед.

- Эй! Тут за нами какой-то мелкий парнишка. Что ты там делаешь внизу, малыш? – Спросил Тар.

- Шпионишь за нами, а? Мы тебя раздавим, в землю влипнешь! – выкрикнул Рурик.

- И вы тоже влипли? Может, мы договоримся, - пропищал одетый в лохмотья гоблин. Пара пластин помятого, опаленного металла прикрывали его изорванную форму.

- Ха! – Усмехнулся Рурик, отбрасывая в сторону очередной отряд пехоты своей массивной рукой-топором. – Такой крошечный выскочка, как ты? Что ты можешь сделать такого, чего мы не сможем сделать лучше тебя?

- Может, я и мелкий, но у меня большие идеи. Огромные. – Коротышка выпятил свою костлявую грудь и сплюнул кровью. – Все равно не похоже, что вы побеждаете.

Тар поморщился. – А вы? Какие планы придумали вы, уличные крысы? Удушить врага своей вонью?

- Смешно, - хрюкнул гоблин. – Короче, я кое-чѐ знаю. Больше вас, клянусь.

- Да? – Переводя дыхание, сказал Рурик. – Так чего ты торчишь здесь, я не бежишь выигрывать?

- Заткнись, - сказал Тар, давя кулаком пару боевых псов. Визги эхом разнеслись по площади. – Может, этот парниша сможет помочь.

- Да, точно! Побольше уважения. Мы, Иззеты обнаружили Лабиринт, в конце концов. – Гоблин скрестил руки, смотрясь настолько грозно, насколько только был способен тощий вонючка четырех-футов-росту.

- Так ты их бегун?

Гоблин сник. – Они выбрали другого. – Он поднял непреклонный взгляд. – Но я могу найти путь также, как любой другой. Я просто, типа... застрял здесь.

- И тебе надо, чтобы мы тебя вытащили. Нам с этого что? – Нахмурился Рурик, затем отмахнулся от клина орущих воздушных 'джеков, окропив ближайшую стену кровавыми кляксами. – О! Один меня все же задел.

- Меня зовут Хлюп. Я вот, что пытался сделать – это мое последнее изобретение, - гоблин ткнул пальцем металлическую пластину размером побольше, которая брякнула о брусчатку и закачалась на ней. – И оно работало! Только были не большие проблемы с посадкой.

- Так, как это должно помочь нам? – Тар поморщил губу. Это выражение было трудно распознать на фоне порезов и шрамов его шишковатого лица.

- Хо, брат! Что это за штуковину они катят сюда теперь? – Рурик мотнул своей громадной головой в сторону солдат Борос.

- Булыжники мои. Это ж баллиста.

- Чего из-ста?

- Боевая машина. Швыряет большие копья, - сказал Тар. – Большие, как деревья.

- Я не боюсь деревьев.

- Ну, эти деревья кусаются. Нам надо остановить эту штуку, пока она не остановила нас.

- У меня как раз есть на это билетик, крепыши, - пропищал гоблин. – Я помогу вам. Вы поможете мне. Чё скажете? Договорились?

Рурик и Тар громко и обидно захохотали. – О, конечно, мы тебе будем очень благодарны, когда... - начал Тар, - ты спасешь нашу шкуру, - закончил Рурик.

- Вы поможете мне взамен. Все, что попрошу. Когда захочу. И цыпленка. Нет, двух. Хорошо?

- Ага, да, давай применяй свой могучее гоблинское заклинание.

Маленький Иззет плюнул на ладони и потер худощавые руки. – Смотрите.

Хлюп бросился между толстых, как стволы деревьев ног огра, и юркнул под щиты надвигающегося батальона солдат, не сводящих глаз с Рурик Тара. Вскрабкавшись на осыпающуюся стену, Хлюп прыгнул на спину громадного закованного в броню боевого животного. Затем гоблин вытащил металлический шип из потайного кармана и вонзил его в макушку зверя за секунду до того, как спрыгнуть с него.

Посыпались искры. Боевой гигант пошатнулся, взревел, и повернулся к своим сородичам. Последовало еще несколько мучительных стонов, вместе в треском дерева и скрежетом кованного металлического бандаж. Солдаты бросились врассыпную, когда спятившие громадины вырвались из своего строя, протопали мимо, и исчезли в переулках.

Массивное боевое орудие начало рушиться со странной грациозностью, медленно заваливаясь на бок. Несколько колес скрипя повернулись. Прошло несколько мгновений. Затем все устройство взорвалось, окутанное пламенем.

- Как это произошло? – Воскликнул Тар, прищуриваясь.

- Кому не плевать? – Заорал Рурик. – Пошли!

Громадное тело огра ринулось к воротам гильдии через всю площадь, переступая пылающие руины и закованные в доспехи тела, разбросанные по мощеным камням.

- Куда делся этот коротышка? – Рурик выискивал взглядом гоблина, мотая головой, пока его бивни не ударились о затылок Тара.

- Я здесь! – раздался голос позади них. Гоблин прыгал на плечах огра, между двумя головами, придерживаясь для равновесия за бивень Рурика. – Говорил же, что могу помочь.

- Эй! Пусти! – Взревел Рурик, резко маша головой.

Гоблин пищал, но держался крепко. – У нас д-д-договор. Вы обещали.

- Да, обещали, - сказал Тар. – И ты свою часть выполнил. Теперь можем отметить эти ворота. Ты тоже, если хочешь.

- Конечно! Но это не считается помощью мне. Это вам бесплатно досталось. Вы все еще мне должны.

- Ага, да, - пробормотали обе головы.

- Где мы тут тебе найдем цыпленка? – Проворчал Рурик.

* * * * *

- Сколько уже?

- Посмотрим. – Рурик загнул свои мясистые пальцы. – Три... плюс, эм, два?... и еще одни. – Он поднял свою руку-топор.

- Ну, восемь?

- Типа того.

- Шесть, - слышался тоненький голос.

- Скоро найдем правильные.

- Что тогда будем делать?

- Что и всегда.

- Разобьем! И выгребем сладости. – Рурик сделал рубящий жест.

- С вами так весело, ребята! – Хлюп пропищал из своей новенькой походной корзины, перекинутой у овра за плечами. – Мы точно обыграем всех бегунов.

- Сколько нам еще носить эту штуку с собой? – Заныл Рурик.

- Пока не победим, конечно, - ответил Тар.

- Эй, парни, я тут подумал – вы реально можете улучшить этот ваш топор. У меня есть пара идей. Авто-рубка. Может, пара других насадок.

- Не обращай внимания. Можно он сам уйдет. – Рурик Тар устало побрел дальше.

- Эй, ребята? Знаете, мы с вами крутая команда.

- Ребята?

Невероятная история Баррина

Adam Lee

Баррин Гревик не мог понять, почему этот странный человек в плаще с капюшоном проявил столько интереса к камню с непонятной резьбой. Камень этот отмечал собой угол его лавки и одновременно пересечение Улицы Жестянщиков с боковым переулком.

Баррин вспомнил, что заметил неизвестные символы на камне еще в детстве. Тогда он сопровождал своего деда на рынок, где тот продавал коврики для пола, медную утварь и прочие ремесленные товары. Уже многие поколения семейства Гревиков были торговцами, и владели одним и тем же местечком на Улице Жестянщиков, сколько они себя помнили.

Этот угловой камень был здесь всегда, но часто его закрывали рулоны ковров или пирамиды ящиков с мелким барахлом на продажу. Порой какой-нибудь случайный прохожий обращал на него внимание, или же приезжий задумывался о его назначении. Но на самом деле ответа никто не знал. Мать Баррина говорила, что так увековечили открытие Улицы Жестянщиков. Таким образом, камень считался пугающе старинным, и Баррина это объяснение более чем устраивало. Его не интересовала древняя история Равники, или причудливые магические ритуалы Гильдий; он лишь хотел получать основательную прибыль, чувствовать свое превосходство над другими, хорошо есть, и игнорировать положение дел тех, у кого эти самые дела идут менее удачно.

Вот почему что-то с этим незнакомцем было не так. Он нарушил тщательно выстроенный покой и заставил Баррина почувствовать тревогу. От человека в капюшоне просто-таки несло неприятностями, теми, которые угрожали благословенному порядку его торговли.

– Я могу Вам помочь? – торговец расслышал легчайшее раздражение в собственном голосе и решил, что это его устраивает. В конце концов, он и был раздражен.

Как только незнакомец взглянул на Баррина, тот почувствовал, что недовольства в нем стало меньше, а вот беспокойства – больше.

По своему личному опыту Баррин знал, что большая часть народа на рынке редко смотрела в глаза друг другу, и все общались, как через стену, посредством норм поддельного этикета. Баррин и сам так себя вел. Но человек в капюшоне глядел прямо ему в глаза, удерживая его, словно в тисках. У торговца не хватало слов, чтобы описать свои ощущения, но волна эмоций и мыслей проходила где-то между смущением и ужасом.

– Да, – произнес незнакомец. – Этот камень. Ты знаешь что-нибудь о метках на нем?

Баррин собрался было послать молодого человека подальше, но внезапно обнаружил, что излагает ему историю этого камня, не упуская ни единой детали семейных обсуждений его появления и возможных значений символики. Торговец даже поведал незнакомцу о теории его пра-дядюшки Эштовара, гласившей, что камень заложили Азориусы вскоре после подписания первого Пакта Гильдий. Конечно же, дядюшка Эштовар был безумен как Иззетский магистр, но это не остановило Баррина от пересказа и этой части фамильного предания. Его что-то заставляло не пропускать ни слова, и, через некоторое время, Баррин выложил полностью всю известную ему историю камня. Незнакомец слушал его с бесстрастным вниманием.

– Премного благодарен, – произнес молодой человек с намеком на улыбку, проявившемся на него лице. Он удалился.

Спустя секунды, казавшиеся вечностью, перед ним возникло лицо супруги Баррина, – Эй! Я с тобой говорю! Что это было?

– Не за что? – нерешительно пролепетал Баррин.

* * * * *

Баррин не был Воджеком Борос. Но после этой странной и несколько нервирующей встречи он захотел узнать больше о молодом человеке в синем плаще, и твердо вознамерился получить ответы. Его жена, Нила, уловила «тот самый взгляд» мужа, а также заметила некий предмет, спрятанный у него за пазухой. Торговец был решительным человеком. Вся его семья была такой, но Баррин оказался особо упертым. Супруга в кругу своих родственников за глаза наивала членов семьи мужа «верблюдами», включая и самого Баррина. Они были такими же упрямыми и вспыльчивыми.

– Я собираюсь выяснить, чего надо этому чертовому проныре. Поверить не могу, что я рассказал ему все про камень. Я ни капли бумбата не выпил за день, а трепался, как Старый Хмелек в таверне. – Баррин был в хорошем настроении. Хоть его иллюзию контроля над делами и оказалась развеяна, это настроило его на борьбу.

– Да что на тебя нашло? Он ничего не украл, – супруга положила Баррину руки на плечи. Он сидел за столом в кухне и собирал себе паек еды на день в лавке.

– Это Димир, Нила. Я точно это знаю, – Баррин начал резать лук с особым недовольством. – Я прослежу за ним до его крысиного гнезда и разберусь, что за игру он ведет. – Ощущение праведного долга нахлынуло на него, помогая ему оправдать эту его охоту на ведьм. Если кто-то походил на «Димира», Баррин не считал зазорным нарушить право этого человека на частную жизнь.

– Он не Димир, – возразила Нила, беря корзинку для еды. – Эта гильдия в последнее время становится честной. А все эти слухи по улице Жестянщиков только шумиху накручивают. «Кто виноват? Димиры!» Это вы говорите про любую мелкую неприятность!

– Вот и посмотрим, насколько он «честный», голубка моя, – пробормотал Баррин, уносясь разумом далеко в мир таинственных воров и головорезов. – Поглядим...

* * * * *

Баррим следовал за фигурой в плаще на расстоянии. У него был друг из Воджеков, и торговец выучил от него пару приемов преследования дезертиров по Улице Жестянщиков. Они много лет с ним обсуждали всякое хулиганье, карманников и падение общественных нравов.

Незнакомец, укутанный в плащ, нырнул в темный проулок.

– Ну, точно Димирский злодей, – решил Баррин.

Он сунул руку за ворот тунки и нащупал рукоять старого Боросовского жезла, подарка от друга-Воджека. В нем еще оставался заряд маны, который мог оглушить локсодона, не говоря уж о трусливом воришке-Димире. Торговец почувствовал прилив адреналина. Наконец-то он схватит одного из этих мелких преступников и передаст в руки правосудия.

– Больше ты никого на Улице Жестянщиков не побеспокоишь, – бормотал Баррин, пробираясь по задворкам.

Потребовалось немного времени, прежде чем глаза Баррина привыкли к темноте проулка. Тощие кошки жевали рыбы головы. Когда Баррин двинулся дальше по мокрым булыжникам, из-за кучи отбросов выскочил Рекдосовский гоблин и зашипел на него сквозь остро заточенные зубы.

Баррин взмахнул жезлом, и гоблин шмыгнул в темноту, выкрикивая ругательства кудахчущим голосом.

– Рекдосовская мразь, – выдохнул Баррин. Его сердце бешено колотилось в груди.

Проулок извивался и поворачивал то туда, то сюда, и Баррин уже решил было возвращаться, но тут он услышал жужжащий звук. Его сопровождал голубой свет, вспыхнувший в окне подвального этажа. Торговец спустился по скользкой лестнице, которая привела его к разбухшей деревянной двери. Он осторожно тронул щеколду. Не заперто. Баррин медленно открыл дверь и увидел незнакомца в капюшоне, который глядел на призрачную панораму Десятого Округа, которая распростерлась перед ним совершенной моделью. Ярко-красный луч энергии обозначал череду ломаных отрезков, которые вели по улице Жестянщиков, вверх по тротуарам, и, в конце концов, тянулись к высокой башне...

– Старый законодательный архив Азориус, – услышал Баррин собственный шепот.

– Именно, – ответил человек в плаще, не оборачиваясь к торговцу.

Баррин полностью забыл и про жезл, и про все свои угрозы. Он мог только смотреть на светящийся образ Десятого Округа и на мага, который его разглядывал. Яркая красная линия начиналась в...

– Моя лавка! – Баррин ткнул в сияющую карту.

Маг в капюшоне повернул голову и посмотрел на Баррина. – Угловой камень твоей лавки – на самом деле указатель Азориусов, один из древних ключей, оставленных их Гильдейскими магами. Эти подсказки расположены по всему Скрытому Лабиринту, и я должен найти их все.

– Скрытый Лабиринт? – повторил Баррин. – Что все это... карта эта, указатели... Почему я об этом не слышал?

Баррин ненавидел быть не в курсе дела.

– Это сложно, Баррин, – человек произнес его имя так, словно они были старыми друзьями. – Я сам не знаю, что это за Лабиринт. Я хотел бы иметь больше времени, чтобы изучить его и собрать сведения о его точном назначении и силе, но Димиры заставляют меня поторопиться.

– Ага, Димиры! Я так и знал! – Баррин вытащил жезл. Вот, наконец, есть за что зацепиться.

– Да, но они лишь ускоряют процесс, – молодого человека, казалось, оставили равнодушным и сам Баррин, и его воджековское оружие. – Остальные гильдии уничтожат друг друга, если я не пройду Лабиринт в необходимой последовательности. – Человек в синем плаще выпрямился и сложил ладони. Его карта, померцав, погасла, словно светлячок.

– Так ты не Димир? – спросил Баррин.

– Нет, – человек улыбнулся ему, собирая раскиданные бумаги. – Извини.

– А кто ты тогда? – Баррин наставил на незнакомца жезл, но внутренний голос подсказал ему – это все равно, что тыкать палкой в огненного командос Боросов.

– Меня зовут Джейс Белерен, – проговорил незнакомец. Из-под тени его капюшона глаза мага вспыхнули зловещим синим огнем, освещая ухмылку на его лице. – И ты не вспомнишь ни единого мгновения всей этой истории, мой глупый друг.

* * * * *

Баррин проснулся на следующий день.

– А ты, должно быть, неплохо посидел со Старым Хмельком, – заговорила Нила. – Ты ввалился в дом как Голгарийский шатун и сразу направился в кровать.

– Я что, с Хмельком был? – Баррин не мог вспомнить вообще ничего. – Видимо, да, с ним. Одно могу сказать – никакого больше бумбата.

Ожидания

Nik Davidson

Оана сжимала охапку свитков, несясь по гулким коридорам Нового Пархва. Она опаздывала. Уже наверняка. График ее авральных дней был расписан по минутам, но никогда не включал в себя время на то, чтобы добраться от одной назначенной встречи до следующей. К тому времени, как солнце добралось до зенита, она уже начала свое ежедневное падение, проваливаясь все глубже и глубже сквозь непреклонный марш часов.

Вот твоя награда, думала она, сложная и бесполезная смесь эмоций сопровождала слова, мелькающие в ее сознании. Оана была «повышена» и переведена из исследовательских групп Колонны Сова за свой трактат о наследственном праве, но ее новая должность оказалась не подарком. Теперь она была защитницей, обязанной помогать подсудимым преодолевать неприступные лабиринты законов Азориус, и гарантировать соблюдение и уважение их прав. Наконец, она ворвалась в зал суда, готовая в очередной раз озвучить свои заученные извинения.

С высоты своей кафедры Арбитр Джованн III продолжал свою монотонную речь, не обращая внимания ни на опоздание Оаны, ни, как казалось, на ее изначальное отсутствие. Она села рядом с клиентом, нервным торговцем овощами, которого арестовали две недели тому. Оана развернула пару свитков на столе и попыталась определить, что она пропустила. Она опоздала всего на пару минут, а официальная преамбула к заседанию, к счастью, могла длиться довольно долго.

Непрерывная монотонная речь Арбитра Джованна выражала совершенное отсутствие всякого интереса к делу.

- ...ранее установленная подобным прецедентом, роль тех, кто вступает в торговые отношения, дополняется правом рекламировать товарообмен, в котором обе стороны покупателя и продавца, всегда сохраняют объективность и четкое понимание предоставляемой информации. Поскольку теоритические знания сторон, или их неосведомленность не может быть установлена (исключая способы магического вмешательства, которые регулируются постановлениями, относящимися к магическому предсказанию наличия или отсутствия знаний), любой из сторон торговой сделки запрещается предпринимать вербальные или материальные усилия с целью искажения истинной и фактической природы или ценности товаров, услуг, или обещанного производства товаров и услуг. – Джованн сделал паузу и уставился на торговца овощами. Его обвисшее лицо было лишено всяких эмоций.

- Арестер Петри, прошу Вас изложить записанные Вами свидетельские показания относительно данного инцидента, приведшего к задержанию подсудимого.

Молодой солдат Лиев поднялся со своего места. – Семнадцать дней назад, на западном краю рынка на Рябинном Переулке подсудимый совершил следующее публичное объявление со своего лотка с овощами, цитирую: «Продаются свежие овощи.»

Солдат сел на место. Джованн задумчиво потер подбородок.

Оана, в полной растерянности, поднялась с протестом. – Арбитр, записи моего клиента явно указывают на то, что все его товары отвечали рамкам понятия «свежий», а именно, были собраны не более, чем за девять дней до продажи, и в каждом случае мой клиент был готов продать или обменять любой и каждый овощ со своей витрины. Я не вижу ничего в поведении или словах моего клиента, что могло бы хоть отдаленно считаться преступлением.

Джованн обратил свой усталый, пустой взор на Оану, и взмахнул рукой. Светящиеся руны начали раскручиваться в воздухе перед его кафедрой. – В соответствии с последним объявлением о Правовых Использованиях, Определениях, и Товарообмене Терапевтических Препаратов, торговое определение ряда растений изменено с определения «овощ» на «лекарственный препарат», в их число вошло несколько продуктов, предлагаемых Вашим клиентом на продажу. У Вашего клиента не было соответствующего разрешения на продажу лекарственных препаратов. Предложение данных лекарств на продажу под ярлыком «овощи» является как введением в заблуждение, так и потенциальным вредом для здоровья граждан.

- Но я продаю все эти овощи уже много лет! – Торговец взглянул на Оану, с мольбой и страхом в глазах.

- Неверно. На протяжении последних пятидесяти семи дней Вы продавали лекарственные препараты. Засим следует мой вердикт: Вы признаетесь виновным в продаже лекарственных препаратов без лицензии. Ваши запасы будут изъяты и уничтожены, и все Ваши рыночные разрешения аннулированы. Вам будет запрещено получать дальнейшие разрешения в течение одного года, и никаких разрешений на продажу лекарственных препаратов не будет Вам выдано в течение не менее трех лет. По истечению данного времени Вы можете подать прошение на отмену судебного производства по делу о аннулировании разрешений, и, в случае, если аннулирование возымеет место, Вы сможете подать прошение о новом разрешении на продажу овощной продукции.

Покрытый рунами молоток Джованна ударил о подставку, и клиента Оаны вывели из зала суда.

* * * * *

Оана ударила кулаком о барную стойку, и ее почти опустевший стакан подпрыгнул на месте. Ведалкен за стойкой поднял тонкую бровь.

- А я просто сидела там, как идиотка! Если бы у меня было больше времени для подготовки, я была бы готова оспорить изменение в классификации! – Жаловалась Оана, не обращая ни к кому конкретному. Трактирщик делал вид, что слушает, а другие посетители отсели от нее подальше. – Существует полно прецедентов, допускающих изменения разрешений, обладающих обратной силой, или хотя бы исключаящих вред здоровью! Но я была не готова. Виновата не система. Система работает. Я виновата. Я не успеваю, и в результате добропорядочный человек из-за меня потерял свое дело.

Когда Оана допила свой напиток, точно такой же стакан скользнул по стоке бара, брякнув о ее пустой бокал. Она подняла взгляд и увидела молодого парня в слегка нелепой одежде. Его глаза были острыми, а улыбка яркой.

- Ты сделала все, что могла, да? Это, конечно, тоже чего-то стоит. – Что-то в его голосе одновременно успокаивало и волновало ее. Она напрягла плечи, но повернулась к нему лицом.

- Ты сделала все, что могла с тем временем и инструментами, которые были тебе доступны. Никто бы не сделал больше. – Юноша протянул руку в черной перчатке. – Меня зовут Тарем. У меня к тебе предложение.

Оана на мгновение задумалась. Что-то в глубине ее души хотело выбежать из этого места так быстро, как только она могла, но никакой рациональной причины не выслушать этого парня, ей в голову не приходило. Она пожала его руку. – Оана.

Тарем кивнул. – Оана Вителлиус, внучка знаменитого арбитра Отто Вителлиуса II. Говорят, ты унаследовала его страсть и способности.

Оана нахмурилась. – Возможно, его страсть. Но не его способности. Он никогда бы не провалил такое легкое дело. – Ее инстинкты снова вспыхнули. Он установил вербальную ловушку, и она вошла прямо в нее.

- Не его способности? Что ж, у меня для тебя хорошие новости. Один мой знакомый может создавать особый вид магии. Она может переносить воспоминания и навыки от мертвых к живым. Чем больше у донора общего с реципиентом, тем более успешной будет процедура. В случае деда и внучки с одной профессией, полагаю, ее эффект будет невероятным.

Оана неожиданно почувствовала как сильно бьется ее сердце. Она знала, что то, что она слышала было неправильно, но она желала этого. Она на несколько долгих мгновений закрыла глаза.

- Димир. – Все кусочки сложились воедино, и она выплюнула это слово со всем отвращением, на какое только была способна. – Как ты смеешь даже думать об осквернении насколько великого человека? Он посвятил всю свою жизнь тому, чтобы такие, как ты получили свое заслуженное наказание! Ты пришел сюда, предлагая мне свой отравленный дар, чтобы сломить меня? Я буду предельно ясной. Я продолжу свою работу, и заслужу право уничтожить вас. Если я хоть раз тебя еще увижу, ты остаток своих дней проведешь в кандалах!

Улыбка Тарема не дрогнула. – Тысяча извинений, Защитница. Я желаю тебе лишь удачи, которой ты очевидно заслуживаешь. – Агент Димир вежливо поклонился и неспешно вышел.

В глубине души она знала, что что-то было не так. Она отмела это в сторону, расплатилась, и пошла домой.

* * * * *

Этой ночью Оана спала лучше, чем за многие годы. На следующий день, подгоняемая своим новым энтузиазмом, она добилась четырех оправданий, и оспорила пятый приговор до уровня условного срока и небольшого штрафа.

В общем счете, пять судебных заседаний, три встречи с клиентами, и два предварительных слушания. И она не опоздала ни на одно из них.

* * * * *

Арбитр Оана Вителлиус I убрала свои седеющие волосы под традиционный судейский капюшон и улыбнулась своему отражению. Она гордилась тем, что видела в зеркале. Ее кабинет был украшен памятными сувенирами за тридцать лет службы в Азориус – гильдейские награды за прилежность в качестве защитника, документы, описывающие подтверждение ее назначения на должность арбитра, другие различные награды и благодарности. Но самыми важными для нее были письма и сувениры от бывших клиентов, и от защитников, которых она обучала за прошедшие годы. Ее кабинет прилегал к залу суда, и она слышала, как люди в нем уже занимали свои места. Все уже знали, что она всегда начинала свои заседания на пятнадцать минут позже назначенного времени. Она каждый раз чувствовала себя немного виноватой и мятежной из-за этого, но благодарные взгляды замотанных защитников, едва успевших вовремя вбежать в двери, стоили этого.

Она с удовольствием перекусила стандартным завтраком Арбитра – тарелкой свежих фруктов. Они поставлялись в Новый Прахв (в обход рынка) по справедливой цене ее бывшим клиентом, и их вкус изо дня в день был неизменно сладок.

* * * * *

После своего последнего дела в первый день каждого месяца, Оана совершала паломничество к склепу ее деда. Она рассказывала ему все дела, которые она распутала со дня ее последнего визита, и о последних постановлениях сената. Оане всегда было здесь как-то не по себе. Она говорила быстро, запинаясь в своих рассказах – под суровым взглядом статуи Отто Вителлиуса II она чувствовала себя недостойным ребенком даже теперь, когда ей было почти шестьдесят и ее достижения почти равнялись его собственным. Этой ночью она провела большую часть своего визита, сидя в тишине. Когда она направилась домой, улицы были уже почти безлюдны.

Оана открыла дверь своего дома и вдохнула знакомый воздух. Ее дом был скромным, с учетом ее должности. Она никогда не мотивировалась богатством или комфортом. Вся мебель была сделана на века, и каждый предмет стоял на своем месте. Это было место тишины и покоя, но этой ночью, что-то было не так. Здесь был кто-то еще.

Быстрым движением она осветила свою гостиную. Там, в ее любимом кресле, сидел человек, чье лицо она не видела сорок лет. Тарем. Он не постарел ни на день.

В ней вспыхнула ярость. – Помнишь ли ты мое обещание, Димир? Потому что я, уж точно его помню. Я прикажу тебя развеять в пыль за это!

Вампир склонил голову в издевательском извинении. – Я помню Ваше обещание, Арбитр, во всех деталях. И я здесь именно из-за него. Завтра Вы будете слушать дело о хищении из Лиги Иззет. Обвиняемый не представляет для Вас никакой важности, и Вы признаете его невиновным по всем статьям. Это и станет завершением нашей сделки.

Холодное, острое ощущение проползло по спине Оаны. Что-то было совсем не так. – Ты несешь какой-то бред. Властью Сената Азориус, ты арестован за взлом с проникновением, и за попытку принуждения арбитра!

Тарем встал, смиренно протянув к ней запястья. – Конечно, Арбитр. Но не удостоите ли Вы меня чести, ответив, сперва, на вопрос? – Его улыбка стала еще шире, чем прежде. – Когда Вы в последний раз видели свою внучку?

Нелогичность вопроса заставила Оану на мгновение задуматься. Она никогда не была замужем, и у нее не было детей, не говоря уже о внуках. Это не имело никакого смысла... и вдруг, не званный образ всплыл в ее памяти.

Она смотрела на юную девочку, не более семи лет. Глаза были ей знакомы. Ее глаза. Она смотрела на себя, когда она была ребенком, что означало...

Оана почувствовала, словно огромная рука сжала ее череп и подняла в ледяную тьму.

* * * * *

Оана нахмурилась. – Возможно, его страсть. Но не его способности. Он никогда бы не провалил такое легкое дело. – Ее инстинкты снова вспыхнули. Он установил вербальную ловушку, и она вошла прямо в нее.

- Не его способности? Что ж, у меня для тебя хорошие новости. Один мой знакомый может создавать особый вид магии. Она может переносить воспоминания и навыки от мертвых к живым. Чем больше у донора общего с реципиентом, тем более успешной будет процедура. В случае деда и внучки с одной профессией, полагаю, ее эффект будет невероятным.

Оана неожиданно почувствовала как сильно бьется ее сердце. Она знала, что то, что она слышала было неправильно, но она желала этого. Она на несколько долгих мгновений закрыла глаза.

- Не существует точного правового прецедента для чего-то подобного. Но, наследственное право описано весьма размыто. – Разум Оаны лихорадочно работал, и она говорила быстро, в основном сама с собой. – Хотя заклинания, относящиеся к модифицированию памяти жестко регулируются, при данной сделке пострадавшей стороны не будет. Вителлиус уже мертв. Я могу оспорить, что подобные эксперименты являются передачей нефизических товаров, переходящих мне по праву наследования. Неприятно, конечно. Но законно. Думаю, это может быть законно.

Улыбка Тарема расширилась. – Я подозревал, то ты окажешься податлива. Если пожелаешь, мы можем произвести обряд уже сегодня ночью. Предупреждаю, что нам потребуется внести незначительные модификации в порядок твоих воспоминаний, чтобы гарантировать, что новые воспоминания интегрировались гладко. И остается лишь вопрос оплаты.

Мир поплыл перед ее глазами, и вид ее гостиной вернулся.

Оана рухнула на пол. Ее лицо было мокрым от слез. – Всего одна услуга, которую вы назовете позже. И я согласилась.

- Да. Да, Вы согласились. Доброй ночи, Арбитр. Меня провожать не нужно.

* * * * *

Ей потребовалось не много времени, чтобы принять решение. В конце концов, именно так поступил бы ее дед. Оана провела следующее утро в написании письма с отказом от занимаемой должности и официальным признанием. Она заполнила все бумаги, требуемые для отказа от ведения текущих и грядущих дел, сославшись на конфликт интересов, а затем посетила молодого защитника, которого обучала уже несколько лет.

Ей потребуется много времени, чтобы решить, во что она сможет теперь верить, и была ли она права, или ошибалась. Но в любом случае ей потребуется хороший адвокат.

Жизнь в круге

Sam Stoddard

Полосы горящих баннеров неистово хлестали вокруг арены Карнариума, угрожая поджечь стропила. С полдюжины гоблинов пыхтели под рухнувшей балкой. Послышался смех и крики боли, когда пушка, соскользнув с упоров, покатила в толпу. В конечном счете, сегодня было одно из лучших представлений *Арии Хилрод* со времен Декамиллениума.

Ринни отряхнулся, встал на центр арены, и поклонился. Выпрямившись, он возвел руки вверх. К нему присоединилась Гинория, которая опустилась в реверансе и указала на Никори, лежащего без сознания в груде обломков и пыли. У Никори всегда были сложности со спуском.

Гинория и Ринни, держась за руки, вышли из арены к зрителям, которые пробирались через все еще дымящуюся пушку навстречу артистам. Ринни наклонился к ноге и провел ладонью по свежей вспоротой ране. Он поднял руку, показывая ее толпе, в традиционном жесте, означавшем, *Это я жертвую вам*.

- Гинория, - произнес жирный священник Оржов Силар, склонившись, чтобы поцеловать ее руку. - Ты выглядишь восхитительно. Я давно не видел тебя в церкви.

- Долги, как и почести, лучше отдавать посмертно, - сказала Гинория и, улыбаясь, одернула руку.

Ринни продолжал вымазывать окровавленными пальцами ладони зрителей, одаривая их своей жертвой, но остановился, дойдя до юной девочки, протягивавшей ему кусок пергамента.

- Чей это лисенок? - спросил Ринни Силара. - Это ты его привел? - Ринни укоризненно покачал окровавленным пальцем Силару и поцокал языком. - Снова пытаешься обманом заставить меня подписать долговую расписку?

- Я не лисенок, - сказала девочка и опустила пергамент. - Я хочу участвовать в шоу.

Ринни расхохотался. - Гинория, мы ее сможем использовать? Огру и на один укус ее не хватит. Как думаешь, она влезет в пушку? - Он нагнулся и поднял ее за шиворот. - Хммм, разве что только для розжига, а?

Девочка брыкалась, вращаясь в воздухе и размахивая ногами у самого лица Ринни. - Отпусти, старикан, - сказала она. - Я пыталась сделать вам одолжение. Ваше шоу отстой. Меня возьмет Джури, а вы останетесь ни с чем.

- Джури сожрет тебя заживо, - сказал Ринни. - Беги домой, лисенок, пока не покалечилась. - Он выронил девочку, которая кувыркнулась через спину, вскочила на ноги, подняла руку и плюнула Ринни в лицо.

Священник занес руку для шлепка, но девочка бросилась в толчею, схватилась за подпорные леса, быстро влезла на стропила Карнариума и скрылась из вида.

- Безгельгийная мразь. Никакого уважения, - сказал Силар, вынимая платок из складок мантии, чтобы вытереть лицо Ринни. - Знаешь, ее можно отыскать.

Ринни отмахнулся. - Нет, нет, - сказал он, беря платок и вытирая слюну. - В ней есть огонь. Приятно видеть его в столь юном возрасте.

Ринни вернул платок Силару, и тот вложил его обратно в складки мантии – скоро он, несомненно, станет частью его коллекции. Ринни поблагодарил его и прошел за кулисы в свою гримерную. Там он опустился в широкое кресло перед зеркалом. Морщась, он стянул с себя тяжелый кожаный костюм с железными клепками и шипами, сбрасывая его частями на пол. От пота и крови костюм сел вдвое. Тяжелые клепки добавляли вес, усложняя представление, но они ему были нужны. С каждым годом ему все сложнее становилось отпрыгивать от залпов и обвалов.

Его израненные, распухшие руки нащупали бутылки на столе – изготовленные Симиками тоники для восстановления энергии и сил, и Иззетское снадобье, светящееся неестественно синим светом и испускавшее еле слышный гул. Наконец, он нащупал и открыл банку с бальзамом на основе растений, выращенных Селезнийцами. Он скоро снимет боль и затянет шрамы.

Нанеся второй слой бальзама, Ринни подошел к кровати в углу гримерной. Он все еще слышал рев толпы снаружи, принимавшей второе отделение, в котором выступали весьма талантливые штыревые шуты. В молодости он бы с удовольствием понаблюдал за ними со стороны, но представление забрало у него слишком много сил. На остаток этой ночи у него в планах был лишь сон.

* * * * *

Ринни давно уже не наблюдал Карнариум из-под его купола. Он искал девчонку, которая так лихо поставила его на место пару ночей тому. Артист обнаружил ее на стропилах у самой крыши Карнариума, на высоте, куда он и сам взобрался с трудом. Она болтала ногами, сидя на самом краю балки и наблюдая за выступлением великолепного Миньюли. Номер мага сложился из простых трюков уличных фокусников, выступавших у Нового Прахва. Гоблин-ассистент связал его и пытал, а сам Миньюли наслаждался болью для лучшей концентрации своей магии – техники, которую он называл Проекция Боли – и выпустил огненный шар гоблина в тот самый момент, когда тот уже решил, что, наконец, перехитрил мага.

Гоблин, уже перебинтованный в нескольких местах с повязками на все еще не заживших ожогах, привязал Миньюли к перевернутому столу, вонзил иглы ему в ступни и бока, и установил сложную систему из подвижных блоков, для того, чтобы растянуть его на дыбе через пол арены. В конце, гоблин нырнул в бочку с водой во избежание неизменного огненного шара. Когда гоблин, сидя в воде, провернул рычаг дыбы в пятый раз, из бочки начал сочиться пар. Ошпаренный гоблин выскочил из нее и начал метаться по арене, стараясь стряхнуть с себя кипящие капли. Когда он на полной скорости врезался лицом об опорную балку, девчонка расхохоталась.

- Знаешь, тех, кто смотрит представление без билета, бросают собакам, - сказал Ринни.

Девчонка обернулась, взглянула на него, затем вновь перевела взгляд вниз.

- Достаточно высоко, чтобы покалечиться, но не достаточно, чтобы убиться, - сказал Ринни. – Но сиди, не бойся, Маленький Лисенок. Я пришел не для того, чтобы тебя отшлепать.

- Ты хочешь снова сказать, чтобы я убиралась домой? – сказала она, смотря на арену. – Ты думаешь, я не смогу постоять за себя в твоём цирке?

- О нет, конечно, сможешь, - сказал Ринни, медленно опускаясь на край балки. – Думаю, Силару повезло, что ты решила сбежать, а не драться с ним. Возможно даже, однажды ты будешь весьма полезна и в кругу. Я лишь думаю, сделаешь ли ты это ради Рекдоса, или нет. Но, где же мои манеры? – Он протянул руку. – Я Ринни.

- Я знаю, кто ты, - сказала девочка.

- Я не люблю притворяться, - сказал он. – Десять лет назад, да, сами арбитры Азориус здоровались со мной, но слава не висит на человеке, как плащ. – Ринни на секунду замолчал. – В этом месте ты должна представиться.

- Луниция, - сказала она. – Луниция Обалденная. Когда-нибудь.

- Я был в твоём возрасте, когда впервые вышел на арену, - сказал Ринни. – Возможно, даже моложе. Это был *Танец Девяти Цепей*. – Усмехнулся Ринни. – Осевик был неопытным. Первые две пары он запустил прямо в толпу. Они проглотили это, конечно – побоище, есть побоище – но главарь круга был не доволен. Следующая пара пришла с колючей проволокой вместо цепей. Ты бы видела выражение его лица. – Ринни скорчил рожу утрированного шока, вскинув руки к лицу с загнутыми пальцами, словно они были обрублены.

- Это не смешно, - сказала Луниция. – Это был живой человек.

- О, не волнуйся, - сказал Ринни. – ему вернули два или три пальца. У него сложилась хорошая карьера цепеходца. Короткая, правда, но хорошая.

На арене танцовщица раскачивалась между нескольких шестов и цепей, используя пару крюков, на каждой руке. Она держала осанку и, набрав скорость и инерцию, провернулась вокруг одного шеста, взмыла в воздух по дуге, ухватилась за цепь и подлетела к другому шесту. Затем мгновенно изменила направление и бросилась через всю арену в другую сторону.

- Я не понимаю иногда, как вам удается совершать такую красоту на вдохе, - сказала Луниция, - и такую жестокость на выдохе.

- Знаешь, что самое любопытное в Централюме? - сказал Ринни. – Танцовщица годами готовится к выступлению. Крюки не прикреплены к ее запястьям, они вкручены в них. Каждое ее движение несет с собой дикую боль.

Луниция провела ладонями по своим запястьям. – Это ужасно, - сказала она.

- Другого способа удержать тяжесть ее тела нет, - сказал он. – Это жуткая вещь, когда ее делаешь, но прекрасная, когда за ней наблюдаешь.

- Мне кажется, я чувствую себя безопаснее вне гильдии, - сказала она.

- Ах, безопасность, да. Хочешь быть безопасным акробатом? Выступай на улицах. Быть Рекдосом – нечто большее.

Девочка снова взглянула на арену. – Значит, я смогу постареть, как ты? – спросила она. – Выступать, пока мое тело не перестанет работать?

- Артисты Рекдос не стареют в своих кругах, - сказал Ринни. – Они работают ровно столько, сколько им отпущено. Они нарабатывают навыки. Они зарабатывают шрамы. Их движения могут быть неуклюжими, они могут стать медленнее, но это все часть танца. Они играют отведенную им роль. Ради смеха людей. Чтобы напомнить им, сколь ценна и мимолетна наша жизнь, какой бы жестокой или короткой она ни была. Наша жизнь, это дар.

- Ты говоришь так, словно ваш гилдмастер - бог, - сказала Луниция. – Что же во всем этом хорошего?

- Наши жизни мимолетны, но не его, - сказал Ринни. – Людям нужны развлечения, да, но не стоит недооценивать Демона. Девять парунов дали Демону целую гильдию, чтобы развлечь его – чтобы насытить его кровожадность. Лишь Огненный Разум остался из тех, кто знает, на что действительно способен Демон. Мы Рекдосы, выступаем – мы живем и умираем – для его удовлетворения, чтобы Демон мог мирно вернуться в свой сон.

Он поставил дату и подписал клочок пергамента. – Посмотри выступление сегодня вечером. Если ты никогда не вернешься, я не смогу тебя винить. Сохрани эту бумагу на память. Но думаю, выступление тебя заинтеригует.

* * * * *

Представление началось с выхода Никори на высокой цепи. Он прошел по ней с двумя факелами в руках до середины и принялся жонглировать факелами, перебрасывая их из руки в руку. Ринни вышел на арену со своими двумя факелами, которыми он также начал жонглировать, перебрасываясь ими с Никори, балансирующим высоко над ним. В тот момент, когда уже казалось, что ни один из них не может поддерживать ритм, на арене появилась Гинория с очередной парой факелов, которые она по очереди швырнула к Ринни, добавив их к общему циклу.

Факелы двигались все быстрее и быстрее, пока руки Ринни не подхватили огонь. Факелы посыпались на землю, когда пламя на руках Ринни разгорелось, но не вышло из-под его контроля. Огонь поднялся из его рук, как дым над кадиллом. Свернув пламя в шар левой рукой, он играл с ним правой, вытягивая из него отдельные огненные языки, словно шипы на ядре.

Гинория сделала большой глоток из бутылки, и черная жидкость потекла из ее пальцев, превращаясь в липкие щупальца, расплзавшиеся по арене. Ринни и Гинория взялись за руки и принялись вертеться с невероятной скоростью. Зловонная черная жижа рассеивалась над головами зрителей пока ее не коснулось пламя, от которого она вспыхнула, образуя полосы огня, танцующие в воздухе. В воздухе повис запах горячей серы.

Пламя на руках Ринни и жижа Гинории растаяли также быстро, как начались, и они оба рухнули на пол. Толпа закричала и залилась смехом. Медленно вставая на ноги, Ринни поклонился, и указал на Гинорию и Никори, которые также по очереди поклонились.

Собравшись с остатками сил, Ринни приготовился к финальному акту. Каждое представление всей его жизни вело его к этому, одному, единственному действию. Это было его незабываемое представление, то, которое пропустить бы не смог никто. Это был его последний триумф.

* * * * *

В зале послышался низкий, раскатистый смех Демона, вызвавший у аудитории резкий всплеск восторга. Это был звук, не похожий ни на что из того, что доводилось слышать Луниции. То, как он сотряс весь зал, было и ужасным, и странным образом, приятным. Луниция наблюдала, как зрители, и стар и млад дрались за сувениры этого представления – что-нибудь, на память о нем, что-нибудь, что могло бы доказать, что они были здесь, когда все произошло. Через неделю, десятки других артистов в других цирках будут пытаться повторить этот номер – но эти зрители знали, что были первыми, кто его увидел. Луниция была переполнена скорбью, но вместе с ним, и возбуждением. Теперь она понимала смысл слов Ринни.

Пробравшись за кулисы среди общего хаоса, она отыскала гримерную Ринни, чтобы попытаться понять, как ему удалось это сделать. Там она нашла бальзамы, мази, и по большей части пустые, но все еще странным образом наэлектризованные бутылки с яркой печатью Иззет. В тот момент она поняла, что какой бы искусной акробаткой она ни стала, ее умений самих по себе будет недостаточно – ей придется обзавестись союзниками в других гильдиях.

Луниция унесла все, что могла из гримерной. Она отправится к жирному священнику Силару. Конечно же, он купит у нее автограф Ринни и что-нибудь из этих безделушек. У нее в кармане будут монеты и договор с церковью, союзниками, которые поддержат ее средствами для того, чтобы затмить не только Ринни, но и всех остальных артистов во всех Рекдосовских цирках. Это может занять годы, но она сможет обратить на себя внимание Демона – и не ради смеха, она заставит его взреветь от удовольствия. Цена не имела значения.

Преследование

Ari Levitch

Напряжение густо насыщало атмосферу лаборатории, так, что даже характерное Иззетское шипение пара и а скрип бесчисленных движущихся деталей казались приглушенными на его фоне. Для немолодого гильдейского мага Мадаррака в этот момент не существовало ничего, кроме ожидания.

Ожидания, и, конечно же, эксперимента. Эксперименты шли непрерывно. Нынешний возвышался посреди лаборатории – огромная механическая конструкция, представлявшая собой комплект доспехов, который был бы в пору огру. Но на месте, где должна была быть голова или шлем, располагались контрольные рычаги, датчики давления и кресло, на котором восседал нервный гоблин. Маг наблюдал, как гоблин в должной последовательности поворачивает колесики и щелкает выключателями. Все, что было нужно Мадарраку – это технологический прорыв.

Слабое жужжание нарушило тишину. Началось все с легкого гудения, но оно набирало мощь, превратилось в гул, который скорее ощущался, чем слышался. Воздух стал заметно суше. – Вот и оно! – произнесла Кастан, ведалкенша-ассистентка Мадаррака. Она возвысила голос, чтобы его было слышно сквозь шум. Ведалкенша опустила сварочные очки со лба на глаза как раз в тот момент, когда сверкающий синевой электрический разряд с треском вспыхнул между двумя проводящими катушками, выступавшими над плечами механизма, в опасной близости от гоблина-пилота. Нить разряда судорожно извивалась, и вскоре молнии начали вспыхивать по всей лаборатории, вынудив Мадаррака и его ассистентку наблюдать за ходом эксперимента из-под тяжелого деревянного верстака.

Гоблин опустил рычажок. Неуклюжая конструкция шагнула вперед, ее тяжелая поступь отдавались в ушах Мадаррака гимном успеха. Еще один шаг. И еще один. Механизм стабильно шел вперед, именно так, как и было задумано.

Затем произошло что-то непредвиденное. Конструкция набрала скорость, и в следующий миг Мадаррак увидел, как она прыгнула через всю лабораторию. Прежде чем гоблина вышибло из кресла пилота, он успел направить механизм в сторону двери. Вырвавшись из лаборатории на возрастающей скорости, конструкция понеслась по каменному коридору подвального этажа и пропала из вида. Мадаррака передергивало при каждом ее скрипучем шаге. Кастан выскочила в открытую дверь как раз вовремя, чтобы увидеть, как конструкция на полном ходу пробилла каменную стену на другом конце коридора и опрокинулась на пол в кучу каменной крошки, которую вышибла из стены, застыв без движения. Шальные разряды электрической энергии то там, то сям вспыхивали на шасси.

* * * * *

Уборка прошла быстро, поскольку разрушения были обычным делом в испытаниях Иззетов. Усилиями дюжины гоблинов и Йизаака, огромного циклопа в услужении у Мадаррака, конструкцию отволокли обратно в лабораторию.

– На этот раз Вы были очень близки к успеху, ментор, – проговорила Кастан, разбирая завал хлама в лаборатории. – Двуногий Транспортировочный Аппарат привлечет внимание Измагнуса.

– Мне нет дела до Измагнуса. Мне нужна реакция только Нив-Миззета. Но мы близки к цели. Нам просто нужно... Хм! - Мадаррак замолк. Что-то в куче осколков привлекло его внимание. В дыре от двух обрушившихся стен мерцал свет.

Кастан попыталась закончить мысль ментора. – Да, мы его починим. Я думаю, дело в том, как именно регулируется поступление маны. Система явно не справляется, но у меня есть несколько идей на предмет того, как с этим разобраться. Ментор? – Мадаррак сжимал в руках доску, которой пользовался как рычагом, чтобы сдвинуть один из камней в стене. Свет, исходящий от диска диаметром с ладонь, продолжал мигать с регулярными интервалами. Мадаррак подцепил диск и извлек его из кучки щепок, оставшихся от деревянной коробочки. Ее раздавило при обрушении стены. – Что Вы нашли?

– Я не знаю, что это за вещь, – ответил Мадаррак.

Ментор и ассистент стояли и разглядывали мигающий диск достаточно долго, чтобы определить простую последовательность пульсации вспышек, которая циклично повторялась снова и снова.

Мадаррак повертел предмет в руках, и увидел, что на нем выгравированного дракона Иззет. Под изображением дракона виднелись три крохотных кружка, расположенные таким образом, что каждый из них был вершиной перевернутого треугольника. Пока маг усердно изучал орнамент, надеясь разгадать его значение, или, по крайней мере, вспомнить какие-нибудь подходящие сведения, диск выскочил у него из рук и ударил ему в лоб.

– Ментор!

Пожилый маг отшатнулся, а объект сам по себе скользнул к дыре в стене. Но, прежде чем он оказался слишком далеко, Кастан придавила его подошвой сапога к полу.

* * * * *

Мадаррак сидел на стуле, сгорбившись, положив руки на колени. Уже многие годы он не бывал на столь высоком уровне Нивикса, возвышающейся над городом гильдейской резиденции Иззет. Нив-Миззет, Огненный разум, Дракогений, обсуждал найденный магом объект, и, возможно, обсуждал даже его самого. Пальцы старика нервно барабанили по коленям, пока он ждал.

Он услышал, как, открываясь, закрипела дверь, а потом закрылась. Мадаррак встал и увидел ведалкена, мужчину, облаченного в характерное одеяние Иззетов в синюю и красную полоску. Он опирался на трость из миззиума. Ведалкен заговорил, подходя все ближе к Мадарраку. – Вы когда-либо слышали о линзе, фокусирующей гиперману?

– Прошу прощения, Камергер Пеленер?

– Неважно. Я и не рассчитывал, – ведалкен, старший ассистент Нив-Миззета, наконец, приблизился к магу. – Но Вы же слышали о химике, Эрно Зслоде, верно?

– Конечно, – ответил Мадаррак. – Я был новичком в Лиге, когда он исчез в ходе проведения эксперимента. Я слышал, он был весьма талантлив.

– Именно так. Он пропал без вести, испытывая гипермановую линзу, и, спустя некоторое время, все пришли к выводу, что что-то пошло не так из-за какой-то страшной ошибки. – Камергер сунул руку в карман и извлек мигающий объект. – Но, как выясняется, это была не ошибка, а непреднамеренный успех. Видите ли, Нив-Миззет опознал этот предмет. Дракогений соизволил объяснить, что это самонаводящийся механизм, приемник, созданный для обнаружения чего-то даже на огромных расстояниях. Вы видели, как он движется, как будто подчиняясь собственной воле, так?

Мадаррак коснулся синяка на лбу и кивнул. – Понимаете, – продолжил камергер, – этот диск принадлежал Эрно Зслоду. – Он показал на три кружка на предмете. – По-видимому, объект вместе с большей частью снаряжения убрали и опечатали ассистенты химика. И он бы так и остался спрятанным, если бы не Ваша счастливая катастрофа. Нив-Миззета это ошеломило, более чем на мгновение, Мадаррак. Он сказал, что единственное, что может заставить устройство до сих пор функционировать – существование того, что все еще можно найти. Эрно Зслод не исчез. Он телепортировался. Нив-Миззет желает, чтобы Вы нашли Эрно Зслода и то, что перенесло его отсюда, а также, чтобы Вы вернули нам его вместе с устройством телепорта. - Управляющий Пеленер протянул пульсирующий диск обратно Мадарраку.

* * * * *

Вернувшись в лабораторию, Мадаррак, не теряя времени, стал готовиться отбыть на выполнение миссии, возложенной на него лидером Гильдии. – Кастан, – сказал он. – Собери мои вещи.

Кастан высунула голову из-за колоссальных размеров книги. – Хм... О, пока Вы беседовали с Нив-Миззетом, я сумела починить...

– Я не говорил с ним напрямую, но сейчас мы выполняем его поручение, и отправляемся немедленно. Поторопись!

* * * * *

За пределами какофонии Нивикса стояла тишина, но в сырых туннелях Нижнего Города Равники, в его переплетенных сточных трубах и колодцах, тишина была осязаемой. Стены поросли скользкими водорослями, которые поглощали любой шум и делали воздух густым. С непоколебимой целеустремленностью Мадаррак широкими шагами направился в темноту. Кастан, долговязая ведалкенша, и циклоп Йисаак старались не отставать.

Канализация тянулась на много миль, спускаясь все ниже и ниже. Направление троице указывала непрерывная пульсация приемника, который вырывался из рук Мадаррака. Они шли сквозь туннели, которые время от времени открывались в просторные пещеры, где крошечная темнота окутывала их со всех сторон. Там, где свет их ламп пронзал тьму, архитектура напоминала искаженные отражения соборов Оржов.

Влага капала с невидимого потолка. Капля упала на голову Кастан, скользнула по ее шее и сбегала по спине. Ведалкен поежилась. – Ментор, Вы не произнесли ни слова за много часов.

– На это есть причина! – шепотом огрызнулся Мадаррак. – Мы почти на месте. А значит, стоит помолчать. - С внезапным рывком приемник вывернулся из руки гильдейского мага и загремел по полу. – Ай! – Он кинулся за ним, но диск выскользнул снова и поскакал по камням, коротко и резко дергаясь. Йисаак бросился защищать своего хозяина, оттолкнув Кастан своей огромной тушей. Она споткнулась, не устояла на ногах и под весом поклажи потеряла равновесие. Мешок потянул ее к полу, и ведалкенша приземлилась на него с мягким влажным шлепком. Она быстро оперлась на руки, но, как только ее ладони коснулись пола, жирная желеобразная субстанция просочилась между ее пальцев и покрыла ее ладони. С расширившимися глазами Кастан судорожно пыталась вдохнуть, чтобы закричать, но лишь втянула в себя гнилые испарения. Ведалкенша подавилась, согнувшись пополам в грязи.

– Вставай! – рявкнул Мадаррак. – Живо! – Он снова завладел приемником, который сжимал теперь двумя руками. Кастан взглянула на своего ментора, стоящего и тарашащегося в темноту. – Нам надо идти. - Ее взгляд проследил за лучом света от фонаря мага. На том конце, из тьмы на нее смотрели два глаза. Она поднялась на ноги.

– Гнилофермер. Мы вряд ли ему интересны. Пошли дальше. – Мадаррак снова следовал указаниям приемника. Циклоп Йисаак шел за ним по пятам. Кастан помедлила мгновение, но этого хватило, чтобы заметить в темноте вторую пару глаз. Она ускорила шаг.

Настойчивая пульсация диска привела троицу к каменному туннелю с арочными сводами. Он отличался от предыдущих проходов. На краеугольном камне над аркой был высечен насекомоподобный символ гильдии Голгари. Мадаррак положил руку на плечо Йисааку, это был привычный жест, явно использовавшийся много раз, ибо Йисаак без единого слова нагнулся так, что лица их оказались на одном уровне. – Йисаак, – проговорил Мадаррак. – Жди здесь. Сторожи проход, чтобы было безопасно.

– Ментор, – обратилась Кастан к магу, – мы не знаем, что там впереди. Разве не было бы разумнее взять Йисаака с нами?

– Ерунда. Мы знаем, что там. Это то, за чем мы явились, и оно уже совсем близко. Я не хочу, чтобы вся эта Голгариевская мразь пошла за нами следом. - Мадаррак шагнул под арку, снова окунувшись в неизведанную тьму, которая бы поглотила его полностью, если бы не вспыхивающий свет диска, озарявший его силуэт. – Кроме того, мы же маги Иззет, а не трусливые щенки, – выкрикнул он. Кастан стиснула зубы, глубоко вздохнула и пошла за светом фонаря своего ментора, оставив Йисаака позади.

Проход сужался, хотя потолок оставался достаточно высоко, чтобы его не было видно. Пол вспарывали расселины, из которых исходил плотный серо-зеленый пар. Следуя узенькой тропке между ямами, Мадаррак и Кастан осторожно пробирались по неровной поверхности.

В конце прохода, где он разветвлялся в противоположные стороны, свет приемника усилился до почти ослепляющего сияния. Он вырвался из рук Мадаррака и устремился по дорожке налево. Немолодой гильдейский маг перешел на бег. – Быстрее, Кастан! - Они мчались за светящимся диском, который головокружительно отскакивал от стен, пола и потолка в своем полете. Мадаррак дышал с трудом, но пытался не терять приемник из вида и не отставать от него. Кастан бежала рядом. Диск вел их через многочисленные повороты и ответвления, и времени, чтобы примечать дорогу, у них не было.

Погоня резко оборвалась, когда устройство приземлилось на кучу осколков и перегоя, собранного в нише, выбитой в каменной стене зала. Преследователи подбежали к ней. Кастан, упершись руками в колени, пыталась отдышаться. Но ее ментор опустился на кучу и уже рылся в ней, яростно работая руками, пытаясь докопаться до ее дна.

– Ментор, – Кастан положила руку на плечо Мадарраку. Но обращение доходило до немолодого мага как далекое бормотание. – Ментор! Мадаррак! - В раздражении, слово разбуженный ото сна, маг повернулся к Кастан. Она указывала на стену, на которой были выцарапаны грубые знаки. Мадарраку это было неинтересно, и он махнул на них рукой, покрытой коркой гнили. Ничего более не существовало для него в этот момент, кроме искупления и шанса вернуться в Измагнус. Этот шанс был погребен под этой кучей отбросов. Нужно было лишь копать. Пальцы Мадаррака задели металл. Зрачки его расширились, и единым порывом он отбросил прочь столько мусора, что обнажились очертания шлема. Он был похож на шлем Йисаака, с единственным круглым обзорным иллюминатором. Мадаррак обтер его рукавом, и, завороченный, глядел в собственное отражение в стекле.

Через мгновение из-под створки иллюминатора заструился красный свет. Постепенно он принял очертание человеческого лица, искаженного страданиями.

Лицо заговорило. Голос был приглушен стеклом, но слова явственно различались. – Не надо было тебе приходить.

– Эрно Сзлод?

– Не надо было тебе приходить.

* * * * *

– Не надо было тебе приходить.

Слова на мгновение повисли в спертom воздухе сырого канализационного коллектора.

Мадаррак стоял на коленях перед миззиумным скафандром, который он раскопал в отбросах. Его ассистентка ведалкенша Кастан, через его плечо заглядывала в глубину сферического шлема, откуда донеслась жутковатая фраза. Она смотрела в огненные глаза светящегося человеческого силуэта, взиравшего на нее сквозь толстое смотровое стекло иллюминатора.

Мадаррак постучал по стеклу указательным пальцем. - Ты Эрно Сзлод? – уточнил стареющий маг с ноткой нетерпения в голосе.

Лицо расплылось, превратившись в клубящееся облачко энергии, затем снова резко собралось воедино. - Я проклят.

Мадаррак поднес к стеклу приемник. - Это устройство привело нас к тебе. Мы ищем Эрно Сзлода, химика Иззет, который пропал из своей лаборатории более тридцати лет назад.

- Я всех нас проклял.

Мадаррак в раздражении вскочил и пнул кучу грязи. Кастан присела на его место, оказавшись лицом к лицу с обитателем скафандра. Она обхватила шлем обеими руками и произнесла, - Мы здесь, чтобы помочь тебе. - Спустя секунду ведалкенша почувствовала, что миззиум нагревается.

- Нам уже ничто не поможет.

- Что здесь произошло? – настаивала на своем она.

И, как будто вопросы Кастан вышибли затычку после накопившегося за десятилетия давления, голос вырвался потоком. - Гипермановая линза, которую я создал, работала. Я был уверен в этом. Но, после встречи с ними, я стал экспериментировать с ней. - Металл шлема за мгновение стал невыносимо горячим, и Кастан выронила его. - Я изменил строение линзы. Что-то заставило меня сделать это. Когда я активировал устройство, оно перенесло нас сюда. Я каким-то образом знал, что так и будет. Но как? Откуда я мог это знать? Они овладели моим разумом! Так и было. Меня тошнило. Я кашлял и меня рвало... слизью. Это их рук дело! И мы прокляты за это. Мы все прокляты!

- Они – это кто? Иззмагнусы? Димиры? – Кастан огляделась. – Голгари? Кто?

- Голгари здесь больше не появляются. Они не настолько глупы.

- Кто тогда? Кто тебя заразил?

- Биомант.

Кастан озадаченно поглядела на шлем. - Симик?

- Когда мы очутились здесь, я превратился в то, чем я являюсь сейчас.

- Устройство вступило в реакцию с миззиумным скафандром, – заговорил Мадаррак. – Где устро...

- Трансформация проявила мой разум, излечила меня. А потом эти существа пришли к нам из темноты. Они не обратили внимания на меня, я подозреваю, из-за моей новой формы. Но они забрали моего ассистента. Йорума, который уже начал превращаться.

- Превращаться? Во что?

- Сейчас это неважно, - встрял в разговор Мадаррак. – Нам нужно найти прибор. Где то, что доставило тебя сюда? - Маг принялся снова прочесывать руками гниющую грязь. Большая цилиндрической формы канистра, отлитая из миззиума, застряла между скафандром и дном канавы. - Это, должно быть, он!

- Ментор, – обратилась к нему Кастан. - Что нам делать?

Мадаррак подождал ее взмахом руки. – Мы нашли прибор.

- Нет, я не про это. Смотрите!

Мадаррак посмотрел. На другом конце помещения стояла фигура, частично укутанная тенью, и глядела на них. Существо шагнуло вперед. Ноги его были не человеческие, а скорее насекомому. Затем показалась втора пара ног. Выше пояса существо было человекообразным, но тело защищал хитиновый панцирь. В руках у существа был грозного вида топор.

- Мы прокляты! – проговорил голос из шлема.

Еще одна такая же тварь возникла из тени, а за ней третья. Они общались между собой сериями резких щелчков, и, хотя слова были неизвестны Иззетам, намерения читались предельно ясно. Первое существо подняло топор, и все трое бросились в бой.

Голубоватая потрескивающая энергия возникла вокруг рук Кастан. - Ментор? – вопросительно произнесла она.

- Давай.

Кастан подняла руки, и электрические молнии заплясали вокруг нее. Она направила их в нападавших. Энергетические разряды нашли своих жертв, врезавшись в их экзоскелеты с тремя громкими хлопками. Безжизненные тела существ рухнули на пол, так и не добрав до магов. Кастан открыла рот и стояла несколько секунд в удивлении от собственной разрушительной мощи.

Мадаррак боролся с канистрой. - Быстрее. Помогите мне! - Кастан повиновалась, и вдвоем они выдернули ее из завала.

Топот множества семенящих ног и приглушенного треска наполнил помещение, он становился громче и эхом отдавался в невидимой высоте.

- Ментор! Снова они!

Мадаррак пристегнул канистру к спине, и ненадолго забылся в собственном мире грез о предстоящем избавлении. Голос Кастан звучал как будто издали. Что-то тяжелое упало ему на плечи, возвращая в реальность. - А? - Непроизвольно рука Мадаррака потянулась к тому месту, куда его ударило, и он нащупал вязкую желеобразную массу. Он поднял взгляд и присмотрелся к теням, которые, казалось, тянулись куда-то вверх.

Там, вверху, что-то пошевелилось. Прежде чем Мадаррак сумел это осмыслить, оно набросилось на него. Иззетский маг внезапно очутился на полу, прижатый тушей с отдаленно походившей на человека, но массивной и уродливой.

Кастан бросилась на помощь ментору, но на ее пути возникло несколько десятков воинов-краулов, ворвавшихся в помещение. Она была окружена, но не сдавалась. Темнота отступила перед резким светом потрескивающей энергии, которая взвилась в воздух из рук ассистентки.

- Мы все прокляты! – снова возвестил голос из шлема.

Мадаррак пытался высвободить руки, чтобы применить хоть какое-то заклинание. Но туша чудовищного мутанта была слишком увесистой. Он глядел Мадарраку в лицо, и огромная полупрозрачная капля выкатывалась из его открытого рта. Она скользнула наружу и повисла на ниточке липкой слюны, прежде чем упасть. Мадаррак отвернулся, чтобы слизь не попала на лицо, но она капнула ему ан щеку и поползла к его рту и носу.

- Йорум! – Мадаррак услышал знакомый голос, и краем глаза увидел огненную вспышку. Пламя ударило в мутанта, сбив его с пожилого мага, и приняло форму человеческого силуэта, кружащего вокруг чудовища.

Не теряя ни мгновения, Мадаррак поднес руки к лицу. Он нащупал пальцами слизь, которая уже добралась до ноздрей и уголка рта. Электричество потекло с пальцев мага, и, от его разряда слизь сжалась в комок и отвалилась.

Присутствие Кастан выдавали лишь вспышки молний в дальнем конце помещения. Между ментором и ассистенткой кишела бесчисленная толпа краулов. Мутант разорвал надвое то, что осталось от Эрно Сзлода. Нельзя было терять ни минуты. Мадаррак вытянул руки, и из них вырвался поток кипящего пара, окутавший мутанта с ног до головы. На его коже вскочили пузыри ожогов, и он с жутким визгом рухнул на пол. Краулы повернулись в сторону Мадаррака, оставив ему лишь один выход.

-Йисаак! Йисаак, сюда! – хрипел Мадаррак, мчась по уже знакомому проходу к громадному циклопу. Тот сидел, привалившись спиной к заросшей склизкими водорослями стене. Хотя Йисаак не отозвался, пожилой маг почувствовал облегчение при виде циклопа. Добравшись до него, Мадаррак позволил себе немного передохнуть. Он задыхался, колени его тряслись от напряженного бега и от тяжести прибора Эрно за спиной. – Пойдем, Йисаак, - Мадаррак схватился за руку Йисаака в Иззетской перчатке. – Нам надо выбираться отсюда.

Циклоп оставался неподвижен.

Мадаррак потряс Йисаака за руку, и от движения перчатка рассыпалась в облачко красно-коричневой пыли. Маг отскочил в ужасе, и схватился за фонарь, чтобы разглядеть произошедшее. При свете стало видно, что циклоп пребывал в состоянии распада. Миззиумные накладки

покрылись ржавчиной, а там, где виднелась плоть, началось разложение и пустились в рост грибы.

Маг отшатнулся и упал на колени, подавляя желание кричать, или вырвать. Голгари покинули это место. Он вспомнил глаза в темноте. Это были не гнилофермеры, а зрители. Стражи. Медленно, Мадаррак поднял фонарь и направил луч во мрак, окружавший проход.

Глаза во тьме. Глаза, которые становились все больше.

Мадаррак был один. Лишь он, гниющее тело Йисаака, и прибор Эрно...

Он содрал устройство со спины. В темноте слышалось шарканье ног, и, хотя Мадаррак понял, что Голгари окружали его, магу было все равно. У него было задание. Пользуясь кратким моментом просветления, Мадаррак изучил и ощупал хитроумное изобретение Иззетов, доверившись интуиции своих пальцев в поиске принципа его работы. Устройство внезапно оживило с гудением, и Мадаррак забросил его обратно на спину.

Столб пыли взвился вокруг него, и в мгновение ока Мадаррак исчез.

Прежде чем пыль улеглась, Мадаррак попал под знакомый обстрел энергетических вспышек, шипение пара и лязганье металла по миззиуму. Он не был уверен, где именно он очутился, но, когда запах сточного коллектора окончательно выветрился, маг убедился, что он снова был в Нивиксе, гильдейской башне Лиги Иззет. Нельзя было терять ни минуты. Прибор Эрно работал, и он должен был немедленно доложить об этом Нив-Миззету.

* * * * *

Мадаррак вернулся к себе после аудиенции у Нив-Миззета. Жилье его представляло собой скромную койку в низенькой нише в стене в углу лаборатории. Он содрал одежду со своего усталого тела. Ткань задубела от высохшей грязи и гнили. Немолодой маг, вернувший себе расположение Дракогения после передачи ему телепортатора Эрно, должен был снова явиться к предводителю Гильдии после того, как вымоется и поест. Маг долго стоял, глядя на изгвазданную одежду, которая рассыпалась у него в руках. Он нахмурился. В мыслях его возникли слова, преследовавшие его в подземелье: «Их слишком много, ментор, ментор!» Их было слишком много. Какой у него был выбор? Да, и Йисаак. Голгари знали, что именно спрятано на заброшенной ими территории. Они сделали все, чтобы оттуда ничего не вылезло.

Мадаррак ощутил, как его пальцы сжимаются в кулак, и, когда они стиснули ткань, в ней оказалось нечто твердое. Он встряхнул ком одежды, и на пол выпал приемник. Прибор запульсировал светом в знакомом ритме.

Он скользнул к выходу.

Не Эрно.

Кастан?

Мадаррак вновь натянул грязную одежду. Он подобрал приемник с пола. Нив-Миззет подождет. Или не подождет. Для Мадаррака это больше не имело значения. Он устал. Но он не бросит свою ассистентку на растерзание результатам извращенных экспериментов Симиков.

Взгляд Мадаррака упал на громоздкую двуногую конструкцию, из-за которой все началось, когда она пробила проход в заброшенную лабораторию Эрно. Ее собрали заново, и у подножия механизма лежала схема его конструкции. Кучки металлических обрезков и инструменты, прижимавшие каждый ее угол на полу не давали схеме свернуться в свиток. Мадаррак узнал свои чертежи, но он также увидел пометки и крошечные диаграммы, нацарапанные другой рукой – Кастан. Он перевел взгляд с чертежа на механизм, затем обратно. В дополнениях Кастан был смысл. Они были такими простыми, начертанные неловким почерком, и тем не менее, ему они в голову не приходили. Не до того сейчас. Теперь устройство должно работать.

Мадаррак вскарабкался на кресло пилота на плечах конструкции. Он повернул рычаги и нажал на выключатели. В механизм хлынула энергия. Все шло как надо. Так он спасет Кастан. А если нет, он сравняет всю это проклятую канализацию с землей.

Он приготовился нажать последний рычажок, когда он почувствовал, как что-то капнуло на тыльную сторону его ладони. Еще одна капля упала на приборную панель с датчиками. Пока она скользила по стеклу, Мадаррак узнал в ней вязкую сине-зеленую субстанцию. Лицо пожилого мага побелело, и он взглянул вверх, прикрываясь рукой. Ничего. Его взгляд судорожно метался по потолку лаборатории. Нет. Ничего не было. Ужас накатился на него, и Мадаррак поднес трясущуюся руку к носу. Когда он отвел ее от лица и осмотрел, его страх подтвердился.

Сотня ступеней

Asam Lee

Они были в ловушке.

Йек знал, что ключ был исключительно важным, но он не представлял, на что пойдут Димиры, чтобы получить его назад. И сейчас он, и его сестра Винни затаились в четырех стенах в маленькой квартирке; они оба знали, что помощь не придет - уж точно не в такой глуши Девятого округа. Они были совсем одни.

Йек видел хлопья пыли, которые проплывали сквозь тоненький лучик солнца, проникший в их нору. Винни прижалась к нему, на ее личике ужас смешался с надеждой. Там, снаружи был безумный альбинос и его извращенцы-подельники, у которых слюна текла, как у взбесившихся собак. Маньяки Рекдос. Йек только что окончил Академию Азориус, но его инструктора не готовили его к подобным ситуациям.

Йек без труда справился с группировкой бандитов с бойни, - слишком уж легко, - а потом понял, что они были всего лишь подставными жертвами, для того, чтобы он израсходовал на них всю свою магию Азориус.

А теперь альбинос явился делать настоящее дело.

- Йек, Йек, Йек, Йек! – Хрипло взвизгивал альбинос, волоча за собой по полу нож для свежевания, за которым оставался зазубренный след из щепок. – Вставай-ка, вставай-ка!

Рядом хихикал и ходил колесом шипастый шут. Когда он проделал дыру в стене, штукатурка и пыль посыпались дождем и забили Йеку нос и глаза. Винни рефлекторно съежилась и плотно зажала уши ладошками. Разум Йека работал в страшном темпе. Это был всего лишь вопрос времени – когда альбинос запустит бешеного пса, чтобы тот нашел их по запаху. Надо было убираться отсюда. Сейчас же. Под хриплые насмешки альбиноса, Йек осторожно придвинулся к Винни и шепнул ей на ухо, - Он приведет собак. Нам нужно уходить.

Винни кивнула. Она любила своего брата. Когда он вернулся из Академии, она думала, что благороднее его нет никого в Равнике. Йек шел к своей цели – стать иеромантом, защитником людей и закона, - и она хотела идти по его стопам.

С ними все будет в порядке. Йек вытащит их из неприятностей.

Йек осторожно извлек свой короткий меч и достал кинжал, с вытравленными на клинке печатями Гильдии Азориус. Он вложил его в ручонку сестры. Винни сжала пальцы вокруг оплетенной кожей рукояти. Кинжал ощущался тяжелым и опасным, и от этого ей стало чуточку легче. Она сжала зубы и снова кивнула. Йек набрал воздуха в грудь и затаился у пролома в стене. Глаза его были подсвечены узким солнечным лучом.

Шипастый шут неистово ликовал, он был опасен, но невнимателен. А вот альбиноса Йек больше не видел, и это его беспокоило. Надо попытать удачи. Йек отодвинул доски стены в сторону и прошептал заклинание. Потрескивающая голубая энергия вспыхнула и заключила шута в оковы из светящихся рун Азориус.

Шут открыл рот, чтобы изрыгнуть ругательство, но сапог Йека ударил его в голову, от чего бубенцы на шапке шута зазвенели, а его зубы затрещали. Шут перелетел через комнату и обмяк в углу. Винни кинулась к двери, но остановилась, пока Йек срубил еще двоих, цепеходов, ворвавшихся в комнату. Они кучей повалились на пол.

Йек и Винни мчались вниз по скользкой брусчатке улицы, но, завернув за угол, наскочили на здорового огра. Он преградил им путь. Йек резко развернулся и ударил плечом в какую-то дверь. Косяк разлетелся, и брат втолкнул Винни в помещение. Боевая цепь огра со свистом обвилась вокруг руки Йека, и его меч с лязгом упал на камни переулка. Еще две зазубренные цепи резанули тело Йека и опутали его. Он боролся, и рухнул на землю, пытаясь дотянуться до меча.

Краем глаза Йек увидел бледный кулак, метнувшийся, как змея, к Винни, отбросив ее на порог. Йек видел, как из тени, злорадно ухмыляясь, вышел безумный альбинос. Он встал над Винни и с беспечным видом достал свой клинок.

- Йек, Йек, Йек. У тебя есть что-то, чего хочет мой хозяин, - прошипел он.

Йек швырнул в альбиноса заряд голубой энергии, но он с шипением и треском рассеялся. В воздухе запахло озоном. Альбинос скорчил гримасу поддельного ужаса и неверия.

- О-о-ой? Что случилось? – Альбинос танцевал вокруг Йека, пока тот пытался высвободиться из цепей огра, раздирая в клочья плащ и собственную кожу. – Держу пари, ты тренировался этому заклинанию не один месяц. – Затем, проворно, как змея-серебрянка, альбинос вонзил свой разделочный нож в беспомощное тело Йека.

- Ай-я-яй! Болит? – Альбинос оскалился, опустился на колени и прошептал в лицо Йеку, - Держу пари, что да.

- Мне прикончить вторую, босс? – спросил огр.

- Девчонка нам сильно не... - Изящное лезвие с печатью Азориус вышло из горла альбиноса, словно серебристый язык, разбрызгивая кровь по его бледной коже. Самодовольная ухмылка альбиноса превратилась в выражение шока, когда он попытался удержаться на ногах, но не смог. Альбинос пытался засмеяться, но из горла вышел лишь булькающий хрип. Онемевшими пальцами он вцепился в зияющую рану, и повалился лицом вниз, к ногам Винни.

Огр в испуге пытался прибрать обратно свои цепи, но они запутались вокруг тела Йека. Винни услышала, как ее брат слабым голосом проговаривает заклинание, тратя на это остатки сил. Кинжал, который она сжимала, вспыхнул голубым огнем. Новая пульсирующая волна накрыла огра, и его ноги сложились под ним. Винни вспрыгнула на слабоющего громилу и тыкала его кинжалом, пока он не перестал шевелиться.

Тогда Винни кинулась к Йеку, упала на колени рядом с ним, и осторожно приподняла его голову. Она начала было что-то говорить ему, но брат приподнял слабеющую руку и пошарил ей в кармане туники.

- Винни. Возьми. Это улика. Отдай ее Халоку. – Йек вложил узорный ключ ей в руку. На ощупь он был холодным, и на нем была печать Гильдии Димир. Дыхание Йека остро прерывалось между словами. - Ступай в Колонну Йеленн, в школу иеромантов. Они позаботятся о тебе... теперь...

Винни шмыгнула носом, глотая слезы. - Йек...

- Будь сильной.

Рука Йека сползла на пол. Его взгляд медленно утратил фокус, и последний выдох соскользнул с его губ.

- Йек...

* * * * *

Винни пробиралась по опасным улицам Девятки, вся в крови, истерзанная и убитая горем. Но что-то внутри нее начинало меняться. Стальная пружина медленно распрямлялась, превращаясь в непреклонное стремление, укреплявшее ее, и затачивало ее волю, словно лезвие бритвы.

Не. Вставай. На. Моем. Пути.

Она проходила задние дворы и переулки, и слезы струились по ее лицу. Часть ее желала наткнуться сейчас на какого-нибудь Раكدосовского наемника с зубами через один. Особенно такого, кто счел бы ее легкой добычей. Винни представила себе, как она сгружает всю свою боль прямо в его агрессивную рожу. И с этой картиной в своем сознании она и преодолела весь путь из страшной Девятки.

Со временем, она добралась до подножия Сотни Ступеней – древней каменной лестницы, которая вела прочь из Девятки. Винни медленно карабкалась по ступеням. Ей казалось, что она с каждым шагом оставляет позади частицы прежней себя – слабость, неуверенность, сомнения. На каждой ступени она оставляла частичку того, что больше никогда ей не послужит. И каждый шаг был, как удар молота, закалявший ее волю в кузнице души, пока ее разум не вспыхнул ясным осознанием цели и собственного предназначения. Винни добралась по лестнице мимо безгильдийных кварталов до самого ее верха, где перед ней стояли Врата Гильдии Азориус. За ними простирался широкий проспект, который шел на многие мили через Новый Прахв, завершаясь в итоге в Форумом Азора.

Она постояла на верхних ступенях и шагнула через порог древних Врат, чтобы выйти по другую их сторону уже не ребенком. Даже на таком расстоянии она чувствовала силу Форума Азора. Он взывал к ней, как будто миллионы приверженцев Азориусов скандировали ее имя в приветствии. Словно они ждали этого момента несметные тысячи лет.

- Я не подведу вас, - сказала им Винни.

* * * * *

Солнце только что взошло.

Лучи света озарили массивные башни Нового Прахва, и те засияли, словно белое пламя. Винни миновала Колонну Йеленн, академию иеромантов, где ее брат учился в последние годы. Она направлялась напрямик к Колонне Лиев, в центр вербовки тех, кто служит оплотом закона – тех, кто расследует страшнейшие преступления в Равнике, кто сжимает своими руками горло беззакония. Винни желала себе самых суровых тренировок, самого беспощадного сержанта и самый элитный корпус. И, главное, она хотела, чтобы ей выдали назначение в самый опасный округ.

Она вошла в высокие двери Колонны Лиев и зашагала по обширному мраморному залу, затем по лестнице поднялась на третий ярус и зашла в Бюро Приема. Очередь кандидатов и ассистентов инстинктивно расступилась, слово отодвинутая ее волей.

Он со стуком положила окровавленный кинжал на конторский стол, взглянула в глаза Секретарю по подаче Заявлений, и произнесла голосом, заполнившим все помещение.

- Меня зовут Лавиния. Я хочу быть арестером.

Последний день

Colin Kawakami

Академия Пылающего Фонтана была одной из самых выдающихся школ в Равнике, уважаемой за объем и качество учебного плана, а также за уникальность – заведение было бесплатным. Обучение предоставлялось всем детям, любой расы и сословия, а самые светлые умы всех поколений школьников получали и стипендию. АПФ не принадлежала ни одной из гильдий; благосклонности заслуживала упорная работа, а не фанатизм, а если ученик был не готов ревностно трудиться, долго он тут не задерживался.

Но это был Последний День перед летними каникулами, и, как обычно, ребяташки слегка дурачились.

Лирик сидел на каменной скамье на краю школьного садика со скульптурами. Он смотрел, как сотни детей плясали вокруг Пылающего Фонтана, вспыхивавшего разноцветными огнями. Большинство ребят нацепили самодельные гильдейские костюмы. Ученики младших классов толкали в огромную чашу фонтана разряженных товарищей, а старшие ученики выкрикивали команды. Это был пятый год работы Лирика преподавателем в АПФ, и этот день выпуска был для него столь же волнительным, как и самый первый. Нет, даже более волнительным. На мгновение его сердце словно пронзил нож. Если сегодня вечером что-то пойдет не по плану, в будущем году он сюда не вернется.

- Профессор Л! Профессор Л! - Лирик глубоко вздохнул и обернулся. - Профессор Л! У меня для Вас кое-что есть! Я хотела подарить Вам это! – Это была Скрыжикс, девочка-гоблин из его почетного исторического класса. Она бежала к нему, левой рукой волоча за собой своего младшего братишку. В правой руке она сжимала скрученный лист бумаги.

Ее братик был наряжен гусаром Азориус, и его раскрашенный шлем из папье-маше сполз ему на глаза. Маленький гоблин ковырял в носу. - Хочу к фонтану! – он сдвинул шлем обратно на затылок.

- Ладно, иди, играй, - Скрыжикс выпустила его, и он смешался с толпой. Она крикнула ему вслед, - Только не намокни! - На девочке было белое платьице с черной пелериной, нарисованной прямо на нем на плечах и шее, но главным акцентом ее образа являлась прическа. Компа огненно-рыжих волос была взбита в подобие укладки, какие носили аристократки Оржов.

- Это я сделала для Вас! - Она протянула Лирику бумажный свиток. Он принял его и развернул аккуратно, как подобает учителю. Это была картинка, изображающая его классную комнату, но с гротескно высоким потолком, а сам Лирик был изображен гигантом Груулом в очках, сидящим на корточках, чтобы поместиться в классе, и тыкающим в доску мелком размером с бревно. Лирик рассмеялся.

Скрыжикс ухмыльнулась, но быстро отвела глаза, как только профессор свернул лист.

- Спасибо, Скрыжикс, очень похоже. Я вставлю картинку в рамку и повешу в своем кабинете здесь, в школе. - Он открыл ранец и убрал картинку, осторожно уложив ее в один из жестких карманов, чтобы она не помялась.

- Что будете делать на каникулах, Профессор Л?

- Я уеду на день или два, а потом вернусь и буду здесь до конца лета. Буду возиться в саду, пока не станет слишком жарко, а потом займусь подготовкой расписания уроков на следующий год. Ничего особенного.

- А куда едете?

- Хм-м?

- Вы сказали, что уедете на пару дней, - Скрыжикс склонила голову и открыто его рассматривала. Она была высокой для гоблина, высокой для ее возраста.

Лирик захлопнул ранец и почувствовал, как металлические пряжки поползли одна к другой и застегнулись с неслышным щелчком. Ранец, разработанный Иззетами, сократился под размер содержимого и плотно прилеп к его спине, когда профессор затянул ремни. Это была вторая самая дорогая вещь, которой он владел. Лирик встал и похлопал девочку-гоблина по плечу.

- Счастливого Последнего Дня тебе, Скрыжикс. И веселого лета!

Спустя несколько часов Лирик смотрел на закат, пристегнутый ремнем к дирижабле, спускающейся в район Исмери. Большая часть пассажиров зверюги стояла рядом с ним у западного ограждения, и на мгновение он представил себе, как все наблюдают одну и ту же картину: начало всех вечеров Равники, разостланное лоскутным одеялом у их ног.

Когда дирижабля пришвартовалась, Лирик, не спеша, направился на прогулку по променаду. Магазины на первых этажах домов закрывали ставни, загорались фонари, и на улицах начиналась ночная суета. Лирик вырос здесь, в Исмери, и, хотя фасады домов изменились со временем, он чувствовал себя здесь уютнее, чем когда-либо прежде. Снаружи крытой танцплощадки двое Ракдосовских вышибал мерялись татуировками. Продавец пирожков ставил поудобнее свою тележку. Через несколько кварталов трое мордovorотов дразнили моа, пока она не развернулась и не боднула одного из них бронзовым клубком так, что сбила хулигана с ног. На углу Двенадцатой и Вуали, Лирик остановился и медленно обернулся вокруг себя. Здесь он впервые поцеловал девушку, Марину, чей огромный рот и глаза навывкате навевали мысли о лягушке. Но воспоминание было еще теплым, ярким. Голова Лирика закружилась от легкости. Он был дома.

Лирик нашел общественную душевую и там переоделся. Форменная куртка с эмблемой АПФ отправилась в Иззетский рюкзак, а наружу появился плащ для прохода во Врата. Лирик оценил сам себя в зеркале и отсчитал назад от цифры одиннадцать. Когда он дошел до ноля, его отражение начало таять, пока не стало почти прозрачным.

На улице всеобщая суматоха достигла комфортного уровня хаоса, и Лирик вошел в здание, которое, как решил бы сторонний наблюдатель, он выбрал случайно. Он никогда не был раньше именно в этом месте. Но внешне дом был неотличим от других штабов, где он работал. То есть ничего особенного в нем не было. Входная дверь была отперта, и, как только Лирик вошел в коридор, он засунул руки в карманы плаща.

Нить была на месте, - то ли шнурок от ботинка, то ли лента, то ли отрезок шпагата. Чем внимательнее ее рассматривали, тем более не приметной она казалась, пока не становилась совершенно невидимой. Лирик повязал ее на запястье, и указательным пальцем начертил знак присоединения на внутренней двери. Дверная ручка исчезла, и вход открылся изнутри.

Лирик миновал обеденный стол в закутке и остановился в кухне. - Я пришел. Где приветствие? - обратился он к пустому помещению.

Воздух захрустел, и из укромного уголка над сервантом появился окукус. Он перебрался ниже, балансируя на полочке для посуды, а потом соскочил на стол.

Вот оно. Все те ночи, которые он посвятил судорожному обдумыванию своего плана, напряжение и тревога последних дней, все это развернется прямо сейчас. Лирик наклонился к существу. Оно положило ручки ему на плечи и уставилось в лицо. От твари пахло чем-то соленым.

И, словно он всегда был там, шепчущий голос стража памяти зашептал сквозь плиточный пол, проникая в кухню. Шум кухонной суеты образовал вопрос.

- Ты принес головоломку?

- Нет, - ответил Лирик. – Не принес. - Темная магия покалывала его кожу, и нить вибрировала, извиваясь вокруг запястья, как живая, ограждая его от прощупывания блюстителем. Лирик подавил дрожь.

- И почему же? - Вопрос возник в дребезжании тарелок на полке, окончившись звуком, который мог бы издать молочный зуб ребенка, упавший в чашку. Лирик выпрямился, и окурус отодвинулся, присев на задние ноги.

- С головоломкой покончено. Я ее решил.

Повисла ужасная тишина, прежде чем страж безжизненно засмеялся. – Пусть будет по-твоему, агент.

Облегчение окатило Лирика: его не узнали. Из угла, где прежде стояла швабра, теперь вела вниз узенькая лесенка.

У ее подножья сидел Димирский толкователь, спиной к двери, и возился со стеной из песка. Созданная из бесчисленных воспоминаний, стена содержала в себе события прошлого со всех точек зрения. Лирик почувствовал себя уязвимым и неприкаянным, как и всегда у этой стены. Некая важная часть его самого внезапно исчезла. Он был куклой в кукольном мире, играющей механическую пантомиму жизни. *Это не мои воспоминания*, сказал сам себе Лирик. И, тем не менее, в его кукольный дом сквозь стену песка глядел толкователь.

Лирик прокашлялся. Руки, рисовавшие бесконечные узоры и символы в песке, остановились, упали, и кресло развернулось. Он был меньше, чем помнил Лирик, - он не просто похудел, а сморщился. Взгляд толкователя медленно сфокусировался, потом его глаза расширились от удивления.

- Лирик? Сколько же мы не виделись? Как ты... - Толкователь не договорил, вскочил, споткнувшись. Они неловко обнялись.

- Привет, пап, - ответил ему Лирик. – Давненько уже.

Последний раз, когда он видел отца за пределами штаба, была церемония повышения Лирика в ранге до напоминателя Димиров. Церемония состоялась в атриуме Сумеречного Покрова, в присутствии лишь его отца да гильдейского мага. Маг пропустил монету с чеканкой в виде образа Лазава через нить Лирика и запечатал ее концы - символ пустого круга. Только агенты высшего уровня могли преобразовывать нить таким образом, это был талант; которому невозможно было обучиться. Отец Лирика плакал, преисполненный гордости, зная, что его сын не будет пропадать в должности счетовода на городском дне. Лирик мог ходить по Равнике неузнанным, изменяя будущее города согласно указаниям Димир, и никто никогда не узнал бы, кем он был.

Но после этой ночи все измениться. Семь дней назад Лирик нашел того мага, который проводил обряд его посвящения в напоминатели – единственного человека помимо его отца, способного узнать его. Лирик очистил мага память и оставил валяться у колонны Динрова.

Лирик искренне улыбнулся и тихо произнес: - Почему бы тебе не показать, над чем ты работаешь, пап?

- Что? А, да, конечно! - Отец снова повернулся к стене и извлек немного воспоминаний. - Гильдии вынуждены пройти Скрытый Лабиринт. Мы собрали как можно больше сведений, не поднимая шума... а, вот! Смотри! - В песке виднелся силуэт: далекая арка и Нив-Миззет, изучающий макет Равники. Стена заколебалась и проявила Иззетского мага, в котором Лирик узнал Рала Зарека. Тот смеялся, глядя, как в развалинах рухнувшего дома роется элементаль.

- Лазав полагает, что в конце лабиринта ждет награда, которую должны заполучить Димиры, - отец был в том воодушевлении, которое ему давала только стена. - Но тут есть кое-что необычное. Вот этот тип, он тоже важен, но я еще не видел, чем именно... Фигура в синем плаще с капюшоном. Человек выглядел озадаченно и очень знакомо. Лирик шагнул к отцу, взял нить в две сложенные ладони и закрыл глаза.

Сколько разумов он ограбил, сколько личных мыслей он развеял, лишь для того, чтобы упрятать их в стену, подобную этой?

Поначалу это ощущения были невероятными, непостижимыми, гротескными. Коллективный разум Равники был как масса для лепки, которую можно было плоско раскатать и вылепить так, как он захочет. Лирик был влюблен в эту мысль, в темную анонимность, в чувство, что он являлся кем-то другим, но это прошло. Его отец станет последним, самым последним, а он завтра уже не будет Димиром.

Это было крайне щепетильное, но элементарное дело. Лирик медленно потянул нить, прижимая ее большим пальцем, и серия глифов лопались один за другим. Картины, появившиеся на стене, заволновались и пропали. Руки отца снова опустились. Он повернулся и нахмурился.

- Прошу прощения, агент... я забыл Ваше имя. Вы пришли сделать вклад?

Лирик несколько раз моргнул, прежде чем сумел заговорить. - Вклад мы уже сделали. Мне пора. Я тороплюсь.

Толкователь кивнул, открыл, было, рот, чтобы что-то сказать, но слов не прозвучало. Он пожал плечами и снова сел к стене из песка.

Вернувшись на улицу, Лирик пошел по направлению к библиотеке, потом свернул в проулок. В этой части района по ночам мало кто гулял. Он вытащил нить из кармана и оглянулся через плечо, во внезапном страхе, что за ним следят. Но никого не было.

Он держал нить перед глазами и словно выдавливал из нее бусины, которые вспыхивали и исчезали. Вскоре в его руках оказалось нечто вроде тесемки. Возможно, она вытянулась из шва на рубашке. Он ведь теперь был всего лишь школьным учителем. Он не мог позволить себе дорогую одежду. Когда Лирик вернется в Академию Пытающего Фонтана, он закопает этот обрывок в саду, привалит камнем и посадит на холмике папоротник.

А карикатуру, которую нарисовала на него Скрыжикс, он повесит на стену в своей классной комнате.

След на бумаге

Nik Davidson

Дорогой дневник,

Сегодня самый лучший день! Мама купила мне на рынке яйцо кусаки! Я пообещал, что буду заботиться о нем, убирать за ним и что он точно не съест ничего ценного. Кусаки – лучшие домашние животные! Когда у Лева был такой, к нему никто не лез. Мы станем лучшими друзьями.

Руслан

* * * * *

Дорогой дневник,

Сегодня Кубе исполнилось три недели. Он стал таким большим! Маме он нравится, потому что он ест крыс, но вообще он ест все, что мы ему даем. Он ходит за мной повсюду, и он потрясно милый. Я кормлю его остатками от моего обеда, а он лижет меня в лицо. Алена на меня злится, потому что, как она говорит, Куба съел ее собаку. Но я знаю, что он этого не делал, и вообще, ее глупая собака вчера меня укусила, поэтому так ей и надо.

Руслан

* * * * *

Дорогой дневник,

Куба убежал. Он погнался за кем-то по сточной канаве и не вернулся назад. Мама говорит, я могу завести себе другого, но другого я не хочу. Я хочу, чтобы Куба вернулся домой.

Руслан

Журнал погонщика варанов, число: 12, месяц: Грив

Мелиорация сточных каналов проходит без происшествий. За прошедшую неделю трое рабочих вступили в фазу смерти в естественном цикле, двое – в фазу жизни. Системных потерь эффективности в нашем секторе нет.

На гнилоферму пробрался кусака, вероятно, Сверху. Он дерется и безостановочно ест с момента появления у нас. Пара наших ребят поспорила, сколько он протянет.

Журнал погонщика варанов, число: 19, месяц: Грив

Кусака отбилась от рук. Он сожрал двух рабочих, и мы привели укротителя, чтобы он его обуздал. Укротителя кусака тоже съел. Я уверен – при определенных усилиях мы могли бы приспособить

зверя к делу, но я не думаю, что это окупит потери и затраты. Я планирую выгнать его за сточную решетку на территорию Лиги Иззетов. Пусть он поедает их, а у нас есть дела и поважнее.

Пробная заявка № 1547, Келен Йек, специалист механической аугментации, Третий Класс

Предпосылка: Реализация систем биомеханического приращения исторически была весьма затруднена, так как ментальных способностей организма, подвергнутого имплантации, не хватает для соответствующих реакций нервной системы. Организм не справляется с внезапной интеграцией в него новых устройств.

Вопрос: Может ли сыворотка усиления нервной деятельности быть применена к субъекту параллельно с механическим усовершенствованием для того, чтобы предоставить субъекту возможность обострить собственные инстинкты, обусловленные биологией, а также ускорить реакции?

Метод: Имплантация простейшей миззиумной структуры в живой организм в сочетании с введением сыворотки усиления нервной деятельности (формула №P-25Й12) для определения, сможет ли живой организм осуществлять контроль над структурой, не разрушая ни ее, ни сам себя.

Протоколы безопасности: Согласно прогнозам, воздействие будет минимальным. Запрощены биологические меры низкой безопасности.

Оратор Трифон,

Я рад проинформировать Вас о результатах ряда проектов, которые в настоящее время завершены. Как Вам сообщили несколько недель назад, мы обнаружили тяжелораненое существо, которое ползло по мелководью вдоль берега Северного Интерьера. Мы погрузили его в искусственный инкубатор для излечения, и получили цепочку неожиданных реакций.

Я смею утверждать, что существо появилось на свет обыкновенным кусакой, но жизнь его была насыщена событиями. Его выдающиеся размеры и развитая мускулатура типичны для существ, выкормленных Голгари, но его укрепленный скелет – однозначно результат губительного Иззетского вмешательства. Мы извлекли большую часть механизмов хирургическим путем, но все удалить не смогли из опасений повредить центральную нервную систему кусаки.

Я использовал стандартный набор медикаментов для пациентов инкубационных камер, но создается впечатление, что нынешний кусака предназначен для чего-то большего, нежели того, что уготовила для него природа, или даже того, что для него уготовил я сам. Он начал демонстрировать невероятное интеллектуальное развитие. То ли в результате интоксикации, то ли, согласно моей теории, в результате *идеальных внутренних данных* для развития сознания, но кусака начал воспроизводить в себе приблизительные черты гуманоидного существа. Я полагаю, он уже стоит на пороге появления рассудочного мышления. Мой энтузиазм, вызванный этим достижением, омрачает лишь тот факт, что я понятия не имею, как воспроизвести процесс еще раз.

Без сомнения, я буду держать Вас в курсе о достижениях субъекта, хотя я настаиваю на том, что он получит право на собственную жизнь и свободный выбор, чтобы с течением времени самостоятельно начать принимать решения.

Станисил, Биомант, Панцирный Клэйд

Станисил попросил меня записывать мои мысли и эмоции, в ходе моего, и их, развития. Я смотрю на эти *руки*, и не до конца осознаю, что они мои. Я помню, чем по сути являются руки, и помню, каким раньше были мои передние конечности. Но то, что сейчас держит это перо, не является ни тем, ни другим. Меня постоянно спрашивают, чего я *хочу*, как я себя *чувствую*. И я не знаю, что ответить. Симики заботятся обо мне исключительным образом, и обращаются со мной уважительно. Но я ощущаю главным образом их любопытство. Меня изучают, и мне это не нравится.

Мне говорят, что я свободен, идти куда захочу, и делать, что пожелаю. Эта мысль меня пугает. Иногда мне не хочется ничего другого, кроме как найти нагретое местечко на солнышке. Все кажется таким новым.

Есть еще кое-что, к чему моим мысли постоянно возвращаются. Но я не решаюсь признаться в этом даже Станисилу. Образ мальчика, человека. Я помню его доброту. Помню, как я был счастлив, помню...

Дом.

Я хочу домой. И мне кажется, я помню дорогу.

Битва за Девятый район

Adam Lee

Гидеон вытер грязь с лица и улыбнулся.

- Они заглотили наживку, - взволнованно сказала Анза, пока штукатурка осыпалась на их головы. Разбитые кирпичи валялись повсюду вокруг них; они едва различали друг друга в заполненном пылью воздухе дома.

- В этом плане на Груулов можно положиться, - сказал Гидеон. Очередной удар массивной дубины проломил стену совсем рядом, осыпав пол градом кирпичной крошки и расколов три опорных балки. Верхние этажи лавиной рушились вокруг них – стулья, столы, и посуда гремели в осаждающемся потоке. Они слышали боевой рев гиганта снаружи. Он был уже близко.

- Крок! – фыркнул Гидеон, сплюнув пыль. – Он нас вынюхает, это лишь вопрос времени. Возвращайся на площадь, скажи Дарсу, что мы идем, пусть занимают позиции. Осторожно! – Гидеон оттолкнул Анзу в сторону, когда второй взмах дубины гиганта разбил оставшуюся стену, отбросив Гидеона на пол. Он поднял голову и увидел, как Анза вскочила быстрее вяжино, метнувшись сквозь облака пыли над развалинами в переулок. Гидеон поднялся на ноги, пока гигант продолжал дико размахивать дубиной. Обломки стен разлетались по улице, как пробковые мячики от детской биты. Позади гиганта Гидеон слышал топот и боевые скандирования орды Груулов.

Хорошо, подумал Гидеон, убегая прочь. Веди их всех.

* * * * *

Дарс Госток слышал нарастающие звуки хаоса, эхом отражавшиеся от стен в узких улицах Девятого района. Всякая чертовщина срывалась с цепи, а он все еще не получал никаких сигналов от Юры.

Гидеон и Дарс выстроили легион Борос, прозванный Огненным кулаком, на площади, скрытый в тени окружающих строений. Многие пытались объявить свои права на Девятый район, но никому не удалось его удержать. Безгильдийные жители выглядывали из щелей запертых дверей и закрытых ставней своих домов, с опаской глядя на Огненный кулак. Они уже давно выучили, что, когда гильдии собирают силы, нужно забаррикадировать дери, ждать, и молиться.

Когда эхо разрушения достигло улицы, ведущей к площади, легионеры напряглись и потянулись к мечам. Время пришло.

- Мы готовы, капитан. – Капрал Жазек, выжидающе взглянул на Дарса.

- Хорошо. Ждем, когда Жура выманит их на площадь.

В этот момент на улице появилась Анза и пробежала через открытое пространство площади; Дарс встретил ее под каменной аркой на другой стороне. – Они идут, - переводя дыхание, сообщила Анза. – Командующий Жура идет следом.

- Уверен, он успел подружиться с Груулами, - сказал Дарс. – Он многих выманил?

- Клан Камнетесов выслал пару громил, Капитан, - сказала Анза, отхлебнув из фляги. – И за ними еще достаточно дикарей, жаждущих крови. Командующий Юра, вероятно, собирается привести сюда каждого Груула в Девятке.

- Таков наш план. – Улыбнулся Дарс. Он достал меч и прошел на площадь, обращаясь к легиону. – Огненный кулак, занять позиции! Посмотрим, проглотят ли Рекдосовские ублюдки свою наживку, и тогда у нас ждет роскошная вечеринка.

* * * * *

Гидеон мчался к площади, как сумасшедший, орда Груулов бесновалась за его спиной, подобно поднявшемуся шторму.

- Приготовиться! – заорал Гидеон, проносясь через центр площади к передовой линии солдат Борос. Груулы хлынули на площадь с дальнего края, готовые сеять хаос. Как только дикари пересекли центр площади, Гидеон заорал, - Сейчас!

Дарс командовал, «Огонь!» и с крыш и верхних этажей, пламя магии Борос осветило площадь потоками огня, ударившими в Груулов. Воинственные дикари зажглись, как факелы, и их громадные звери смялись в кучи, но неумолимая орда пробивалась вперед, через тела павших к линии фронта Борос.

- В атаку! – Гидеон и солдаты Борос бросились со своих мест в рукопашный бой в Груулами. Позади них, волна быстрых клинков, мстителей, и командос орали боевые кличи во имя Ордруун и их священных клятв. Они столкнулись с потоком воинов Груул и зверей из кланов Гóра и Камнетесов.

Гидеон пробирался сквозь ряды Борос в поисках Дарса. – Что слышно от Рекдос?

- Ничего, - ответил Дарс. – Тишина.

- Крокт. – Рывкнул Гидеон. – Мы не можем вечно сдерживать Груулов и не можем упустить их. Этот улыбочивый верблюд обязан привести сюда Рекдос.

Неожиданно, со смежного края площади послышался безумный вой, заглушавший шум сражения. Рыцарь Борос в сияющих доспехах и загорелой кожей вбежал на площадь из углового переулка, преследуемый беспорядочным клубком из демонов и психопатов. Белозубая ухмылка блеснула на лице рыцаря, когда тот увидел Командующего.

- Тажик! Берегись! – выкрикнул Гидеон.

Раскат демонической магии врезался в Таджики пушечным ядром, окутав его облаком огня и серы. Гидеон остановился, как вкопанный, но Тажик выбежал из облака невредимый, с неизменной улыбкой на лице. Бойцы Борос бросились наперерез Рекдосам, когда Тажик остановился рядом Гидеоном.

- Жура, дружище! Я вернулся, как обещал! – Тажик весело подмигнул, отряхиваясь от пыли. Он заметил выражение лица Гидеона. – Не волнуйся, Жура, это всего лишь облако дыма.

- Я все думал, когда же ты появишься, - сказал Гидеон участнику гонки по лабиринту от гильдии Борос. – Похоже, тебе удалось обратить на себя их внимание.

- Это было несложно, - сказал Тажик. – Просто нужно знать, какие оскорбления использовать.

Гидеон взглянул на капитана Огненного кулака. – Дарс, Рекдосы прибыли!

Дарс приказал рыцарю трубить в горн. Спустил три резкие ноты, Огненный кулак отпрянул от Груулов и пробился назад, к своему краю площади, образовав сверкающую стену из Копий и мечей Борос, в тот момент, когда Рекдосы хлынули на площадь в бурлящем потоке безумия. Они мгновенно набросились на Груулов с дикими воплями садистского удовольствия. Минотавров Борос, погрязших в ярости боя, пришлось вытягивать из сражения, пока они не пришли в чувства, вспомнили свою муштру, и не отступили.

- Сдерживать их! – орали Гидеон, Дарс, и Тажик, перебивая шум битвы, и бросаясь помочь в тех местах передовой шеренги Огненного кулака, где ощущались признаки слабости. – Любой ценой держать их на площади!

Все силы Огненного Кулака были брошены на сдерживание хаоса. Рекдосы и Груулы резали друг друга в центре площади, забывшиеся в безумии кровожадности и ярости. Борос сомкнули ряды по краям сражения и медленно наступали, сжимая кольцо, подобно аркану.

Пока основные силы Огненного кулака сдерживали резню, Гидеон приказал Тажику проверить оставшиеся зоны с взводом мстителей и командос.

Тажик связался с патрульными силовиками Оржов и рыцарями, которые к данному моменту уже использовали свое влияние, чтобы искоренить Димирских марионетчиков и главарей кругов, окопавшихся в Девятом районе. Таисия Карлова оплатила пару услуг, чтобы заполучить разведданные, которые в состоянии получить были только Оржов. С Обзедатом, конечно, была заключена сделка: Борос и Оржов разделят защитные функции в Девятом округе, но Таисия заверила их, что будет лично следить за жизнью района. Для Аврелии это была тяжелая сделка, но ангельский предводитель понимала, как и все остальные, что вскрытие и истребление спящих ячеек Димир в Девятом районе было необходимым шагом в отвоевании округа.

Конечно, с Димирами, невозможно было ни в чем быть уверенным.

* * * * *

Гидеон стоял рядом с военачальницей, после того, как все покинули штабной зал. Она подняла небольшой домик со стоящего по центру широкого стола с макетом Девятого района, и несколько мгновений осматривала его.

- Ты оказал большую услугу гильдии Борос и мне лично, Жура, - сказала она, вращая пальцами модель строения. Выдержав паузу, она взглянула на него. – Еще большую услугу ты оказал мирным жителям. Ты уверен, что не желаешь примкнуть к нашим рядам и продолжить служить на благо Равники?

Гидеон улыбнулся. – Ничто не доставило бы мне большего удовольствия, чем помощь Вам и гильдии Борос, Предводитель. Я никогда прежде не сражался бок о бок с лучшими солдатами, но я нужен в другом месте. Меня ждут иные сражения.

Аврелия смотрела на него глазами, видящими гораздо больше, чем просто его человеческий облик. Гидеон задумался, насколько ангел была осведомлена о силах за пределами Равники, и знала ли она о них вообще. Он протянул руку. Аврелия сжала его ладонь железной хваткой, от которой по его телу прошли волны жара и энергии.

- Благодарю тебя, Жура. – Она выпустила его ладонь, но он все еще чувствовал энергию, пронизывавшую его кости.

Гидеон поклонился. – Это была большая честь для меня, Предводитель.

Неожиданно, она улыбнулась ему, лучась теплой энергией. Гидеон едва не отступил назад. Это выглядело одновременно прекрасно и подавляюще, затем, она столь же неожиданно развернулась, и вышла из зала.

У самого выхода, она сказала, - я всегда буду рада видеть тебя в ДомеСолнца, Жура.

Университет Равники

Jennifer Clarke Wilkes

Добро пожаловать в Университет Равники! Я Скрыжикс, и я буду вашим руководителем на ознакомительном уроке. Не стесняйтесь задавать вопросы в ходе обзорной экскурсии.

У нас длинный список занятий на сегодня, которые предназначены для того, чтобы показать вам нашу повседневную жизнь. Начнется все с генерального собрания через несколько минут, где заведующий учебной частью Белерен утвердит новые правила. Но, как все ознакомительные уроки, этот будет сосредоточен на структуре классов и правилах общежития.

Ректор Миззет, скорее всего, не появится. В эти дни его тут вообще не видно. Я слышала, он работает над неким крупным исследовательским проектом. Но у них с Белереном тесные отношения, это определено.

Ну вот, теперь, когда лекция окончена и вы прослушали официальную часть, давайте я расскажу, как здесь все устроено *на самом деле*. Я тут уже пару лет и кое-что знаю. Как бы этого не отрицали взрослые, закрытые компашки – реальность жизни студентов, и нигде это не является настолько важным, как в Университете Равники. Однажды ты обнаруживаешь себя принадлежащим к определенной группе, или же избегающим некоего сообщества. В противном случае ты вообще никто. Но здесь группировки хотя бы не носят каждая свою униформу.

Итак, давайте начнем экскурсию с канцелярии. Заходите сюда, если вам нужна помощь с документами или вы хотите куда-нибудь записаться. Дела ведет секретарь Исперия, и она знает, где здесь что находится. Ей благоволят завуч, так что не портите с ней отношения.

Да, что же насчет Белерена? Ну, он пытается вести политику открытости, но слишком уж озабочен тем, чтобы всем нравиться. Понимаете, о чем я? Он постоянно устраивает общие собрания, чтобы обратиться к тому или иному вопросу, но мы все знаем – он слишком занят, чтобы уследить за всем происходящим. Правда, я не стала бы привлекать его внимания, он любит оставлять после занятий. И тогда ты сидишь вместе с неотесанными Груулами и задавалами-Оржовцами. К тому же, приходится выслушивать нотации Белерена и терпеть дежурных Азориусов, которые всем тут распоряжаются.

Осторожнее с этими Позориусами, кстати. Они любят ловить народ за любую мелочь. Но вычислить их легко, они сами всегда вызываются дежурить в вестибюле, и их самодовольная улыбка идеально подходит к их дизайнерским одежкам. Так, не смотрите туда, эта дрянь Лавиния за нами наблюдает. Ведите себя, как ни в чем ни бывало. Самое лучшее, что я могу сказать про Азориусов – это то, что они инициативны. Знаете, тот тип студента, который сидит в первом ряду с вечно поднятой рукой? Вот-вот.

Хотя, если это как раз про вас, они вас, скорее всего, трогать не будут. Но не надейтесь на популярность.

Ладно. Идем дальше. Вот кафе. По пятницам у нас пицца, и лучше прийти пораньше, чтобы вам досталось. Очереди большие, а Груулы вечно лезут вперед и грабастают двойные порции. Предупреждаю: не ешьте ничего, что предложат Голгари. Я серьезно.

В том конце вестибюля находятся персональные шкафчики. Каждому из вас покажут свой, но вам надо будет принести личный замок. Если ваш шкафчик окажется рядом с Голгари, я бы посоветовала обработать его средством от грибка. На всякий случай.

Шкафчики удобно расположены рядом со спортивным залом. Я сама не хожу на физкультуру, но завуч уделяет ей много внимания. Здоровый дух в здоровом теле и все такое, хотя он и сам мог бы приложить немного сил и позаниматься, если честно. Но некоторые Оржовские задиры пользуются спортивными занятиями, чтобы надавать пинков более слабым студентам. К тому же они отбирают у нас деньги на обед. Так что физкультура бывает небезопасна. Но надо стараться успевать и по ней.

Ну, если ты не одержим спортом, конечно. Я никого не хочу обидеть. На самом деле, эти Боросовские солдатики весьма представительны. Они не особо понимают что-то за пределами грубой силы, но они отлично работают в команде и понимают правила. И если тебе нужен защитник, когда хулиганы портят тебе жизнь, нет ничего лучше, чем позвать на помощь одного из Боросов. Если нет другого выхода, беги вместе с ними вон на ту спортплощадку.

Вон там, за актовым залом, гримерки. Там собирается театральный кружок, а еще там стоит пианино, само собой, расстроенное. В этом месте всегда можно встретить нескольких театралов-Ракдосов, они постоянно там ошиваются. Они по-своему забавны, но вот музыку выбирают странноватую. Ракдосы все время устраивают какие-то безумные спектакли, и оказываются в медицинском кабинете чаще, чем кто бы то ни было.

Знаете, кто любит ходить на их мероприятия? Эти жуткие ребята-Димиры. Они действительно со странностями, вечно носят черные плащи, толстый слой грима и все такое. Я слышала, они разыгрывают представления по ролям на улице ночью. Компания ненормальных.

Идемте, нам вверх по лестнице. Здесь в основном классные комнаты, но в пару мест стоит заглянуть. Это комната отдыха, здесь также иногда бывают танцы, если спортзал занят. Тут всегда можно встретить компанию Селезнийцев, они просто расслабляются и ничего не делают. Они исключительно дружелюбны. Даже чересчур. Сидят в своих парусиновых

штанах и играют на гитарах и зовут всех, кто идет мимо, присоединиться к ним. На занятиях я их ни разу не видела. Если вы желаете водиться с Селезнийцами, то похоже, что на учебу вам плевать.

А здесь собирается кружок радиолюбителей. Чтобы пообщаться с Иззетами, нужно настроить особый звуковой аппарат. У них талант и любовь к технике. Иззеты постоянно торчат в мастерской по металлу, и устраивают пару раз в год бои роботов. Вы точно не захотите их пропустить.

Кстати, нам стоит спуститься вниз, где находятся лаборатории по химии и биологии. Здесь тоже можно наткнуться на Иззета. Но вот чего я не понимаю, так это безумных лаборантов-Симиков. Они все свободное время проводят там, возятся с химикатами и таращатся в микроскопы. А еще Симики вечно кого-то режут. Ничего так, да? Еще удивительнее то, что потом они сшивают куски в другом порядке. Свинолягушки, сверчки-пауки – кто знает, что они выдумают дальше? От Симиков вечно несет формальдегидом. Знаете ли, с теми, кто везде ходит в лабораторном халате, явно что-то не так.

Хорошо, идемте на улицу. Вот игровое поле, а вот беговая дорожка. Здесь же гоняют мячик по траве клюшками и ногами. Там – ракетками. Многие студенты предпочитают обедать на свежем воздухе, но найти свободный столик – большая удача. Лучше просто отыскать местечко в тени. Старшекурсникам можно выходить пообедать в город, и они обычно толпятся у прилавков с уличной едой внизу по улице. Младшие остаются в студенческом городке, но на его окраинах есть лесок. Можно сказать, это уже за территорией городка.

Только осторожно, там Груулы. Эти парни вечно околачиваются по кустам, буянят и дебоширят. Теплые рубахи в клетку, грубые башмаки на тяжелых подошвах. Ну вы знаете таких. Подозреваю, что эти парни и лет в тридцать будут тут.

Ну вот, вроде экскурсия окончена. Что? К какому сообществу принадлежу я? Если честно, то ни к какому. Я это не нарочно, просто никуда не вписалась. Тут есть еще несколько таких же, некоторые из них зовут себя Безвратными. Мне кажется, нас можно назвать группой тех, кто вне групп. И возможно, это лучший способ здесь выжить.

Удачи! Бойцовые Жабомоты, вперед!

УНИВЕРСИТЕТ РАВНИКИ

БОЙЦОВЫЕ ЖАБОМОТЫ

Горгона и Пакт Гильдий

Doug Beyer

Джейс возник в Равнике слишком поздно, судя по скорости, с которой его нашел по прибытии курьер и по количеству слов «срочно», содержащихся в сообщении. Лавиния, бывшая участница гонки по лабиринту от Сената Азориус, а ныне советница и заместитель Джейса в Палате Пакта Гильдий, старалась вести дела, когда Джейс временно оставлял свои обязанности.

По недавно выстроенным коридорам Палаты Пакта Гильдий эхом разносился отчетливый стук копыт. Это были вовсе не те звуки, которые Джейс традиционно ассоциировал с официальными покаяниями Живого Пакта Гильдий. Он спешно направился к залу главной приемной, где коридор расширялся, являя его взору толпу ревущих закованных в сталь минотавров в накидках гильдии Борос. Лавиния стояла посреди истцов, единственная, кто не кричал и не топал копытами. Ее Азориусовские доспехи сияли магией порядка.

- Оржовцы нарушили наш договор о границах! – рычал представитель минотавров. – Они собирают подати на земле Легиона! – Остальные минотавры затопали и взревели в согласие.

- Ваша гильдия не направила соответствующую жалобу, согласно требованиям данного учреждения, - ровным голосом, утопающим в реве толпы, произнесла Лавиния. Она потрясла листом бумаги в воздухе, словно это было ее оружие. – Как только эта форма будет заполнена, ваше дело будет рассмотрено в соответствующем порядке Палатой Пакта Гильдий.

- Чем я могу помочь? – спросил Джейс, входя в приемную.

Минотавры мгновенно направили свой рев в его сторону.

- Пакт Гильдий! – Рычали минотавры. – Синдикат соврал об условиях нашего договора! Нечестно! Они пытаются сорвать наш саммит!

Джейс мысленно обратился к Лавинии. – *Прости, что опоздал. Ты меня вызвала из-за этого?*

- *Нет*, - пришел ее мысленный ответ. – *Это лишь жалкий диспут. С ними я справлюсь сама. Кое-что другое требует твоего внимания.*

Джейс попытался дружелюбно улыбнуться минотаврам. – *Убийство?*

- *С чего ты взял?*

- *Потому что у тебя снова это выражение лица. Твое лицо говорит: «произошло убийство».*

- *И не одно, вообще-то. У меня есть лицо, говорящее: «произошло убийство»?*

- *Что это за саммит, о котором они толкуют?*

- *Аврелия, гилдмастер Борос, принимает сегодня вечером трех лидеров других гильдий в ДомеСолнца. Легион озабочен их безопасностью, и Оржов, похоже, не особо им в этом помогает.*

- Пакт Гильдий, каково твое решение? – настаивали минотавры.

Джейс встал перед представителем легионеров, на голову и два рога ниже истца. – Вы заполните подобающую жалобу у Заместителя Лавинии, – произнес он, вызвав хор насмешек. – Вернетесь в ДомСолнца, и заместитель проведет ее согласно процедурам Палаты.

Джейс затаил дыхание. Он был воплощением согласия между гильдиями Равники, манифестом стабильности, но в то же время, он был живым и весьма смертным мешком внутренних органов. Каждый раз, когда он проявлял свою власть, в качестве Пакта Гильдий, он ощущал как проявление возвышенной, мистической силы, так и не столь уж мистическое чувство, что любой в Равнике неоднократно желал пнуть его в область лица или желудочно-кишечного тракта.

Он выдохнул лишь, когда предводитель минотавров зачехлил свой топор.

* * * * *

Лучи солнца проникли в окна Палаты, как только небесное светило показалось над урбанистичным горизонтом Равники. Джейс изучал записи с мест преступлений. Причина смерти во всех случаях была одна: окаменение.

Он поднял взгляд на Лавинию. – Мы уверены, что они жертвы? Никто не мог просто... высечь очень натуралистичные статуи? По-быстрому?

Лавиния покачала головой. – Не похоже. Эти горожане были объявлены пропавшими. И все окаменевшие тела были найдены в Розладовском сквере.

- Торфяники Голгари. Рядом с туннелями Стоунфейра.

- Но не в них самих. Статуи были обнаружены снаружи. Выставленными напоказ. И есть еще кое-что.

- Не говори. Убийца установил тела так, чтобы они образовывали эмблему Голгари. – Джейс щелкнул пальцами. – Нет! Они установлены так, чтобы образовать *имя убийцы*. В форме его жертв с гримасами ужаса на застывших лицах.

- Близко.

- Мм?

- Они образовывали *твое* имя.

- ...Мм.

Лавиния кивнула.

- Уфф. – тяжело выдохнул Джейс. Ему нужно было раздобыть где-нибудь рабочий стол с большим кожаным креслом, в спинку которого он мог бы вжаться в подобных случаях. – Что ж. Ладно.

- Мы не думаем, что связь убийств с тобой известна общественности, пока. Мои люди прикрыли жертв и переместили тела с места преступления. И мы не говорим их семьям о сообщении, которое было ими выложено.

- Полагаю, это мудро.

- С другой стороны, буквы, которые они образовывали, весьма очевидны. Мы не можем передвинуть их конечности, не повредив их.

- Было ли там что-нибудь еще? Какое-то другое послание?

- Например?

- Время. Адрес.

- Мы ничего подобного не обнаружили.

- Есть ли между жертвами какая-нибудь связь? Что-то общее?

- Они отовсюду. Убийца, должно быть, перевез их из разных районов.

Джейс снова просмотрел список подробностей, не уверенный в том, что именно он надеялся в нем найти. Казалось, ничего не клеилось. Но когда его взгляд скользнул по странице, в его животе сжался холодный ком. – Эти имена верны?

- Жертв? Насколько нам известно, да.

- Линна Страдек. Шанн Дилара. Хасзин Дикар.

- Что? Ты их знаешь?

- Не совсем, Лавиния. Мне нужно немедленно попасть на место преступления.

Она кивнула и зашагала к двери. – Тебя сопровождают несколько магов-законников.

Джейс остановил ее. – Нет. Не в этот раз. Убери всех своих офицеров из Розладовского сквера. Я иду один.

Лавиния нахмурила брови. – В ловушку убийцы? Я этого не позволю. В этом нет ни капли логики.

- Не спорь. Просто держи всех подальше от этого места, пока я не скажу. Отправляйся в ДомСолнца. Успокой Борос.

Она указала на свое лицо. – Ты знаешь, какое у меня сейчас выражение лица? Это новое. Оно означает «Я обдумываю *твое* убийство».

- Кстати, я знаю это выражение лица. Но просто доверься мне. Убери всех оттуда и отправляйся на саммит. Прошу тебя.

Имена жертв что-то значили для Джейса, и при этом ничего бы не сказали Лавинии, как и любому другому жителю Равники, прикованному к этому миру. Линна Страдек. Шанн Дилара. Хасзин Дикар.

Иннистрад. Шандалар. Зендикар.

* * * * *

Розладовский сквер окутан мраком и тишиной, его стены покрывал лишайник и грибные наросты. В нем не осталось ни одного офицера Лавинии, но все же он не был пуст. В центре площади стояла фигура в плаще нефритового цвета, лицо ее было скрыто под капюшоном. Судя по силуэту, это, вероятно, был человек. И она явно была здесь для того, чтобы встретить Джейса.

Лишь мироходец знал бы имена всех тех миров. И лишь мироходец, знавший, что Джейс сам был мироходцем, обращался бы к нему, выбирая жертв с подобными именами. Кто бы ни обратил их тела в камень, он знал о Джейсе Белерене многое из того, что он всячески пытался не афишировать.

- Я рада, что ты получил мое послание, - послышался женский голос.

- Я тебя слушаю, - сказал Джейс. – Я один. Поэтому давай не будем впутывать в это других равникийцев.

- О, я отослала своих соратников отсюда. – Женщина одной рукой стянула капюшон, а второй вынула длинный кинжал. Она была человеком, худощавой, с темными глазами, с шипованным ошейником под накидкой. – Так что здесь только ты и я. Почему бы тебе не подойти ближе.

Джейс нахмурился, но сделал шаг вперед. – Я не вооружен. Я не желаю, чтобы кто-то пострадал. Я лишь хочу поговорить. Но не думаю, что ты хочешь того же. Не возражаешь, если я прочту твои мысли?

Джейс сосредоточил свой разум, готовясь проникнуть в мысли стоящей перед ним женщины. Но прежде чем он смог взглянуть в ее сознание, женщина замерла. Крик едва успел вырваться из ее сдавленного горла, прежде чем каменная корка волной прошла по ее телу. На его глазах она превратилась в безжизненную статую.

- Ты уже прочел *мои* мысли, Джейс Белерен? – послышался другой женский голос за его спиной.

Джейс развернулся, чтобы взглянуть на нее, и мгновенно отвел глаза в сторону. Перед ним стояла горгона. Ее шевелюра из змееподобных щупалец струилась и вздымалась вокруг ее головы. Ее глазницы светились, подобно фонарям во мраке, но они словно не были обращены к нему. Он обнаружил, что все еще может двигаться и дышать.

- Враска, - сказал он. – Нет, не прочел.

- Но ты слышал обо мне.

- Я не знал, что ты одна из мироходцев. Но я слышал твое имя.

- В таком случае, у меня информационное преимущество перед Джейсом Белереном. Каково это? – спросила она, прохаживаясь вокруг него. – Ты уже догадался, почему ты здесь?

- Подозреваю, ты призвала меня сюда, потому что хочешь что-то мне показать, - сказал Джейс, моргая и не сводя глаз с пола, борясь с инстинктивным желанием проследить за ней взглядом. – Надеюсь лишь, что это не твой взор.

- Нет, нет, нет. Я хочу, чтобы ты *мне* что-то показал, Белерен. Я организовала этот визит потому что хочу, чтобы ты доказал нам, что там у тебя в душе. Чтобы ты показал нам, что бы будешь на нашей стороне. На стороне Равники.

- Убийство равникийцев это довольно странный способ демонстрации преданности Равнике, - обратился Джейс к брусчатке.

- Как и кража контроля над Пактом Гильдий! – Отрезала Враска. Ее щупальца яростно взъерошились, затем медленно улеглись снова. – Это не твой мир. И, тем не менее, он так сильно тебя интересует.

- Я лишь пытаюсь удержать гильдии от уничтожения друг друга. Эта ответственность пала на меня, и я отношусь к ней серьезно. Полагаю, ты не привела меня сюда, чтобы предложить свою помощь.

- Так чего же я хочу?

Джейс поразмыслил над этими словами. – Уничтожить меня.

- Зачем мне это?

- Чтобы... занять мое место. – Он не знал, мог ли кто-либо другой стать Живым Пактом Гильдий после него. Но он знал, что если бы его не было, это конечно бы открыло много дверей для амбициозной горгоны. – Нет. Ты хочешь править Равникой.

- Если бы ты сдох, это бы развязало мне руки. Ты и твой колоссальный обман сковывают меня искусственными ограничениями. Так что, да, - равнодушно сказала она. – Я готова тебя прикончить прямо сейчас.

Враска обошла его по кругу и открыто взглянула Джейсу в лицо. Ее щупальца растеклись по воздуху, а глаза вспыхнули, освещая силуэт Джейса и площадь вокруг него.

Вместо того чтобы обернуться в камень, Джейс растворился в воздухе. По крайней мере, его видимый облик.

- Теперь можем обойтись без иллюзий? – громко сказала Враска в окружающее ее пространство.

Джейс появился из-за колонны. – Как только ты отошлешь отсюда Миладу, Кобреву, Зденью и Дибору.

Враска усмехнулась.

- Четверо наемных убийц, плюс та, которую ты убила сама, - сказал Джейс. – Мне, конечно, лестно. Но, думаю, ты вполне способна убить меня и сама.

Враска жестами указала на углы площади. Тени мелькнули у стен, и прячущиеся фигуры отступили прочь. Джейс чувствовал, как удалялся разум каждой из них.

- Благодарю. Теперь собираешься меня убить? – спросил Джейс, на этот раз действительно отводя взгляд в сторону.

Враска укоризненно помотала головой. – Сам подумай. Это не самый идеальный сценарий, не так ли?

- Вероятно, нет. Усиленный магией Пакт Гильдий может быть тебе полезен. Особенно если этот Пакт Гильдий еще и живая личность.

- Верно.

- Поэтому ты хочешь оставить меня в статусе Пакта и манипулировать мной. Склонять мои решения в свою пользу. Полагаю, у тебя на меня что-то есть? Какие-нибудь рычаги?

Щупальца Враски пульсировали вокруг ее лица. Джейс вскользь заметил клыкастую усмешку. – Скажи, ты знаешь имена всех убийц, которые сейчас окружают дом Эммары Тендрис?

Лицо Джейса порачнело. – Женщина, которая вроде бы живет в доме Эммары, на самом деле одна из моих иллюзий, - осторожно проговорил он. – Эммара надежно укрыта. Весь ее дом это хитрый комплекс ловушек. Твои наемницы будут арестованы, как только нападут.

- Похоже на блеф, - сказала Враска. Она прошлась по дуге, наблюдая за Джейсом, пока не зашла ему за спину. - Но убедительный. Но это не важно. А важно то, что я собираюсь угрожать множеству всего того, что тебе дорого. И тогда ты согласишься работать на меня.

- Этого не будет.

- О, но я могу все для тебя усложнить. Ты только представь заголовки. «Живой Пакт Гильдий Не в Состоянии Предотвратить Каменные Убийства!» «Еще Десять Статуй Оставлены у Порога Палаты Пакта Гильдий!» Не говоря уже о злых, разгневанных представителях гильдий, которых я натравлю на тебя.

- Оставь это. Возвращайся в подземелье. Если ты уймешься, я смогу уладить это дело. И успокою Лавинию.

- Стань моим помощником, и тебе не придется с ней разбираться. Каждый, кто станет у меня на пути, найдет свою заслуженную гибель.

- Я сказал тебе, нет. Равника останется под моей защитой.

Враска зашипела, неожиданно близко за его спиной, и Джейс почувствовал, как ее щупальце коснулось его уха. – Как повезло Равнике, - прорычала она. – Ты собираешься защитить ее так же, как ты защитил Каллиста? Или Кавина? – Она явно глубоко копнула в его прошлое. Он задумался, что еще она узнала о его жизни, и каковы могли быть ее источники информации. – А как на счет Гаррука Дикоречивого?

- У меня были ошибки, да. Но я решил использовать свое положение в искупление за... погоди, а что с Гарруком?

Враска фыркнула. – Ты не знаешь, что с ним стало, верно?

- Откуда? Что стало?

- Не важно. Уверена, ты уже подвел его тоже. Ты чума, Белерен. Гибель для всех, кого ты оберегаешь. Если ты объявишь свою верность мне, это станет твоей первой реальной помощью этому миру.

Щупальце обвилось вокруг шеи Джейса. Он схватил его и попытался отодрать, но Враска была сильна, и ее волосы быстро покрыли его лицо. Он почувствовал, как сдавливается его горло под пульсирующими мышцами щупалец.

Джейс атаковал ее разум и мгновенно пожалел об этом. Ее мысли кишели сотнями способов убить его или заставить его страдать. Он увидел себя задушенного насмерть. Сброшенного с моста в мешке. Утащенного в грязь подземных туннелей грубыми, когтистыми руками. Парализованного и вынужденного смотреть, как змеи вползают в его одежду, чувствуя, как их острые клыки впиваются в его плоть. Ее воображение было безграничным.

Ему нужно было протиснуться глубже, но при этом ему также нужно было дышать. Он вызвал заклинение.

Враска не была впечатлена первой иллюзией еще одного Джейса, бросившегося на нее. Она отбилась от нее и та мгновенно растворилась в воздухе. Но следующий Джейс метнулся к ней достаточно быстро и резанул по ее щекам острыми, как бритва ладонями. Она зашипела и разметала образ когтями. Следующий налетел еще быстрее, а за ним еще один бросился на нее с другой стороны.

Джейс почувствовал, как хватка горгоны начала ослабевать с каждой иллюзией, которые он метал в нее со всех сторон. Когда образы Джейса нападали, они изменялись. Их руки превращались в когти. Их волосы становились змеями. Их глаза светились зловещим огнем. Они шипели, появляясь из теней отовсюду, окружая Враску кошмарной толпой.

Враска не могла сражаться со всеми сразу. Она принялась уничтожать их своим взором. Клоны Джейса шли к ней, один за другим обращаясь в камень.

Статуй становилось все больше, и вскоре они были уже подобны каменной клетке. Враска оказалась сдавлена дюжиной окаменевших копий Джейса. Он надеялся, что для нее они были достаточно реальными, чтобы горгона хотя бы на пару мгновений почувствовала себя в ловушке.

Враска вцепилась когтями в настоящего Джейса и снова сдавила его шею. – Отзови их, - прошептала горгона, перекрывая ему дыхание.

В это мгновение губы статуй зашевелились.

- Ты победила, - произнесли они в унисон голосом Джейса.

- Убери их. – Раздраженно сказала она, но в ее голосе слышались нотки неуверенности.

Статуи слегка отступили, но она все еще была заточена в клетку из их каменных фигур. – Джейс поможет тебе, - произнесли они хором. – Но ему нужно знать твои планы.

- Ты будешь делать то, что я тебе скажу, и когда я тебе скажу, Белерен.

- Убьешь его, и он не сможет влиять на гильдии в твою пользу, - проговорили статуи. – Он должен убедиться, что ты будешь достойной напарницей. Что ты достаточно умна. Расскажи нам. Как ты собираешься захватить город?

Враска еще на мгновение сжала шею Джейса когтями, блокирую приток крови к его голове. Но ее хватка снова ослабла. – С твоей помощью я обезврежу всех гильдейских магов. Лишу их силы, изменив границы их территорий и разорвав их мановые связи. Обезоружу гильдии, отняв у них их магов. Затем, я уничтожу всех предводителей гильдий, одного за другим.

- Ты, Враска, уничтожишь каждого гилдмастера?

- Я прирожденная убийца, - сказала она. – И многие, живущие в тени, подчиняются мне.

- Благодарю тебя, - произнесли статуи. Затем они все склонили головы. – Вы все слышали? – хором спросили они.

Враска огляделась, всматриваясь в статуи. – Что?

На мгновение, глаза статуй вспыхнули, озаряя Враску ослепительным мигающим светом. Она поднесла руку к лицу, прикрываясь от невыносимой яркости.

- Сегодня вечером в Доме Солнца проходит саммит многих глав гильдий, - произнесли статуи Джейса. – Твои слова транслировались всем собравшимся.

Враска взревела. – Сделки не будет, Белерен, - рявкнула она. – Теперь ты труп. – Она вцепилась в шею, которую сжимала когтями, и раздавила ее.

Она рассыпалась каменной крошкой.

Горгона опустила взгляд, и вместо бездыханного тела Джейса увидела, что сжимает в руках обломок окаменевшей статуи ее собственной наемницы – женщины, которую она собственноручно убила немногим ранее. Должно быть, Джейс в какой-то момент поменялся с ней местами.

Враска взвыла от ярости. Она развернулась и наотмашь ударила когтями по клетке из статуй Джейса. Однако, вместо того, чтобы развалиться на куски, или растаять в воздухе, они двинулись к ней. На их головах возникло еще больше змей, они выползали из их глаз и пальцев, сжимаясь вокруг нее. Они хватили ее за руки и сплетались со щупальцами.

С пронзительным воплем она отбросила их назад силовой волной. Затем глубоко вдохнула, закрыла глаза, и вышла из этого мира.

* * * * *

- Я не понимаю, как ты это сделал, - сказала Лавиния, вернувшись в Палату Пакта Гильдий. – Но она появилась, паря в центре Дома Солнца, рассказывая свои планы всем собравшимся. Какое-то удаленное признание. Но можно ли считать, что она не вернется?

- Она теперь ляжет на дно, - сказал Джейс, потирая рубцы на шее. – Надеюсь, это даст нам какое-то время.

- Ты не мог ее просто прикончить? Или приказать ей остановиться?

Джейс покачал головой. – У меня едва хватило ментальных сил на то, чтобы ее отвлечь, рассеять ее концентрацию. Она явно не давала мне шанса уничтожить ее разум – она отбивала каждую мою попытку.

- По крайней мере, гильдии теперь о ней знают, - сказала Лавиния. – Боросы хотят перевернуть подземелье вверх дном. Они буквально кипят этой идеей.

Он выглянул в окно. Уличные фонари отбрасывали свет вниз, освещая брусчатку, и вверх, озаряя башни города. Горизонт походил на рубленную гряду гор Зендикара. – Уверен, ты и Исперия сможете направить их энергию в верное русло.

Лавиния осмотрела его. – У тебя снова это выражение лица. Выражение, «меня не будет некоторое время, и не спрашивай, где меня искать».

- Это займет не больше пары дней.

- Тебе нужно остаться. Начнутся арбитражи. Заверения.

Он поднял полы плаща. – Пакт Гильдий должен обеспечивать безопасность людей, - пробормотал он. – Но я лишь навлекаю на них все больше опасностей. И думаю, с Гарриком что-то не так.

- С кем?

- С тем, кого я, возможно, еще не подвел.

Проект Светлячок

Doug Beyer

Гильдии Равники нехотя смирились с тем фактом, что Джейс Белерен теперь является живым воплощением Пакта Гильдий. Совсем скоро стало очевидно, что при любых столкновениях гильдий именно Белерену предстояло рассуживать их. Однако, лишь избранным единицам известно, что по своей природе Джейс – мироходец. Иззетский гильдейский маг Рал Зарек не питает любви к Живому Пакту Гильдий, но Рал и сам тайно является мироходцем, и эта их общая черта неожиданно стала критически важной.

Мостовая безымянной улицы нижнего города была открыта небесам, затянутыми неделями напролет тяжелыми тучами, что нависли над Десятым районом, орошая город нескончаемым морозящим дождем. Рал Зарек брел по затопленной улице, указывая путь магу разума.

- Если вдруг дерзнешь порыться у меня в голове, Белерен, думаю, ты обнаружишь, что тучи над нами загадочным образом переполнены молниями, которые по странному стечению обстоятельств направлены на тебя одного, - тихо произнес Рал Зарек.

- Тогда, может, просто скажешь, куда мы идем? – спросил Белерен.

- Скоро сам все увидишь.

- Ты же понимаешь, что такие слова, как «скоро сам все увидишь» люди произносят обычно за секунду до того, как я ныряю им в мозг.

Рал взглянул на мага разума через плечо. – Ты знал, что молнии в Десятом районе бьют чаще, чем в любом другом. Догадываешься почему?

- Из-за тебя?

- Пять баллов. – Ухмыльнулся Рал.

Они прошли мимо витрины, смердящей подгнившим луком, и поросший мхом переулок, из которого покрытые капюшонами эльфы смерили их недобрыми взглядами.

- Я был... удивлен, что ты обратился ко мне, Рал, - сказал Белерен.

Иззетский маг пожал плечами, - Не было другого выбора.

Из всех доверенных лиц и умов Равники Рал пришел к единственному магу, к которому никогда бы не подумал обращаться. Джейс Белерен был так называемым Живым Пактом Гильдий, арбитром всех гильдий – тем, кто, несмотря на все усилия Рала, вырвал у него эту должность.

- Судя по твоим словам, - продолжил Белерен, - ты сможешь навредить мне лишь в том случае, если обо всем этом еще кто-нибудь узнает.

Рал бросил взгляд на Белерена. Маг разума выглядел странно без своего знаменитого плаща – проще, но так он действительно лучше сливался с окружающим миром. Джейс выглядел как любой другой равникеец, непримечательный житель Десятого района, и вовсе не напоминал известный каждой собаке Живой Пакт Гильдий. Рал даже решил, что он наложил на себя какую-

нибудь иллюзорную ауру, чтобы не выделяться. Но это было не так уж важно – Рал его нашел довольно легко, и в этом и состояла суть проблемы.

- Если этот проект продолжит идти так, как он идет сейчас, его результаты неизбежно станут известны, и тогда вся преисподняя сорвется с цепи, - сказал Рал.

Иззетский маг остановился у двери в стене туннеля. Он на мгновение электризовал дверную ручку, провернул ее, и провел Белерена в боковой проход, запечатав дверь за собой.

- О чем уже подозревает Нив-Миззет? – голос Джейса эхом отразился от влажных стен.

- Если он уже распознал последовательность, но молчит об этом. А он никогда ни о чем не молчит, так что, думаю, он ее еще не разглядел. Но, как ты знаешь, он до жути гениален, и совершенно нетерпелив. Он начинает подозревать, что я ему что-то недоговариваю.

- Ты саботируешь результаты?

- Я Рал Зарек! Не знаю, в курсе ли ты, Белерен, но Иззетские маги не препятствуют Иззетским исследованиям. Я просто... не использую свои способности в полную силу. К тому же, его камергер отслеживает каждое обнаружение.

- И сколько моих... обнаружений... ты уже произвел?

Рал умолк. Он оглянулся на Джейса. – Достаточно. Достаточно для того, чтобы Нив-Миззет уже мог догадаться, что ты мироходец.

* * * * *

Идея проекта Светлячок принадлежала не Нив-Миззету, а Мари, действительному камергеру Огненного Разума. Мари была элементаристкой, впечатлившей гилдмастера своей работой над Мелеком. За недели, последовавшие за событиями Скрытого Лабиринта и фиаско с Живым Пактом Гильдий, дракон заметил, что Белерен исчезал на долгие промежутки времени, и камергер Мари предложила отслеживать его передвижения более тщательно.

Так, Рал был назначен Главным Исследователем проекта, призванного отмечать и объяснять исчезновения Белерена. Конечно, он и так знал, почему пропадал Джейс – он был таким же мироходцем и не редко проводил время за пределами Равники.

От мысли, что Нив-Миззет мог узнать об этом, волосы на шее Рала вставали дыбом. Мысль эта возвращала его в мрачные, тяжелые времена его юности. Рал научился скрывать свои способности мироходца при болезненных обстоятельствах, и не желал пережить их вновь.

Кроме того, он представлял себе все те жуткие вещи, которые Нив-Миззет бы совершил, узнай он правду. Станет ли он из любопытства препарировать всех мироходцев, которых сможет найти, или просто сожрет их всех, дабы заявить о своем превосходстве и утолить свою экзистенциальную ревность? Решит ли он отслеживать все появления и исчезновения каждого мироходца, и похоронит все усилия Рала пробиться сквозь ранги и получить уважаемый пост в иерархии Иззет?

И как *другие* гильдии отреагируют на эту информацию?

Как бы опасно это ни было, он, не колеблясь, согласился вести этот проект. Уж лучше вести Проект Светлячок и самому направлять вектор исследований, чем позволить какому-нибудь

посредственному химику следовать по пятам за Белереном, доказать существование иных миров, и все разрушить.

Рал был вынужден признать, что он идеально подходил для этой работы – его методы были гениальны. Он не мог совладать с собой, когда Нив-Миззет поручил ему это проект – его разум вертелся, сверкая идеями о том, как выследить Пакт Гильний. Он помог разработать изящное заклинание, которое бы отсылало небольшой энергетический импульс, как только испытывало прерывание, связанное, к примеру, с переходом в иной мир. Один из Иззетских подмастеров наложил это заклинание на плащ Белерена. Затем Рал создал динамическое усилительное поле над Десятым районом – которое местные жители уже месяц испытывали на себе в образе раздражающе-нескончаемой пасмурной погоды. Поле измороси усиливало мелкие импульсы отслеживающего заклинания, превращая их в заметные следы молний в небесах, и при этом не настолько очевидные, чтобы вызвать какие-либо подозрения.

Система была идеальна. Другие гильдейские маги Иззет начали наблюдать за пресловутыми молниями. Лишь в последнюю минуту Рал спохватился и настроил свою непрекращающуюся грозу на ослабление точности отслеживания, чтобы Проект Светлячок не доказал мгновенно существование мироходцев.

Данные начали накапливаться, и ситуация ухудшалась на глазах.

* * * * *

- Почему просто не сказать ему? – спросил Белерен, пока Рал вел его сквозь темный туннель. – Во время Лабиринта, ты заставил меня все рассказать Эммаре. А теперь ты прячешь мироходцев от Нив-Миззета?

Рал остановился, но не взглянул на Белерена. – Тебе не понять, - спокойно сказал он.

- Я мог бы попробовать, - сказал Джейс, пожав плечом, - но боюсь, я рискую быть поджаренным.

Рал провел рукой по поросшим мхом изгибам стенки туннеля. – Знаешь ли ты, как я стал частью Иззет, Белерен? Знаешь ли ты, через что я прошел, дабы отыскать свое место под солнцем? Я вырос в маленьком квартале. Маленьком квартале, набитом маленькими людьми. Думаешь, они поощряли мои навыки грозовой магии? Нет. Все приставали к «магу дождя». – Рал рассеянно потянул ремень на тяжелой перчатке покрывавшей все предплечье. – Я быстро понял, что свои тайны стоит держать при себе. Я пришел в Десятый район сам, выучил местный диалект, выучил район – где есть, где не спать. Я учил историю каждой гильдии от корки до корки. Я нашел Иззет и узнал о них все – я изучил грозовую магию, опираясь на личные уравнения Нив-Миззета, тяжким трудом пробился сквозь гильдию. День, когда я стал частью Иззет, стал гильдейским магом, был самым счастливым в моей жизни.

- Но ты не просто гильдейский маг. Ты мироходец.

- Моя искра лишь дала мне еще один способ потерять все, ради чего я работал. Я грозовой маг Десятого района. Я равникиец до мозга костей.

Рал повернулся к Белерену и ткнул его пальцем в грудь. – А потом Нив-Миззет объявляет о Лабиринте, и кто становится Пактом Гильдий? После всего, что я сделал, чтобы добраться до этого места? Чужак, не сделавший ничего. Интервент из какого-то другого мира. Ты вломился и решил головоломку, и теперь тебе позволено распоряжаться судьбой моего мира. Ты знаешь, каково мне от всего этого?

В тусклом свете туннеля Рал видел, как мрачнеет лицо Джейса, в глазах мага разума мелькали расчеты. Ралу хотелось уйти, бросить этого чужака наедине с его мыслями, но выражение лица Белерена изменилось.

- Ты хотел наказать меня, - сказал Белерен. – Ты хотел уничтожить мои отношения с Эммарой в плату за то, что я решил Лабиринт раньше тебя.

Рал вздохнул, и его плечи слегка опали. Станным образом, Белерен одновременно казался юным и старым – мальчишкой с его растрепанной копной волос; но местами и слишком взрослым, иссеченным морщинами мудрости.

- Я не хотел ссорить тебя с твоей подругой, Белерен, - сказал Рал.

- Все нормально, - сказал Джейс. – Все так, как должно быть. И она теперь в большей безопасности.

Рал опустил глаза и принялся возиться со своей перчаткой. – Она не помнит?

Белерен почесал руку. Участок гладкой кожи на его лбу поморщился, но Джейс не сказал ни слова.

- Что ж, я не виню тебя, - сказал Рал. – Все действительно так, как должно быть. Ты спросил, почему я просто ему все не рассказал. Я хотел, поначалу. Мне хотелось, чтобы мой мир понял – узнал, кто я, и частью чего они все являются. Для чего еще существует наша гильдия, если не для понимания невероятных истин? Но ты не знаешь Нив-Миззета. Это его взорвет. Это вывернет его наизнанку. А потом, он вывернет наизнанку *нас*, и... - Рал пожал плечами. Он подался вперед, жестикулируя руками для большей выразительности. – Подумай о том, что будет, если Нив-Миззет – если весь мир – будет точно знать, когда Пакт Гильдий *покинет пределы этого измерения*, Белерен. Ты только представь.

Джейс на мгновение отвел взгляд в сторону и потер виски. – Ты не можешь завершить проект?

- Нет, на данной стадии уже не могу. Дракон назначил меня главой проекта. – Рал продолжал спускаться в туннель. – Пошли, мы почти на месте.

Белерен превращался в стену непробиваемого скепсиса. – Ты можешь мне уже сказать, куда ты меня ведешь?

Рал потер лоб кончиками пальцев, изображая телепатию Белерена, и одними губами произнес одно слово: «ПОШЛИ».

* * * * *

Ранее этим утром, Рал стоял в святилище гильдии Иззет и врал дракону в лицо.

Рал подвел ладони друг к другу и небрежно пускал электрические разряды между ними. Он отошел в сторону, дабы не наступать на тень громадного тела Нив-Миззета, и лучше видеть свою работу. Дракон изучал результаты проекта, обнаружения, спроецированные в воздухе, подобно облаку случайно разбросанных, медленно вращающихся звезд. Рал думал над тем, чтобы комментировать по ходу, приправляя свой рассказ забавными историями с полей, чтобы придать отчету оттенок подлинности. Он знал, что это будет раздражать дракона, и ускорит неизбежное порицание, но ему все равно хотелось это сделать.

Рядом с ним камергер Мари от возбуждения прикрыла губы ладонью. Рал поднял брови – возможно, слегка осуждающий жест, но интерпретируемый, как дружелюбный – и смерил ее взглядом. Камергер ему нравилась, но ему было любопытно, что случится с ее очаровательной карьерой, когда дракон решит, что она ему наскучила.

Нив-Миззет, похрапывая, просматривал диаграммы из разбросанных точек: вспышки молний записанных данных. Их явно не хватало для того, чтобы образовать последовательность, если Рал все сделал правильно. Но когда Рал поднял взгляд, он увидел в данных нечто странное – точек было слишком много.

Это плохо, подумал он.

- Хорошо, - произнес Нив-Миззет. – У тебя начинают проступать последовательные повторения, Зарек.

Рал стиснул зубы. Он уставился в мерцающие данные, висащие в воздухе, и как только он понял, в чем дело, статический разряд скользнул по его спине. – Это не мои обнаружения, - сказал Рал. – Это не все Пакт Гильдий.

- Нет, это новые. – Линзы Мари подергивались на переносице, когда она говорила. – Измагнус и я, мы собрали отряд элементаристов и взрывоискателей, и скопировали твою технику. – Она взмахнула рукой и светящиеся точки зажглись ярче.

Рал вскипал от гнева. – Как вы могли использовать дополнительные детекторы, не проконсультировавшись со мной?

- Потребовалось время, но нам с Миззиксом удалось откалибровать твоё заклинание обнаружения и увеличить его зону воздействия. – Рал не имел в виду, «объясни, как вы это сделали», но именно так его поняла камергер. – Мы теперь отслеживаем сотни горожан, и мы обнаружили два новых сигнала – новых светлячков. Мы отслеживаем их прерывания прямо сейчас. Разве не восхитительно?

Два новых сигнала. Рал видел их точки в сияющей диаграмме: другие мироходцы приходили и уходили из Равники. Они вот-вот обнаружат последовательность.

- Огненный Разум, - обратился Рал к гилдмастеру. – Данное отклонение может нарушить точность наших результатов. Оно представляет опасность для всего проекта.

- Возможно, твоим исследованиям не помешает немного опасности, Зарек, - сказал Нив-Миззет. – Но даже с учетом расширения данных от камергера, общая картина все еще не ясна. Нам нужны чистые данные... и как можно скорее.

Рал поднял взгляд на чешуйчатый столб драконьей шеи и заглянул в глаза гилдмастеру. Они были подобны стеклянным бусинам, но за ними скрывалось пламя. – Да, Огненный Разум.

- У нас есть пара мыслей по улучшению точности твоего грозового усилителя, - сказала камергер, поправляя линзы. – Конечно, нам потребуется твоя помощь.

- По улучшению точности?

- Да. Мы установили серию гиростатических динамо-машин на крыше Нивикса и использовали их для измерения уровня проводимости твоего грозового поля. Надеюсь, ты не обидишься на мои слова, но мы нашли, что можно улучшить.

Рал покачал головой. – Абсурд.

- Я... прошу прощения?

- Статическое поле зависит от узкого диапазона условий, - сказал Рал. Может, она пыталась превратить все это в дальнейшее продвижение в карьере? Может, она намеренно старалась сместить его? – Дополнительные динамо-машины лишь замутнят чувствительность. Добавьте слишком много энергии и нарушите баланс.

Камергер Мари взглянула на Нив-Миззета. – Огненный Разум, боюсь, я не согласна с Главным Исследователем. Я полагаю, необходимо больше энергии для достижения необходимого нам уровня чувствительности.

Дракон медленно перевел взгляд с одного мага на другого. Наконец, он взглянул на Мари. – Делай.

Рал чувствовал, что они оба ждали его реакции. Но не проронил ни слова.

- Настройка динамо-машин будет произведена в скором времени, - сказала камергер. – Можем ли мы собраться завтра утром для внесения улучшений в грозное поле?

Рал взглянул на Нив-Миззета. Дракон обнажил зубы, что, вероятно, задумывалось, как ободряющая улыбка, но в глазах Рала выглядело, как угроза. Маг видел, как блестела слюна на изогнутых клыках дракона.

- Конечно, - сказал Рал. – Будем надеяться, что все пройдет хорошо, и мы доберемся до истины. Завтра.

* * * * *

Рал и Белерен продолжили спуск в поросший мхом туннель. Откуда-то сверху, эхом доносились ритмичные выкрики и топот марширующих сапог. Рал потянулся к лестнице, ведущей вверх, к тяжелой чугунной решетке. Он поднес палец к губам – Белерен кивнул – взобрался наверх и, оттолкнув решетку, вылез наружу. Джейс бесшумно проследовал за ним.

Они оказались в переулке у гарнизона Борос, выходящем на главную улицу, освещенную фонарями в вечернем сумраке. Рал и Белерен оставались в тени затопленных ворот здания гарнизона, наблюдая за солдатами Легиона, марширующими мимо, гулко оттачивая строевой шаг по лужам на мостовой. Рал взглянул на морозящие тучи в небе и сверился с часами на ближайшей башне.

- Смотри сюда, - сказал гильдейский маг, кивая в сторону переулка по ту сторону главной дороги. – Сейчас самое время.

Они ждали, слушая ритмичные выкрики Боросовских инструкторов. Сверкание не-обычного дождя мягко опадало из нависших над городом туч. Рал снова сверился с часами.

- Я не помню свой дом, - тихо произнес Белерен, словно говоря сам с собой.

- Что?

- Ты говорил о том, как рос в Равнике. Большая часть моих воспоминаний о детстве исчезла. Осталась буквально пара рваных впечатлений. Все, что я помню, начинается здесь, в Равнике. У меня никогда не будет здесь корней, как у тебя, и я признаю, что часто ухожу в другие миры. Но я тоже воспринимаю себя равникийцем до мозга костей.

В Рале вскипело колкое, гнетущее чувство, и он сжал губы, чтобы не сболтнуть лишнего. – Проклятье, Джейс, это не то же самое, - сказал он. Он вновь перевел внимание к противоположному переулку, но крепко сжал запястье Белерена.

- Рал?

- Да?

- Это первый раз, когда ты меня назвал иначе, чем «Белерен».

- Хм. – Рал снова сверился с башней и уставился на переулок.

Спустя еще минуту, Джейс заговорил. – Плевать на молнии, если ты мне сейчас не скажешь, чего мы ждем, я лезу тебе в голову.

Рал нахмурился. – Должно было уже произойти. – В облаках над ними царил тишина – никаких пресловутых раскатов грома, никаких признаков перехода из мира в мир. – Я отслеживаю мироходца. Одного из тех, кто еще не был обнаружен остальными членами Проекта Светлячок. Он обычно появляется здесь каждый вечер.

- Каждый вечер?

- Как часы. Он приходит, шныряет по городу, и снова уходит перед рассветом.

- Кто он?

- Не знаю. Человек. Высокий. Крупный. С резким взглядом. Вроде бы у него есть связи в Борос. У меня не было возможности с ним контактировать.

- Почему ты хотел показать его мне? – с подозрением в голосе спросил Джейс.

- Потому что, к сожалению, у него идеальная последовательность. Самые прозрачные данные из всех. Он приходит настолько систематично, что камергеру Мари и остальным не составит никакого труда экстраполировать его прерывания и узнать правду о существовании мироходцев. Он – секрет, который мы обязаны скрыть от Нив-Миззета. – Рал сомкнул ладони, и крошечные разряды молний заплясали между его пальцами. – Я прервал отслеживающее его заклинание, но боюсь, что его обнаружат другие.

- Что ж, тогда, давай думать логически. Нам нужен план, чтобы как-то их стряхнуть, придумать способ...

- ...Завтра, - перебил его Рал. – Они обнаружат его завтра.

* * * * *

Рал мало спал.

- Главный Исследователь Зарек, - произнесла камергер Мари, помогая ему подняться на крышу штаба гильдии, Нивикса. – Ты... готов к сегодняшней настройке?

- Да, - зевнул Рал. – Я подготовлю усиленное заклинание. Дайте мне минутку – мне нужно собрать довольно много энергии.

- Обо всем уже позаботились, - сказала камергер, протягивая ему два гибких, гудящих кабеля. – Можешь подключиться напрямую к запасам Нивикса. – Она попыталась поймать его взгляд. – И Зарек... по поводу нашего расширения. Я не собиралась преступать границы. Это твой проект. Мне стоило сначала проконсультироваться с тобой.

Рал молча подключил кабели к своей перчатке. Он почувствовал покалывание на коже, и его волосы встали дыбом. Рал ощутил прилив бодрости от захлестнувшего его потока энергии. Он лишь надеялся, что их с Джейсом план сработает.

- Итак, как только ты усилишь свое грозное поле, мы сможем более четко рассмотреть все наши выбранные многообещающие цели, - сказала Мари. Она опустила линзу на один глаз. – Мы сможем с уверенностью сказать, что именно вызывает их пространственные прерывания.

Рал повернулся лицом к городу. Через кабели он впустил в себя достаточно маны для создания нужного заклинания. Его поле зрения заискрилось и побелело, но он чувствовал, как грозные облака над ним, пульсируя, зашевелились. Он сделал вдох и резко выдохнул, взметнув обе руки вверх.

- Есть! – Услышал он голос Мари. – Оно усиливается!

Рал слышал, как тучи сталкивались и клубились, словно пробуждающийся громадный зверь. Они давили на него, но он давил сильнее, вливая ману в штормовые облака, заставляя их расти и укрепляться.

- Я уже что-то вижу, - сказала Мари. – Продолжай!

Рал завершил заклинание, и почувствовал, как энергия покидает его руки, переходя в пульсации грозных туч над его головой. Его зрение прояснилось, и он увидел вокруг грандиозную бурю, дрожащую от накопленного потенциала. Его волосы встали дыбом от статического напряжения. Динамо-машины, заполнившие крышу Нивикса, вращались с невероятной скоростью.

Несмотря на все, что произошло, это был один из тех моментов, когда он убеждался, что выбрал верную гильдию.

Мощное дуновение ветра вскружило воздух, и сам Нив-Миззет взлетел на вершину здания. Он приземлился рядом с двумя магами, распахнув крылья, словно павлин, красующийся своим оперением. – Ваши выводы, исследователи, - произнес он.

Камергер Мари сверилась с измерительным устройством. – Мы получаем координаты с гораздо большей точностью.

Рал тяжело дышал, отсоединяя кабели от перчатки. Это был момент истины, когда их план либо сработает, либо провалится – и в любом случае, момент реакции Нив-Миззета. Над их головами молния рассекала небеса, преследуемая грохочущим раскатом грома.

Радость на лице Мари сменилась озадаченностью. – Что-то не так, - сказала она. – Обнаружения. С ними происходит что-то странное.

- В чем дело? – спросил Рал. – Дай взглянуть.

Мари показала ему измерительное устройство. – Гроза засекала прерывание – это был Живой Пакт Гильдий. Но... она также показывает, что он все время находился в Десятом районе.

Рал сделал вид, будто тщательно изучает точки на кристальном экране устройства. – Хмм. На Белерена, очевидно, наложено какое-то мановое состояние... которое гроза принимает за электростатическое прерывание.

- Но это может быть просто заклинание иллюзии, - предположила камергер.

- Или какое-то другое простое отклонение, - добавил Рал.

- И что, гроза записывала этих Светлячков все это время?

- Без достаточной амплитуды, очевидно грозе не доставало разрешения, чтобы определить разницу.

Камергер повернула переключатель на измерительном устройстве и раздраженно перепроверила показания снова. – Но ведь на этом основаны все наши данные. Объекты на самом деле не исчезали – они просто переставали быть видимым для грозового поля.

Нив-Миззет заговорил, и его голос звучал подобно раскатам грома. – Этот метод, - гремел он, словно судья, приговаривающий осужденного к смерти, - *явно ненадежен*.

Рал кивнул. – Виноват, Огненный Разум. Мне стоило позволить другим членам команды настроить детекторы. Это была моя ответственность.

- Проект закрыт, - рявкнул дракон, раскрыв крылья, взбивая ими воздух, поднимая свое грузное тело ввысь. – Тебе придется полностью его переработать, если хочешь доказать, что ты чего-то достойна.

- Да, Огненный Разум, - сказала Камергер Мари.

Нив-Миззет колебался, его глаза на пару мгновений любопытства зацепились на двух магах, затем он взмыл в воздух и устремился к облакам. Его крылья прорвали дыру в грозовом покрове, растворив его с раскатом грома.

- Прошу прощения, Главный Исследователь Зарек, - произнесла Камергер. – Или, скорее, мне стоит обращаться к тебе, Гильдейский маг Зарек.

Рал склонил голову набок, чуть пожав плечами. Он думал ответить ей, что камергер вскоре может также стать гильдейским магом, но решил, что информировать ее об этом, скорее работа дракона.

* * * * *

Прошлым вечером, на втором этаже гарнизона Борос, прислушиваясь, притаился мироходец. Он избрал это место за его защитные обереги от обнаружения, и беспрепятственный обзор на боковую аллею внизу, где, укрывшись от лишних глаз, двое мужчин переговариваясь на пониженных тонах. Один из них был одет в Иззетскую форму с медной перчаткой на предплечье. Во втором он узнал Живого Пакта Гильдий Равники. Мироходец с мрачным интересом наблюдал,

как оба человека явно следили за его обычным местом прибытия. Ему также удалось расслышать часть их беседы.

- Я прервал отслеживающее его заклинание, но боюсь, что его обнаружат другие, произнес Иззетский маг.

- Что ж, тогда, давай думать логически. Нам нужен план, чтобы как-то их стряхнуть, - ответил Пакт Гильдий.

Маги обсуждали план рискованного, но хитрого обмана, включающего в себя дракона-гилдмастера и сложную Иззетскую грозовую магию, с которой мироходец знаком не был.

- Мы установим еще один детектор и настроим его на наблюдение за твоей иллюзией, - сказал Иззетский маг. – Когда я усилю грозовое поле, ты войдешь в Равнику, в своем кабинете, но твой двойник уже будет там. Грозное поле будет противоречить самому себе – оно распознает прерывание одновременно с обычным состоянием заклинания. Этого должно быть достаточно, чтобы доказать несостоятельность всего проекта.

Живой Пакт Гильдий кивнул, завершив их беседу – однако ушел он не пешком. Вместо этого, что сосредоточился на мгновение, и исчез с весьма узнаваемой пульсацией в воздухе.

Живой Пакт Гильдий был мироходцем. В этом сомнений не было.

Иззетский маг, в свою очередь, сполз вниз в канализационный колодец и скрылся из вида.

Мироходец пригладил выстриженную щетину на подбородке. За ним больше не следили, это позитив. И он узнал важнейшую информацию об арбитра гильдий - продуктивное наблюдение, вполне достойное изменения его обычного расписания. Он проверил вмятину на доспехе под затихающие звуки последних выкриков пехоты Борос, и оставил наблюдательный пост.

Семейные ценности

Alison Luhrs

Таисия провела очередной день под нестихающими криками мертвецов.

На этот раз Призрачный Совет Оржов не мог понять, почему обречение должника на пять сотен лет рабства было проблематичным с точки зрения закона. Таисия спорила с ними, пока не охрипла.

Верховная Посланница Оржов в изнеможении опустилась в любимое кресло, прислонив трость к подлокотнику. Один из братьев Грагг убрался на ее рабочем столе (благослови его бог) и оставил кипу бумаг, которые ей нужно было просмотреть. Таисия аккуратно отсортировала старую почту, прежде чем забросить всю стопку бумаг в потрескивающий камин в углу кабинета.

Обновление данных по проекту туннеля от Тажика.

Требование подчинения от Обзедата.

Подтверждение аудиенции с Живым Пактом Гильдий недельной давности. Таисия ухмыльнулась. Что за забавная была встреча.

- Ты согласен, что содержание Правил и Норм по Обеспечению Безопасности, в частности Статьи 14, в силе и все еще является действующим законом?

- Да? Мисс Карлов, я чрезвычайно занят и тороплюсь, - заключил Джейс, в поте лица впихивая в сумку складной крюк и походный плащ.

- Ты также согласен, что воровство противозаконно?

- Да, прошу Вас, уходите.

Подтверждение подобным образом не менее двадцати мелких законов и законодательных требований, стоило того, чтобы быть вытолкнутой на улицу собственноручно Живым Пактом Гильдий. Эта аудиенция состоялась несколько недель назад, но до сих пор Таисия смаковала воспоминания о его умильном раздражении.

Она швырнула кипу писем в огонь и поправила ее концом своей трости. Таисия мысленно пробежалась по перечню дел и, устроившись поудобнее, приступила к чтению. Огонь мерцал у ее пяток, согревая кожу ее окоченевших ног.

Она написала *Официальное Соглашение и Руководство Гильдий Равники* задолго до Лабиринта. Задолго до того, как Пакт Гильдий обрел тело и теперь мог спать, есть, пропасть и умереть, как и любой другой житель Равники. И теперь эта книга лежала у нее на коленях. Таисии не нужно было читать ее физически, чтобы знать ее содержание, но завтра для нее будет ответственный день, и Таисия нуждалась в комфорте ее наивысшего творения.

Наконец-то у нее были все инструменты для реструктуризации гильдии. Союзники, готовые помочь, лазейка в законе, для того чтобы проложить дорогу к свободе от невыносимых мертвецов.

Воистину, лучшей частью всей этой затеи с Лабиринтом, был проигрыш. Греясь у огня, Таисия вспоминала свой трепет от тайного осознания произошедшего, когда Нив-Миззет испытывал Живой Пакт Гильдий после победы последнего над гильдейскими избранниками.

Теперь, когда у Пакта Гильдий было тело, закон обрел голос. И то, что произносил этот голос, становилось законом. Манипулируя этой формальностью, Таисия могла теперь бросить вызов монополии Обзедата.

Это была очаровательная лазейка.

В первую очередь, Таисия была адвокатом. Она *обожала* лазейки в законах.

- Я вижу, ты нарциссируешь даже в свободное время, внученька.

Таисия едва не подпрыгнула в кресле. Жирные, пышные складки призрачного тела ее деда, Карлова, всплыли сквозь запертое окно ее кабинета. Таисия помрачнела.

- Меня не волнует, что ты физически не можешь постучать, я не потерплю вторжений в свой досуг, - огрызнулась она. С проворством, которым он явно не обладал при жизни, Карлов грациозно опустился в кресло напротив Таисии, во все глаза пялясь на книгу, лежащую на коленях внучки.

- Зачем читать то, что ты сама написала, милое дитя? – Обладай он массой собственного тела, Карлов провалился бы сквозь кресло, но у смерти было множество преимуществ. – Если ты, конечно, не предпочитаешь чтение собственных слов совету собственной семьи.

Таисия мысленно пробежалась сквозь бесконечный перечень своих последних разногласий с Обзедатом. Но, вместо того, чтобы догадываться, о каком из них говорил ее дед, Таисия решила, что ей глубоко и искренне на это плевать.

Она выпрямилась в своем кресле. – Какой совет ты хотел бы мне дать, дедушка Карлов?

- Оставь тщеславие, - проворковал призрак, положил массивную ладонь на ее копию *Официального Соглашения и Руководства Гильдий Равники*. Вторую ладонь он поднес к щеке своей внучки, проведя большим, уродливым ногтем по ее скуле. – И начни думать о своей крови. Твоя физическая жизнь потечет гораздо быстрее, если ты прекратишь возвращаться к прошлым ошибкам.

Таисия сглотнула кислотоватый привкус отвращения. Хотя она и не чувствовала его прикосновения к щеке, ощущение острого отторжения волной всколыхнулось в ее желудке.

Она состроила покорное выражение лица. – Я читала, чтобы напомнить себе о своих ошибках. Совет затребовал ряд исключений из моих законов; я недальновидно проигнорировала их. Моя должность Верховной Посланицы уступает авторитету Обзедата, - лстыиво заверила она предка. – Однако мои адвокатские обязанности требуют прочтения многих текстов, что ни в коей мере не связано с тщеславием.

Призрак помрачнел. – Ты все еще дорожишь званием адвоката больше, чем титулом Верховной Посланицы?

- Я дорожу обоими титулами, как подаренным мне, так и заслуженным. Я тяжело работала, чтобы стать адвокатом Законов Равники.

- Существуют более важные законы, чем те, что описаны в твоих книжках.

Терпение Таисии покачнулось. – Это не правильно...

- Это наш путь! Я чувствовал это при жизни. Я чувствую это еще острее в смерти.

- Ничего ты не чувствуешь в смерти, - прошипела Таисия.

Карлов замер.

- Ты чувствуешь лишь бесконечный цикл всего того, что ты чувствовал, когда был жив. Ты был ненасытным денежным мешком при жизни, и стал еще хуже после смерти, - Таисия брызгала ядом, обычно предназначенным для театральных выступлений в суде – она не могла удержать правду, струящуюся из ее уст.

Карлов поднял брови. Уголки его губ слегка приподнялись, и он пассивно откинулся на спинку кресла. – Я не вижу здесь никаких проблем, дитя мое.

Он встал и протянул свою полупрозрачную руку. Таисии хотелось плюнуть в нее.

Но, вместо этого, Верховная Посланица Дома Оржов, связанная столетиями покорности, подалась вперед и раболепно поцеловала контур кольца члена Совета. В это мгновение, Таисия фантазировала, как прокусывает его жирный палец до кости. Душит его своими сильными руками и хлещет ладонями по его лоснящемуся лицу, пока он не начнет скулить о пощаде. Она понимала, что в отсутствии физического тела, она не могла нанести ему вреда.

Таисия поднялась с внутренней решимостью.

- Глупышка, - засмеялся Карлов. – Отыщи завтра моего тралла, - вяло предложил он, уходя. – Попроси у него пару лишних монет. Купи себе что-нибудь миленькое.

* * * * *

Таисия купила на эти монеты нож.

В данный момент он был обернут тканью и прицеплен к ее поясу у бедра, пока саму ее, закованную в кандалы, конвоировал ее союзник, Тажик из гильдии Борос. Он вел ее, переодетую и скрытую вуалью, сквозь шумные улицы мимо базилики Оржовы. Толпы отчаявшихся прихожан проплывали вокруг них, нервно и быстро переходя мостовую. Стайка призраков уныло проплыла мимо Таисии и Тажика, пока те пытались обойти троицу возбужденных фанатиков. В Оржове не было ни рынков, ни торговцев. Здесь ничего нельзя было купить, но лишь принять в дар из рук церкви. Оржова была беспокойным местом для тех, кто не входил в ряды гильдии, и суета улиц отменно укрывала Таисию от любопытных глаз.

- Шевелись, старуха! – Рявкнул Тажик, когда Таисия позволила себе споткнуться о собственную хромую ногу. Ее маска была крайне важна для их плана. Хотя нужные ей записи находились в самой базилике, было бы слишком заметным войти в нее открыто. Таисии нужно было, чтобы Тажик провел ее туда тайно, и она надеялась, что данная демонстрация доброй воли сможет привести к будущему альянсу их гильдий.

Неподалеку от основного здания церкви располагалась застава Борос. Тажик завел ее внутрь через парадный вход, мимо нескольких стражников, салютовавших рыцарю Борос. Тажик кивнул им в ответ и живо повел Таисию по длинному коридору с камерами. Пустые глаза нескольких

преступников, ожидавших переправки в главную тюрьму, пристально уставились на Таисию сквозь ее вуаль. Она закатила глаза.

Тажик повел ее вниз по крутой винтовой лестнице в сырой блок подземных камер. Здесь не было ни заключенных, ни света, указывавшего им путь. Тажик отпустил ее, и Таисия сняла вуаль. Он зажег факел и проводил ее в подвальной камере, заперев за собой дверь.

- Прошу прощения, что обозвал Вас старухой, - рассыпался в извинениях рыцарь, осторожно снимая грубыми ладонями кандалы с запястий Таисии.

- О, все верно. Я старая. Технически.

Тажик неловко улыбнулся, отпирая кандалы. Она размяла кисти и осмотрела пустую камеру.

Таисия кротко вздохнула. – Есть что-нибудь, на что я могла бы опереться?

Тажик обнажил свой меч и передал его ей. Рыцарь широко улыбнулся, - Он не только может служить опорой; им также можно прекрасно открывать банки и, иногда, убивать людей. – Таисия взялась за рукоять, используя лезвие в качестве трости. Она подошла к стене и постучала по кирпичной кладке.

- Мне приятно думать, что я отлично его спрятал. Никто из стражников не обнаружил вход, - с гордостью произнес Тажик, указывая на часть стены, очевидно скрывавший потайную дверь. Множество бессонных ночей ушло на магическое выдалбливание туннеля в триста ладоней, соединявшего камеру заставы Борос и архива Обзедата.

Тажик прислонил руку к торчащему из стены кирпичу в тускло освещенной камере. – Я могу отпереть его сам, но не желаете ли, сначала, проверить, работает ли Ваш метод?

- Любой закон, вербально утвержденный Живым Пактом Гильдий, является нерушимым для того, к кому было направлено утверждение, - сказала Таисия, снимая вуаль и маскировочные лохмотья, в которые она была одета на улице. – Все, что мне нужно сделать, это напрямую сослаться на утвержденный им закон, и его действие должно быть тут же явлено. Я вынудила Джейса утвердить около двадцати мелких законов. Он был крайне раздражен, - улыбнулась Таисия. – Это было бесценно.

Тажик улыбнулся ей и коснулся стены, указывая Таисии путь сквозь сооруженный им проход. Потолок был низким – что объяснимо, учитывая скорость и тайность работ – и свет их факела едва освещал стену на том конце прохода.

Таисия нагнулась и одной рукой держалась за стену, проходя по темному туннелю. Ее новая трость цокала по камням, эхом отражаясь от стен и утопая во тьме. Тажик, оставшийся позади, чтобы запереть за ними тайную дверь, быстро нагнал Таисию в тесном проходе.

- Ты не обязан был все это делать, Тажик, - сказала Таисия. – Призрачный Совет тебе лично ничего не сделал.

- Вы сильный лидер и союзник. Ваши таланты и умения пропадают зря, пока Вы находитесь под гнетом Одзедата.

- Что ж, спасибо, Тажик.

- К тому же, я ненавижу призраков, - признался он. – Не обижайтесь.

- Не обижаюсь. – Таисия провела рукой по стене прохода. – Эти мертвецы достойны твоей ненависти.

Они дошли до конца туннеля. Таисия остановилась и проговорила по памяти: «Общие принципы и порядки, раздел 12, параграф 4.» Ее сердце забилося чаще от вибраций магии закона в собственном голосе. «Официальным представителям гильдий может быть предоставлен проход от одного подконтрольного гильдии места жительства или ведения дел к другому посредством официального ордера».

Тажик передал ей свиток с текстом, который он набросал заранее. В его ладони он казался крошечным. Таисия поднесла ордер к каменной кладке и почувствовала, как стена слегка завибрировала.

Она отступила на шаг, наблюдая, как стена свернулась, растворившись в крошечной тьме, царившей позади кирпичной кладки. Пыль осела на пол, являя их взору темную комнату, со всех сторон уставленную стеллажами со свитками и фолиантами. Таисия поежилась.

- Уф, - поморщилась она. – Странные ощущения от этой магии Закона.

- На что похоже? – спросил рыцарь. – Таисия состроила кислую мину.

- Чопорность. Вялость. Похоже на семейный ужин, от которого не отвертеться, - она подернула плечами.

Тажик издал беспристрастный звук. – Точное описание любого моего взаимодействия с Азориус.

Таисия мельком усмехнулась, возвращая Тажику его меч. – Приготовься. Здесь, возможны заклинания, поднимающие тревогу, - предупредила Посланница. Держась за стеллажи вдоль стен, она вошла в комнату; портал закрылся за их с рыцарем спинами.

В архиве стояла крошечная темень, не считая теплого свечения их факела, освещавшего несметные кипы книг и свитков. Таисия замерла и зачитала, «Правила и Нормы по Обеспечению Безопасности, Статья 14: Все описанные меры безопасности должны быть одобрены Кабинетом Библиотечных и Информационных Дел Сената Азориус перед проверкой и введением в эксплуатацию, те из них, которые нарушают данное правило, должны быть отмечены в целях дальнейшего расследования».

В воздухе возникли тонкие нити, паутиной мерцающие в свете факела.

- Вот они. Не касайся их и следуй за мной, - проинструктировала Таисия. Тажик снова передал ей меч, и она прошла вдоль книжных полок, осторожно огибая переплетения сверкающей магии.

Миновав основную массу охранных лучей, свет их факела осветил грубую кристальную дверь, инкрустированную тысячами драгоценных камней. Какой бы мастер ни соорудил ее, он явно больше заботился о количестве камней, чем об эстетике. То, что подразумевалось, как демонстрация огромного богатства, получилось отчаянной попыткой впечатлить пустую комнату.

- Это самая большая безвкусица, которую я видел за всю свою жизнь, - с презрением в голосе сказал солдат.

- Мы входим в святилище Обзедата. Поверь мне, внутри еще хуже, - сказала Таисия, с улыбкой поднося свой новенький нож к ладони. – Следующий отрывок написала *я сама*.

Она спокойно и решительно надрезала кожу на предплечье, зачитывая слова, «Статья 12 *Оржовнии*, руководящая персона, признаваемая гильдией Оржов, может быть допущена в Палату Обзедата при надлежащем удостоверении личности».

Таисия опустила на колени и осторожно помазала собственной кровью нижний угол двери.

- А почему там, внизу? – спросил Тажик.

Таисия пожала плечами. – Это дорогая дверь.

Кровь быстро впиталась в кристальную поверхность, и где-то в глубине, щелкнул замок. Таисия принялась открывать тяжелую инкрустированную дверь.

- Как будто эти мертвые сороки действительно бы выбросили что-то свое, - пробормотала Таисия, с усилием отодвигая кристальную глыбу. Тажик хотел было помочь, но Таисия продолжала, погруженная в свои мысли, - А Дядя еще говорил, их тела были *сожжены*. Ха!

Дверь открылась, и рыцарь ахнул.

Десятки сверкающих, кожистых трупов, одетых в золото и темный бархат, восседали на тронах вдоль стен комнаты. Мумифицированные старые тела каждого патриарха и матриарха Обзедата беззвучно сидели, покрытые с головы до пят едва ли не каждым украшением из их персональных сокровищ, коими они владели при жизни. Длинные, провисающие одежды покрывали скелетов с натянутой высохшей кожей, с бриллиантами и гагатами, вставленными в пустые глазницы и Оржовские уродства, более очевидные у одних, и менее заметные у других. Черный бархат их мантий тускло светился на фоне тугой древней плоти трупов, которых они покрывали, десятки колец были нанизаны на костлявые, бесплотные пальцы. Троны, на которых покоились тела, блестели эбонитом и обсидианом над отполированным полом, инкрустированным сверкающими алмазами.

Тажик остановился и уставился вверх, на десятки других тел, лежащих на украшенных драгоценными камнями полках в стенах палаты Обзедата. Возраст тел и их имущества заметно возрастал по мере их приближения к потолку, выложенному искусной мозаикой из бриллиантов. Свет факела бесконечно преломлялся и отражался от стен и пола палаты, и Таисия уверенным шагом прошла в центр безлюдного зала. Она что-то пыталась отыскать в полу. Небольшие промежутки меж драгоценных камней были заполнены сверкающим золотом и платиной. Никаких кресел, кроме ужасающих тронов здесь не было, а воздух пропах едким запахом уксуса и бальзамирующих жидкостей.

Одно из относительно свежих тел у дальней стены остро воняло химикалиями, естественными выделениями, и темной магией. Таисия коротко остановилась у его трона. – Привет, Дядя, - пробормотала она.

- Тажик застонал. – Ангелы небесные. Да это воссоединение семьи.

- Я предупреждала, что внутри будет хуже, - усмехнулась Таисия, кладя меч на пол в центре комнаты и берясь за ручку, вмонтированную в полу. Она с усилием вытянула из-под ног инкрустированный сверкающими камнями сундук.

Лицо Тажика было искажено гримасой отвращения. – Пожалуйста, скажите, что они не двигаются.

- Оставь эти варварские предрассудки.

- Вы назвали членов Вашей семьи «сороками», потому что они *магическим образом сохранили свои тела*.

- Ну, я не против самой идеи, но исполнение *слишком* уж вульгарно. – Таисия смахнула рукой пыль с защелки сундука, вытащив его полностью из-под пола.

- Все записи там, внутри? – спросил Тажик. Таисия кивнула, открывая сундук и кладя ветхую учетную книгу на роскошный пол. Она осторожно перелистывала страницы, пока не расплылась в довольной улыбке. Таисия встала.

- Порядок, - прошептала она. Таисия подняла голову и зачитала по памяти, сосредоточив все внимание на тускло освещенном фолеанте перед ней.

- Постановлением объединенных гильдий Равники, принято решение о том, что усовершенствование и продвижение любой гильдии за счет другой может быть рассмотрено и расценено, как акт военной агрессии. При обнаружении доказательства подобной деятельности представителем любой другой гильдии, таковое доказательство должно быть конфисковано и передано Живому Пакту Гильдий для дальнейшего расследования. Тажик из Гильдии Борос, что ты видишь перед собой?

- В смысле, помимо скелетов с натянутой кожей?

Таисия взглянула на него с раздражением. – Я говорю о содержании книги на полу.

- Прошу прощения. Скелеты отвлекают внимание. – Тажик опустился на колени и быстро просмотрел страницы на полу, стараясь не слишком близко подносить к ним пламя факела. На первый взгляд это напоминало ведомость о доходах гильдии Оржов. Он осторожно пролистал пару страниц, состоящих из вычеркнутых цифр, перечня сделок, узнаваемых имен, и описаний расположений денежных хранилищ.

- Это очень старая регистрационная книга учета, которая, явно неоднократно редактировалась. Что-то мне подсказывает, что это именно то доказательство, которое Вы искали.

Таисия торжествующе улыbnулась.

- В соответствии с *Новым Соглашением Гильдий Равники*, тебе предоставляется право на разоблачение. Твой долг представить найденное свидетельство финансовой коррупции Живому Пакту Гильдий. – Произнесла Таисия сквозь слезы счастья. Она чувствовала, как магия закона пронизывала каждое ее слово, и ее сердце порхало от радости.

Тажик попытался поднять книгу с пола.

Он попытался еще раз.

Улыбка Таисии растаяла.

Ветхие пыльные страницы превратились в нерушимую твердыню, словно, слившись с алмазным полом. Тажик положил факел и изо всех сил вцепился в фолиант, используя всю свою мощь и волю, чтобы сдвинуть книгу с места. Сердце Таисии похолодело. Она ощутила, как он призвал себе в помощь могучую магию Борос, но как бы он ни старался, сдвинуть фолиант с места он не мог.

Таисия покачала головой.

- Не понимаю. Это должно было сработать. Я написала закон, он был утвержден Пактом Гильдий, он должен работать.

Тажик взглянул на Посланицу в отчаянном смятении. Тревога сдавила сердце Таисии. Она закрыла глаза и поднесла руку ко лбу, тщательнейшим образом восстанавливая каждую деталь своих знаний о законодательстве. Ее глаза распахнулись от неожиданного осознания, исказив лицо в гримасе ужаса. Она сдвинула складки платья, обнажив нож на бедре.

- Попробуй его украсть, - сказала она. Тажик в растерянности наблюдал, как Таисия указывала ему на свой нож. Она решительно сдвинула брови. – Мелкое воровство является нарушением права на собственность и карается в зависимости от решения суда! – Выкрикнула Таисия, вкладывая всю свою энергию в данное законное утверждение.

Тажик поднялся и подошел к ней, его сапоги гулко звенели по алмазному полу. Он без труда взялся за рукоять ножа, и Таисия затаила дыхание. Он снял оружие с ее пояса. Верховная Посланица Оржов замерла в ужасе.

- В этой комнате можно нарушать закон, - сдавленным голосом проговорила она. Ее серые глаза расширились, и она в страхе осмотрела пустую, нарочито пышную палату.

- Что значит, в этой комнате можно нарушать закон?! – Переспросил Тажик.

Таисия хриплым голосом пробормотала в ответ, - Пакт Гильдий не имеет силу в этой комнате! Что-то в этом месте напрямую искажает закон Равники.

- Как Обзедату это удалось?! Они же мертвые! Они не могут накладывать заклинания!

- Это что-то древнее! Старше меня, возможно, даже старше любого члена совета, я не знаю, что это!

- Что ж, тогда ты просто глупая девчонка.

Таисия ахнула. Тажик рефлекторно выставил перед собой только что украденный нож, защищая их обоих. Голос возник ниоткуда. Учащенное дыхание рыцаря Борос и адвоката Оржов зловещим эхом разносилось по комнате. Безмолвие было резко нарушено, когда Таисия прорычала в пустоту, - Дедуля.

Призрачный силуэт таинственно сиял в свете факела. Он тихо подплыл к своей внучке с укоризненной родительской хмуростью на лице.

- Закон не действует на нас, внученька. Я твержу тебе это веками.

- Весь Обзедат, все то, как функционировала наша гильдия – неправильно с точки зрения закона.

Она тряслась от раздражения. Каждый мускул в ее теле желал бить, колоть, резать, убивать, но она знала, что все это бесполезно. Карлов изобразил снисходительный вздох. Призрак явно не дышал уже довольно давно – его жест был унылой пародией на вздох.

- Боюсь, мне придется наказать тебя за твою вспыльчивость, Таисия. Ты меня очень разочаровала.

- Я не ребенок!

- Ты не повиновалась моей воле.

- В этой комнате можно не повиноваться! – Заявила Таисия, обедая рукой палату.

- В этой комнате можно повиноваться нам, - с железной уверенностью опроверг ее слова Карлов.
– Я инициирую незамедлительный созыв Обзедата.

Тажик вскрикнул от неожиданности, когда десятки привидений поднялись из-под пола. Тучные, изуродованные тела давно умерших членов совета Оржов выплывали из-под ног рыцаря, обмораживая его своим потусторонним касанием. Он замер в шоке на месте, уронив факел на пол. Таисия стояла неподвижно, привыкшая к манерам мертвецов. Температура в зале заметно снизилась, и слезы прежней радости застыли на щеках Таисии.

Карлов поднялся выше, воспарив над другими призраками Обзедата.

- Верховная Посланица Оржов желает свергнуть совет. Как мы ответим на ее дерзость?

Привидения завопили от злости, чужеродными, потусторонними звуками, то которых кровь в жилах Таисии и Тажика похолодела.

- Тралла сюда! Увести Боросовца в подземелье, - приказал Карлов. Сквозь раскрывшуюся дверь ввалился тралл и схватил Тажика за запястья. Солдат обернулся к Таисии, неуверенный, стоит ли ему сопротивляться. Таисия едва заметно покачала головой в ответ. Рыцарь Борос покинул палату, ведомый своим уродливым тюремщиком, и тяжелая дверь заперлась за его спиной.

Таисия стояла, тускло освещенная свечением факела на полу. Десятки призраков сверлили ее взглядами со всех сторон. Карлов подплыл к ней, он мрачно взирал на внучку сквозь толстые складки на безобразном лице.

- Волей Обзедата, твое звание адвоката *отозвано*.

Сердце Таисии сжалось. – Ты не можешь!

- Здесь могу. Совет запрещает тебе практиковать право до конца твоего существования, - продекларировал Карлов.

У Таисии голова шла кругом. – Да я и так уже почти не практикую! Лишь Сенат Азориус может отозвать мое звание адвоката...

- Мы поступаем, как нам угодно. Как всегда.

Ее жизнь. Ее работа. Все кончилось. Таисия осела на пол, опершись руками в пол. – Ты планировал это...

- Отзыв звания адвоката? Ну, конечно, тщеславная дурочка. И, если ты хочешь его вернуть, то ты встанешь в строй и вспомнишь о своей крови.

Мы обсудим детали твоего второго титула Верховной Посланицы незамедлительно. Встретимся в башне Оржовы, да? – Карлов улыбнулся и указал в сторону двери в архивную комнату у дальней стены комнаты.

Таисия тяжело дышала, сжав руки в кулаки на алмазном полу. – Ты не можешь забрать у меня то, чего я достигла самостоятельно.

Карлов улыбнулся. – Могу, если ты не отдаешь приоритет Обзедату. Мы дали тебе этот титул. Ты обязана всецело служить нам. – Он протянул руку, являя свое призрачное кольцо.

Таисия взглянула сквозь него, на алмазный пол.

Карлов цыкнул языком.

- Дерзкая девчонка.

- Мне сто двадцать лет, - прошипела Верховная Посланница.

Карлов медленно спустился, пока его жирное лицо не оказалось на уровне ее уха.

Он симитировал вздох и дрожащее старческое дыхание и процедил сквозь зубы.

- Ты мелочь.

Так оно и было.

- Башня, как ты знаешь, примерно в семи этажах над этим залом. Не заставляй меня ждать, - усмехнулся призрак, исчезая в потолке.

Таисия осталась одна. Тлеющие угли факела освещали меч Тажика. Она вздохнула. Титул Верховной Посланницы никогда не был даром. Это был способ держать ее в узде.

Она, Таисия Карлова из Гильдии Оржов, была в долгу.

Она подняла меч.

Она поднялась на ноги и выпрямилась, опершись о клинок, как о трость.

И направилась к лестнице.

Гордыня кроулов

Alison Luhrs

Кроулы – насекомовидная раса Голгари. Они присягнули на верность гильдии лишь недавно, спустя столетия безвратного существования на задворках Нижнего города. Несмотря на преданность гильдии, верхние эшелоны Голгари не считают их своей равней. Мазирек, жрец смерти и предводитель кроулов, не желает сидеть, сложа руки в ожидании внимания к его народу со стороны гилдмастера Джерада и его прихвостней.

Ратушей Голгари служил погруженный под землю древний кафедральный собор, окруженный необъятным круговым лабиринтом из толстых плесневых изгородей и поросших мхом развалин. Корозда, Лабиринт Увядания, затмевал собой все прочие строения в извечном полумраке Нижнего города. А в самом его сердце возвышался сам кафедральный собор – Свотгос. Верхние жители перешептывались о былой красоте собора - когда-то его выгнутые арки и каменные башни сверкали обсидианом и серебром. Но беспощадное время превратило его в холодный и сырой склеп, пронизанный извечным запахом заплесневевшей почвы.

Для обитателей Низовья он всегда оставался прекрасным.

Помощник гилдмастера Джерада Собеслав комфортно откинулся в мягком кресле в самом центре Ратуши. Его стол был приставлен вплотную к столу самого Джерада вод Саво, который обычно в это время задумчиво бродил по лабиринту, избегая лишних глаз. Публичность никогда не была отличительной чертой Личей.

Собеслав это прекрасно понимал и предпочитал не тревожить гилдмастера внутренними делами гильдии. В данный момент он разгребал стопку депеш в холодном свете люминесцентных грибов. Взгляд эльфийских глаз Собеслава (уставших, с нависшими веками, расставленных чуть шире, чем у большинства его собратьев) скользили по новостным сводкам Верхнего города, и он то и дело укоризненно цокал языком и причмокивал, читая об очередном дипломатическом фиаско на залитых солнцем площадях столицы. Груульские восстания. Разрыв отношений между Оржов и Азориус. Голгари лучше всего было оставаться в тени, подальше от множества потенциальных угроз, особенно теперь, когда Пакт Гильдий мог дышать, говорить, и в любой момент встать и уйти.

Закончив читать сводки, эльф швырнул их в компостную кучу в углу кабинета. В этих новостях для червей было больше пользы, чем для него.

Последнее письмо в стопке привлекло внимание Собеслава.

Добротно спрессованная бумага с тонким ароматом свежего мха. По центру красовалась блестящая черная печать, с которой на ленточке свисал диковинный гриб.

Странно.

Собеслав отложил гриб в сторону и аккуратно раскрыл письмо. Текст был написан изысканными чернилами, но почерк представлял из себя хаотичный набор царапин и неразборчивых клякс.

Спустя несколько мучительных мгновений, Собеслав разобрал, что держал в руках.

Это было приглашение.

Адресованное Джераду.

От Мазирека, предводителя кроулов.

Собеслав усмехнулся.

Он скомкал бумагу и швырнул в угол.

Письмо с влажным шлепком увязло в куче гнили.

Вот это спесь! Собеслав не мог унять смех. Да всем плевать на кроулов, кроме самих кроулов. Да и как иначе? Кроулы были одним из последних пополнений рядов Голгари. Столетиями они были лишь безвратной массой насекомовидных мышц. Жили на периферии общества и лишь недавно присягнули на верность Великому Рою. Гильдия, никогда не упускающая возможности расширить свои ранги, приняла их присягу, и кроулы заняли свое место среди прочей рабочей силы Голгари. В Рое не существовало четкой иерархии, но все знали, что у кроулов не было никакого веса в гильдии.

С чего вдруг *кроулам* взбрело в голову, что их гилдмастер откликнется на приглашение какого-то мелкого жреца смерти, не обладавшего ни малейшим влиянием?

Собеслав задумчиво уставился на скомканное письмо.

Приглашение было *настолько* нелепым, что вызывало желание выяснить его обстоятельства... И, конечно же, Джерад одобрил бы его инициативу, если бы Собеслав вдруг раскопал какие-нибудь вопиющие новости, и не о ком-нибудь, а о *кроулах*.

Эльф хитро прищурился и позвонил в колокольчик на столе. Через мгновение из-за двери показалась голова слуги, ожидавшего любых указаний.

- Собери пятнадцать представителей гильдии, - произнес Собеслав. Возможно, стоило продемонстрировать кроулам истинную мощь Голгари.

* * * * *

Привязанный к приглашению гриб служил указателем локации. Это был древний, но довольно точный способ обозначения места встречи среди членов гильдии. Грибные месторождения, конечно же, распространялись по всей территории Нижнего города, и любая грибница могла простираться на тысячи саженей в любом направлении. Точное место посреди целых экосистем плесени и грибов определялось простыми заклинаниями, и практически все члены Голгари понимали, о чем шла речь, получая незнакомый или диковинный гриб.

Собеслав произнес заклинание и услышал отклик от месторождения его гриба на расстоянии приблизительно трех дней спуска вниз. Он раздраженно вздохнул.

Провизия была собрана, веревки подготовлены к долгому путешествию в глубины бездонного Нижнего Города. Несмотря на просторы подземного пространства, у Голгари хватало мудрости не строить поселений в местах, где безликое Низовье не стало бы терпеть их присутствие.

Место приглашения находилось гораздо глубже разумных пределов.

Собрав все необходимое, Собеслав с небольшим отрядом приступили к спуску.

Дорога к грибнице вела сквозь пещеру, расселину, под водопад в глубокой заброшенной шахте, и через многие мили опустевших плесневых полей. Тропа уводила Собеслава все дальше и дальше, глубже чем кто-либо из его отряда когда-либо отваживался ступить.

Плесневые поля сменились древними канализационными колодцами, которые в свою очередь сменились сырой, окаменелой почвой. Голгари были могучей и старой гильдией, но не настолько глупой, чтобы копать там, где не стоило.

Следуя зову грибницы, Собеслав позволил мыслям плыть по течению. Его изначальная отмашка от приглашения метастазировала в семя страха, и теперь оно дало корни и росло по ходу спуска. Все же, Мазирек был жрецом смерти. Пути насекомых были чужды эльфам. По самой своей природе кроулы были инородными и сложными для понимания. И хотя Голгари гордились тем, что никогда не отворачивались от маргинальных и угнетенных меньшинств, Собеслав никак не мог избавиться от тревожного предчувствия по поводу цели этого приглашения. Кроулы присоединились совсем недавно. Возможно, ими до сих пор движет дикость безвратных.

Не разозлит ли их то, что вместо гилдмастера к ним явится Собеслав?

Эльф встряхнул головой, наполняя сердце силой и гордостью. Им следовало бы этого ожидать. Право говорить с самим великим личем Джерадом вод Саво, нужно было еще заслужить.

С такими мыслями Собеслав вел свой отряд, погружаясь все глубже во мрак Низовья. Время от времени эльфы спускали друг друга на веревках, не редко, втягивая и без того тощие животы, чтобы протиснуться между валунов. В один из дней отряд проходил сквозь пещеру с громадными кристаллами, возвышавшимися над эльфами, подобно деревьям Верхнего мира. Воздух в той пещере был раскален, дышать было сложно, но они не свернули с пути. Поход питал любопытство Собеслава тем сильнее, чем более чужеродной становился окружающий пейзаж. *Где жил этот жрец смерти? Чего ему было нужно?* На третье утро пути Собеслав остановил своих воинов. Он перепроверил заклинание на грибе Мазирека и кивнул. Они находились в жаркой, и весьма просторной пещере. Чары грибницы вели сюда.

Эльф втянул носом воздух и прислушался, всматриваясь во тьму.

Вон там, справа.

Расселина была почти незаметна.

Тонкая трещина в стене, едва прикрытая полупрозрачной паутиной из тонких мерцающих нитей.

Из расселины веяло древней магией смерти.

Собеслав поежился. Это мог быть только жрец кроулов.

Эльф собрал отряд быстрым импульсом магической силы, создав простые узы между собой и остальными бойцами. Магия пещер была вязкой и грубой, долговечной, но сложной в освоении. В отличие от остальных членов гильдии Собеслав никогда не интересовался заклинаниями увядания, предпочтя им направление выживания.

Эльф шагнул вперед, осветив подземным заклинанием острые углы, впадины и трещины. Камни вокруг отряда замерцали магическими контурами, очерчивая края и опасные выступы, и эльфы продолжили спуск.

Стены пещеры сужались с каждым шагом, дышать становилось все труднее. Собеслав выдохнул весь воздух из легких и скользнул сквозь расселину. Кто-то за спиной дернул магические узы, и Собеслав потянул их за собой. Они почти добрались. Не время было впадать в клаустрофобию.

Выход из тесной расселины светился перед Собеславом двумя параллельными линиями. Он подался вперед и выпал на твердую почву. Вскоре показались и остальные члены отряда.

Эльф поднялся на ноги, привыкая к сухому воздуху, уловив легкий мускусный запах, обволакивавший окружающее его пространство. Камни под ногами были покрыты мягким слоем желтоватой мембранной плесени.

Собеслав призвал еще одно освещающее заклинание, на этот раз более общего толка, чтобы осветить пространство вокруг и над отрядом. Сотни крошечных светящихся огоньков роем взмыли ввысь, источая тусклый свет, щадящий отвыкшие от ярких красок глаза эльфов. Легкая головная боль сдавила виски Собеслава, и он нахмурился – давно уже ему не доводилось использовать так много магии, но он не думал, что настолько утратил навык.

На дальней стене пещеры, перед отрядом высилась массивная плита. Она была усеяна сверкающей кварцевой крошкой и обрамлена с двух сторон аккуратно вытесанными узорами. Если бы подобная плита была обнаружена Наверху, ее бы легко можно было спутать с частью особняка какого-нибудь олигарха, но здесь, под землей, она свидетельствовала о далеком, всеми забытом прошлом.

По центру плиты было высечено единственное предложение.

У эльфов не было времени его прочесть.

Вокруг что-то непрерывно... гудело.

Это был приглушенный шум, на который они поначалу не обратили внимания.

Собеслав поднял светящиеся огоньки выше, и в их тусклом свете проявились сотни вибрирующих силуэтов насекомых.

Один из эльфов попятился от неожиданности. Остальные застыли на месте. Головная боль Собеслава усилилась, как только он взглянул на кишаший кошмар над их головами.

Там, облепив потолок пещеры в ожидании их прибытия, гудели кроулы.

В бесконечных рядах насекомых прошла короткая дрожь. Послышалось жужжание крыльев. И на покрытый плесенью пол пещеры с вязким шлепком опустился массивный силуэт. Когда существо выпрямилось, его пара сетчатых глаз с предельным призмением взглянула в глаза Собеслава.

Мазирек щелкнул мандибулами и встал в полный рост. Даже по меркам самих кроулов, он был огромен.

- Я пригласил Джерада вод Саво, а получил вместо него его пса. – Собеслав поморщился от какофонии щелчков, скрежета и потока глухих согласных звуков; универсальный язык Равники звучал странно и исковеркано в мандибулах Мазирека.

Эльф с трудом сглотнул и опустил светящиеся огни, погрузив потолок пещеры во тьму, чтобы лучше осветить, стоящего перед ним жреца смерти. Виски Собеслава пульсировали от боли, и он сощурился, чтобы одновременно рассмотреть и сосредоточиться на массивном насекомом.

- Я помощник гилдмастера Джерада вод Саво, Собеслав. Гилдмастеру нездоровилось, и он послал меня. Что у тебя за дело к главе гильдии?

Мазирек сжал свой посох. Его суставы захрустели, а крылья издали раздраженный гул.

Жрец шагнул к Собеславу, и тот отшатнулся на полшага назад.

- Скажи мне, Собеслав, - произнес Мазирек, - Что Голгари думают о кроулах?

Волна звуков, схожих с треском бесконечных цикад, прокатилась с потолка. Собеслав вдруг понял, что кроулы *смеялись*. Головная боль уже вонзалась в его мозг кинжалами мигрени, и он еле сдержался, чтобы не застонать.

- Кроулы... рабочая сила. Рабочие. Они возделывают плесневые поля и обслуживают сточные колодцы. Они недавно пополнили ряды гильдии и должны вносить свой вклад в общее дело.

- И это все? – проскрипел Мазирек.

У Собеслава возникло ощущение, что нет.

Шипящий смех вырвался из мандибул жреца смерти и слился со скрежетом свисавших с потолка кроулов.

Эльфа прошиб холодный пот. Вспышки света плясали перед его глазами, а разум сжался в агонии. Бесконечный гул кроулов был невыносим, а их жуткий смех, казалось, вибрировал в костях.

Неожиданно за спиной Собеслава послышался мягкий *шлепок*. Один из его бойцов рухнул на слизкий пол, дергаясь в конвульсиях. Собеслав выругался и гневно взглянул на Мазирека.

- Мы из одной гильдии! Ты пожалеешь, если не прекратишь вредить моим людям!

- Я так не думаю.

Глаза еще одной эльфийки закатились, и она упала на землю. Густая пена вытекла из ее рта.

Собеслава пронзила резкая боль в правом боку.

– Печень беспокоит? - как мог сымитировал беспокойство Мазирек.

Третий эльф упал на плесневый пол. Собеслав скривился от боли.

- В чем дело? Мы же ответили на твой призыв и пришли...

Эльф со стоном рухнул на колени. Мазирек склонился над ним, касаясь мандибулами уха Собеслава. – Мой народ желает места за столом. Обновление постоянно, Собеслав. И, как ты понимаешь, иногда для него требуется смерть.

Собеслав зарычал сквозь волны агонии. – Я не дам тебе убить меня, кроул.

Мазирек склонился еще ниже. – Я убиваю тебя уже несколько минут, участок мозга за участком.

Собеслав хотел броситься в бой, но в это мгновение одна из почек отказала. Четвертый боец рухнул на землю. Остатками здравого рассудка Собеслав понял, что Мазирек приберегает его напоследок.

Жрец смерти выпрямился в полный рост.

- К тому же, - проскрипел Мазирек, - мне нужна смерть, чтобы отпереть дверь.

* * * * *

Враска опустила ложку сахара в свою чашку. Она стояла в своей коморке напротив Мазирека, уютно расположившегося на мягких подушках. Горгона заваривала черный чай – деликатес, который жрец смерти лишь начинал ценить по достоинству.

- Кроулы подчиняются единственному предводителю роя. Я был рожден для этого. – Говорил он на смеси щелчков и скрежета. Кроуловские мандибулы Мазирека с трудом имитировали язык большинства равникийцев. Но здесь он был в безопасности. Враска никогда бы не стала смеяться или издеваться над своим другом.

Горгона с интересом слушала рассказ Мазирека. – Тебя никогда не пугала такая ответственность?

Она высыпала не менее восьми ложек сахара в чашку и передала ее Мазиреку. Он принял ее с благодарным щелчком.

Жрец окунул мандибулы в чай и старательно зашевелил челюстями из стороны в сторону, всасывая напиток с несвойственной кроулам аккуратностью, после чего поставил чашку на пол. Он задумчиво свел верхние лапы. – Я провел всю жизнь в изучении нашего пути и искусства жреца смерти. Когда время пришло, и возникла необходимость, я был готов возглавить мой народ. Никто иной не обладает моими навыками.

- Меня упрекали в гордыне за подобную позицию, - понимающе улыбнулась Враска.

Мазирек издал вздох и тихий, вибрирующий треск растерянности. Он поднял вопросительный взор на сородицу.

- У кроулов нет понятия «гордыня». В чем его смысл?

Враска поставила чашку на блюдце и задумалась. Она сделала глубокий вдох, пытаясь облечь мысли в слова. Вскоре, у нее родился ответ.

- За всю мою жизнь многие совершали ошибку, не воспринимая меня всерьез, как эксперта в своей области, или как угрозу. – Руки Враски были сложены на коленях, а щупальца волос едва уловимыми движениями обрамляли ее лицо.

Она взглянула на Мазирека с искренностью в золотистых глазах.

- Если мне доведется столкнуться с неуважением, я буду обязана в первую очередь возлюбить себя с такой силой, чтобы ни один глупец не смог разубедить меня.

* * * * *

Мазирек дорожил воспоминаниями о той беседе. Гордыня была чужеродной концепцией для кроулов, но познав ее смысл, он принял ее. Он был способен на невероятные вещи, и презрение Голгари не могло этого изменить. Этим уроком Враска завоевала полное доверие Мазирека. Впервые он встретил горгону несколько лет назад, консультируя наемных убийц Ошрана. Мазирек благословлял и зачаровывал оружие всех, кто к нему обращался, и Враска была единственной, кто заговорил с ним после этого. Они начали встречаться после ритуалов, обсуждая политику и теологию, обогащая друг друга знаниями, и с годами их дружба заметно окрепла.

Мазирек ощущал гордыню с каждой отмирающей клеткой мозга Собеслава.

Эльф орал дольше минуты, когда отказала его поджелудочная железа.

Жрец смерти поднял посох и призвал остальных кроулов начать речитатив заклинания. Он говорил на родном ему языке; языке без плоти, скрежетом и щелчками, неподвластными губам человекообразных созданий.

Кроулы хором ответили на его призыв, и Мазирек начал свое заклинание.

Для неподготовленного уха, заклинание походило на ритмичный гул и скрежет какого-то громадного механизма. Мазирек же слышал в нем энергию многих тысячелетий, молитву возвращенного могущества, преамбулу к построению империи.

Жрец страстно направлял мотив заклинания, вплетая мистическую материю в каждый его слог. Слизкая плесень, покрывавшая пол пещеры, пробудилась и ее мембранная текстура зажглась тусклым светом душ только что погибших эльфов. С каждой новой смертью бойцов отряда Собеслава заклинание кроулов становилось сильнее. Попутно, Мазирек вытягивал жизненные силы из каждой освобожденной души, вплетая их в свой посох. Заклинание близилось к кульминации.

Собеслав стонал и извивался от боли, орган за органом его тело отмирало, обрывая связь с мозгом. Затуманенным взором он слепо смотрел в сторону Мазирека, мускулы на его лице исказились в беззвучной мольбе о пощаде. Жрец удерживал живыми лишь те участки мозга эльфа, которые позволяли ему чувствовать боль, усиливая темп заклинания, пропитывая его уязвленной гордыней.

* * * * *

Жилище Враски было прежде всего уютным. Оно представляло собой вывернутый на изнанку сундук редкостей: каждый дюйм на стенах был покрыт изысканными предметами и совершенно непонятными артефактами. Их цвета и формы поначалу резали сетчатые глаза Мазирека, но со временем это ощущение прошло. Это было гостеприимное место, настоящее логово путешественника. Над кухонным столом висел темный фиолетовый баннер. Глиняный сосуд с черными волнами вокруг широкого горлышка стоял на книжной полке. Десятки крошечных бумажных птиц свисали на лентах с потолка. Общая атмосфера была одновременно успокаивающей и захватывающей; каждая встреча у Враски напоминала чаепитие в музейных запасниках.

Мазирек расхаживал по гостиной в негодовании от очередного распоряжения гилдмастера.

- Джераду и всем его эльфам плевать на судьбу кроулов. Он срезал нашу долю пищевого довольствия, игнорирует все наши апелляции. Он скорее заморит нас голодом, чем позволит добиться малейшего веса в Рое Голгари. Наша присяга на верность для них ничего не значит!

Враска внимательно наблюдала за речью жреца.

- Мазирек, ты не одинок в своем гневе. Кроулы, горгоны - мы слишком долго были незаметны и неслышимы.

- Здесь изменить что-то может только вооруженный переворот. - Мазирек раздраженно щелкнул мандибулами. – Но для моего народа это слишком высокая цена.

- А что, если бы был способ обойтись без кровопролитья? – спросила Враска.

Мазирек остановился, уставившись на соратницу.

Враска не спеша, отпила из своей чашки. Она улыбнулась и загадочно пожала плечами. – Существует множество способов начать изменения, не проливая кровь.

* * * * *

Мазирек завершил заклинание. Кроулы уловили его феромоны и спустились на пол пещеры.

Собеслав все еще был жив. Он тщетно глотал воздух остатками легкого, не в состоянии сфокусировать взгляд.

Жрец смерти подошел к нему, вознеся посох над головой.

Единственная фраза сорвалась с пенных губ эльфа. – Кроул никогда не возглавит Голгари.

Мазирек склонил голову и щелкнул мандибулами. – Ты прав. Я и не собираюсь.

Край посоха опустился на затылок Собеслава.

- Но я знаю, кто возглавит. И ты pomoжешь мне обрести средства к их восхождению на престол.

Последний призыв силы. Трепещущий вдох жертвоприношения. Глаза Собеслава расширились от внезапного разложения ствола его мозга.

Тело эльфа, известного, как Собеслав, застыло у ног жреца смерти.

Мазирек довольно прожужжал крыльями и втянул остатки жизненных сил эльфа в свой посох.

Кроулы вокруг него возликовали и принялись воодушевленно причитать.

Мазирек сделал глубокий вздох и сосредоточился на обсидиановой плите перед ним.

Жрец принял посох средней парой рук, уперся задними лапами в мембранную слизь на полу, и подался вверх, вытягивая некротическую энергию из плесени под ногами, вбирая и впитывая ее всем своим телом. Энергия шестнадцати свежих душ, овевая жреца холодом с головы до ног, и Мазирек сплел быстрое заклинание, превращая вытянутое из плесени древнее разложение в кинетическую силу, объединенную с насыщенной смертью только что убитых эльфов.

Он схватил плиту за оба края и отодвинул в сторону.

Ему хотелось, чтобы это видел гилмастер, чтобы он прочувствовал свой конец, наблюдая за тем, как кроулы обретали свое могущество.

Но время Джерада придет совсем скоро.

Дыхание затхлого воздуха окатило жреца, как только печать каменной плиты была сломана. Пещера за ней была погружена в кромешную тьму.

Мазирек мгновенно почувствовал насколько древней была эта гробница. В ней пахло несколькими столетиями.

Кроулы сгрудились за спиной жреца смерти, пытаясь заглянуть в непроглядную темень.

Перед ними открылась пещера, настолько широкая, что ни один кроул не мог почувствовать ее стен. Подобно шеренгам солдат на клетчатом полу гробницы стояли сотни каменных саркофагов. Потолок был высоким и величественным, украшенным так, чтобы создать иллюзию ночного неба. Все в этом месте говорило об огромном, древнем богатстве и власти.

Мазирек ступил в гробницу, и потоки магии окатили вековые камни. Жрец почувствовал, что пробудил древнейшие чары, и с наслаждением наблюдал, как каждый саркофаг начал раскрываться.

Изящные руки, обернутые в ткань и украшенные роскошными кольцами, отодвигали крышки с собственных саркофагов, из которых начали восставать мертвецы по собственной воле, точно так, как предсказывала Враска.

Мазирек зажужжал крыльями от распирающей гордости.

Одна из самок кроулов подбежала к нему, источая запах растерянности.

- Кто это? – взволновано спросила она жреца на их родном языке.

Мазирек выпрямился во весь рост, величественно взмахнув посохом в сторону восстающей перед ним армии мертвецов. – Смотри, дитя мое: Умерилек, Мавзолей Былых, спасение кроулов и ключ к созданию империи Голгари.